

LATVIJAS PSR CENTRĀLAIS ŠAHA KLUBS

Partija spēlēta « 18 » 04 1965 g.

Baltie КЕРЕС Melnie СПАСКИЙ
 Rezultāts 11 5/8 Rezultāts 0 0
 Apdomāš. laiks 11 st. 8 m. Apdomāš. laiks 3 st. 10 m.

Gāj. №№	Baltie	Melnie	Gāj. №№	Baltie	Melnie
1	d2 - d4	kg3 - f6	21	eh - e5	kf6 - h5
2	ca - c4	ef - e6	22	kgm1 - g1	gf - g6
3	rb1 - c3	cf8 - b4	23	lga - g4	kg8 - d8
4	e2 - e3	h7 - b6	24	cea - d5	lde - g8
5	cf1 - d3	cc8 - b7	25	lft - f2	
6	kg1 - f3	kf6 - e4	26		1-0
7	0 - 0	cb4 : c3	27		
8	b2 : c3	keh : c5	28		
9	pd1 - c2	cb7 : f3	29		
10	g2 : f3	pd8 - g5+	30		
11	kgm1 - h1	kg5 - h5	31		
12	lf1 - g1	cfm5 : f2+	32		
13	lgt - g2	ff - f5	33		
14	cc1 - a5	kes - e4	34		
15	lad1 - f4	lkg8 - g8	35		
16	cds - e2	gf3 - h3	36		
17	f2 - f3	keh - f6	37		
18	d4 - d5	kg8 - f2	38		
19	ed - e4	cf7 - e5	39		
20	cas - b2	f5 - g4	40		

ВЫШГОРОД 1'2006

ВЫШГОРОД

1'2006

ISSN 1023-1099

ВЫШШГОРОД

1'2006

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Издается с марта 1994
Выходит 6 раз в год

ТАЛЛИНН • ЭСТОНИЯ
2006

ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

**МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ
ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ФОНДА KULTUURKAPITAL

Ирина БЕЛОБРОВЦЕВА • Майму БЕРГ
Арво ВАЛТОН • Тийу ВАЛЬМ
Рейн ВЕЙДЕМАНН • Лариса ВОЛЬПЕРТ
Людмила ГАНС • Екатерина ГЕНИЕВА
• Юрий ДРУЖНИКОВ •
Лола ЗВОНАРЕВА • Тээт КАЛЛАС
Любовь КИСЕЛЕВА • Михаил ЛОТМАН
Александр МЕЛИХОВ • Светлан СЕМЕНЕНКО
Юхан СИЛЛАСТЕ • Юло ТУУЛИК
Борис ТУХ • Иви ЭНМАА

**Номер посвящается 90-летию Пауля Кереса (1916-1975)
- великого сына Эстонии
Руководитель проекта Юло Туулик**

©
Журнал «Вышгород» № 1, 2006

©
Оформление В. Станишевского

©
Компьютерная графика О. Костанди

©
Название журнала - «Вышгород» - Ю. Зотова

Уединясь от всех далеко,
Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеяньи свою.

Александр Пушкин

- Я умоляю вас не прерывать партии. Я полагаю, что шахматные журналы заплатили бы недурные деньги, если бы имели возможность ее напечатать..

Михаил Булгаков
Мастер и Маргарита
М., Худож. лит., 1988, с. 617

Будучи чемпионом мира, он (Спаский) не раз позволял себе “неправильные” <...> высказывания. Однажды на лекции в Новосибирске его спросили - почему Керес не стал чемпионом мира. Тысячной аудитории он ответил: “У Кереса, как и у его страны, несчастливая судьба”. Еще бы! На пятьдесят с лишним лет Эстония стала объектом неблагоприятной политики КПСС.

Виктор Корчной
Шахматы без пощады
Москва. Астрель. АСТ. Транзиткнига. 2006, с. 117

**Приветствие спикера
Эстонского Парламента (Рийгикогу)
на открытии Международного коллоквиума
“Пауль Керес 90” 6 января 2006 года
в Таллинне в зале Академии Наук**

Глубокоуважаемая Мария Керес!

Досточтимые гроссмейстеры экстра-класса незабываемого поколения Пауля Кереса! Шахматисты, организаторы шахматной жизни и друзья шахмат в Эстонской Республике!

Мне выпала честь и волнующая душу возможность сказать вступительные слова на представительном коллоквиуме, который собрался здесь, в Таллинне, в память о всемирно известном эстонце, международном шахматном гроссмейстере Пауле Кересе. Хотела бы поблагодарить организаторов коллоквиума и отдельно господина Юло Туулика, который оказал мне помощь в раскрытии темы Кереса.

От имени Рийгикогу Эстонской Республики приветствую и благодарю прибывших в Таллинн гостей. Сегодняшним январским утром мы собрались в прекрасном зале Академии Наук Эстонии, вотчине академиков. Академия Наук Эстонии была вызвана к жизни осенью 1938 года, и ее первый пленум состоялся в Тарту 28 ноября. Если бы вы разыскали в архиве или в книгохранилище все тогдашние наиболее крупные ежедневные газеты Эстонской Республики за это число, то увидели

бы, что они отнюдь не информировали на своих первых страницах об этом знаменательном событии в духовной жизни эстонской интеллигенции, а напечатанная крупным шрифтом главная новость извещала всех, что накануне 22-летний шахматист Пауль Керес выиграл в Голландии турнир AVRO, и это дало ему право быть первым претендентом на титульный матч с Александром Алёхиным.

Начиная с турнира AVRO, который на протяжении всей шахматной истории остается одним из самых представительных и сильных, саму историю этой древней игры уже невозможно писать, не вспоминая о Пауле Кересе. Эстонец остается в элитной компании мужей, возделавших шахматного трона, почти четыре десятилетия. Керес становится символом, знаком и легендой, а для нас, эстонцев, - национальным идолом.

Период зарождения истории и культуры Эстонии и эстонцев, собственной государственности, самостоятельных политических институтов, действующих на родном языке, в масштабах Европы кажется весьма коротким. У нас, правда, есть почти четырехсотлетний свой университет, основанный в 1632 году шведами Тартуский университет, однако обучение на нашем родном языке началось в нем только с 1919 года. И вполне очевидно, что для мира первой преодолевшей, как теперь говорят, новостной порог информацией о способностях эстонцев стали подвиги наших богатырей-борцов, когда на смене 19-го и 20-го столетий эстонцы - подданные российской царской империи - Лурих, Хакеншмидт и Аберг - клали на лопатки немцев и поляков, русских и французов. Когда же Кристьян Палусалу в 1936 году привез с Берлинских Олимпийских игр даже две золотых медали, мнение о нас как о малом народе, обладающем значительной физической силой, укрепилось.

Победой на турнире AVRO летом 1938 года Пауль Керес сообщил остальному миру также и о наших неоспоримых интеллектуальных способностях. Четыре раза подряд - в 1953, 1956, 1959 и 1962 годах Пауль Керес становился вторым на межзональных турнирах циклов чемпионата мира, т.е. был на расстоянии всего лишь одного шажка от матча на звание чемпиона мира. Он никогда так и не стал чемпионом мира.

Пауля Кереса уважительно и почтительно называли Вечным Вторым.

Нас всех привело сегодня сюда не только это особо выдающееся шахматное и спортивное достижение, но в

равной, а, возможно, и в более значительной степени, человеческая сущность и человеческая судьба гроссмейстера Пауля Кереса, его прямота, мужественность и достоинство, его сдержанная скромность и нескрываемая элегантность. Его воспитание, его знание языков, его презрение к малейшей саморекламе. В свой трагичный и сложный век и под властью действовавших тогда тоталитарных общественных систем Пауль Керес всегда умел делать свой этический, спортивный и политический выбор таким образом, что оставался как международным, так и национальным идиолом. Мы и собрались здесь прежде всего для того, чтобы разделить общую гордость за этого человека.

Мы, эстонцы, выросли из крестьянской культуры, которая учила чтить такие достойные профессии, как землепашец и рыбак, столяр и школьный учитель, лекарь для людей и для животных.

Шахматы в этой шкале оценок - лишь увлечение, игра, только забава.

Пауль Керес, целиком и полностью посвятив себя игре, ставшей его повседневным трудом и профессией, дал нам достоверное и желанное представление, что шахматы - солидная деятельность для человека, посредством которой он зарабатывает себе на хлеб и кормит семью.

И мне бы хотелось сказать еще и так - Пауль Керес вывел шахматы на академический уровень. Шахматы на том уровне, на котором в них играли Пауль Керес и его блестящее шахматное поколение, лучшие представители которого сегодня сидят здесь, в этом зале, - это не страстная любительская жажда сделать своему противнику детский мат.

Шахматы на уровне Пауля Кереса - это, в самом прямом смысле, поиск истины в игре.

Да будет мне позволено немного упрощенно высказать мысль, что математика и физика, естественные науки и медицина в своих непрекращающихся глубинных исследованиях и поисках истины, ведущих к достижению объективных и неопровержимых результатов, схожи с шахматами и решением порожденных ими вопросов - какой из ладейных эндшпилей позволяет выиграть, и в каком случае большего качества достаточно для победы.

Но такого рода истину проясняют лишь чисто научные усилия.

Я не хочу делать чрезмерно прозрачные комплименты, но все же, с полным почтением, спросила бы - не яв-

ляется ли Юрий Авербах академиком со своими фундаментальными исследованиями эндшпилей?

Кто из присутствующих здесь возьмется утверждать, что обладает равными с Борисом Спасским интуицией и аналитической способностью в том, как захватить инициативу в остром, с равными возможностями миттельшпиле? Или кто бы рвался к теоретической дуэли во французской защите с Виктором Корчным? Я прошу уважаемых присутствующих не считать мою следующую фразу кокетством или саморекламой, но все же признаюсь - я тоже являюсь академиком Эстонской Академии Наук по точным наукам,* по одной и той же дисциплине с уважаемым братом Пауля Кереса - Харальдом Кересом.

Это признание имеет одну единственную цель - может быть, у меня как академика есть определенная личная склонность и опыт, и профессиональное преимущество, чтобы предугадывать и понимать, уяснять и уважать весь сложный комплекс этих усилий, все эти самобичевания и самоотречения, которых требует достижение истины в шахматах на академическом уровне.

Уважение к вам, шахматные корифеи 20-го века, - это и уважение к вашему коллеге Паулю Кересу, а уважение к Паулю Кересу - это глубочайшее уважение к вам, кто своей посвященностью, фундаментальностью, последовательностью и упорством сделали достижение шахматных успехов столь трудным, что это под силу только по-кересовски честному служению одному лишь богу - Каиссе. Керес был достоин своего бога и своей веры.

В лучшие годы своей шахматной карьеры гроссмейстер Пауль Керес, по сути, никогда не оказывался в таком цейтноте, чтобы это свело к нулю умственные усилия предыдущих часов игры. Однако в конце ноября 1938 года вернувшийся на родину победителем турнира AVRO юный шахматный гений не знал и не ведал, что он сам, его народ, его Родина находятся в самом опасном, самом роковом и трагичном цейтноте. До подписания пакта Молотова-Риббентропа, зафиксировавшего разделение Европы между двумя тоталитарными режимами, не оставалось и года. Мюнхенский сговор свершился, Австрия была аннексирована.

В дни, когда Керес молодым и победоносным генералом вводил в бой вырезанные из дерева ладьи, пришло

---

*Эне Эргма - астрофизик. Окончила Московский университет (1969). Доктор физико-математических наук (1984), член Эстонской АН (1997), с 1999 - вице-президент ЭАН.

ривал боевых коней и находил самые верные линии для атаки слонов, - в эти самые дни из качественной германской стали отливались все новые и новые боевые фигуры - самолеты, танки, орудия, бомбы - и муштровались миллионы юношей в готовящейся к завоеванию Европы Германии и в мечтающей о победе мировой революции большевистской России.

Эти люди для победы в своих сражениях не искали новшества в испанском дебюте или в защите Каро-Канна, они готовились не к жертве двух пешек в дебюте, а к отправке на смерть миллионов молодых людей, они читали не Ласкера или Рети, а Клаузевица и записки о военном походе Наполеона на Россию. Мир стоял на пороге самой кровавой войны и сопутствующего ей самого отвратительного преступления 20-го века, именно в отношении того народа, который на протяжении истории шахмат дал миру наибольшее количество крупнейших мастеров. *Endlösung, Final Solution, Холокост* и по сей день заставляет во всем мире в скорби склонять головы.

Во время этой великой войны столетия граждан оккупированной Эстонии Пауль Керес играет несколько раз в Германии и оккупированной Европе. Шахматы - единственный труд, которым он в жизни владеет. Его поездка по оккупированной территории не является знаком оправдания захватчиков. В апреле 1945-го, после многих продолжительных допросов в Таллинне на недоброй памяти улице Пагари,* поднявшийся к самой вершине мировых шахмат человек пишет письмо всемогущему Молотову, второй после Сталина и рядом со Сталиным фигуре. Вечный Второй в шахматах просит Вечного Второго в политике тоталитарного государства только об одном-единственном - пусть ему позволят играть в шахматы. Данное из Москвы "добро" и решает дальнейшую работу и игру Кереса.

Пауль Керес не поддавался одному из главных желаний тоталитарных систем - нивелировать общество, заставить всех людей одинаково говорить и одинаково одеваться, одинаково мучиться и одинаково лгать. Элегантный Керес сталинского серого периода постоянно напоминал нам здесь, в Эстонии, что мы утратили, но и что мы когда-нибудь обязательно себе вернем.

Шахматы, как утверждают, являются наукой, спортом и культурой одновременно. Может быть, именно в

---

*На улице Пагари в Таллинне, в здании бывшего НКВД, был сосредоточен главный репрессивный аппарат советской власти.

этом и кроется особое очарование шахмат, их неослабевающий магнит.

Будучи великим шахматистом, Пауль Керес не переставал расширять наши общекультурные, а также общегеографические знания. Все болельщики Кереса - а ими был весь народ - знали, где находятся Амстердам и Гаага, Земмеринг и Гастингс, Блед и Кюрасао, Мар-дель-Плата, Лос-Анджелес и Ванкувер. Керес по-человечески приблизил к нам блестящую плеяду своих знаменитых коллег и конкурентов, и, наряду с шахматными достижениями этих гроссмейстеров, мы знаем, какими остроумными были Таль, Найдорф и Тартаковер, сколь системно и последовательно безжалостен Михаил Ботвинник, как трудолюбивы - Глигорич и Петросян, как музыкальны - Портиш, Смыслов и Тайманов, насколько элегантны - в среднем возрасте Капабланка и молодой Спасский. Так Пауль Керес подарил нам совсем новый, захватывающий и прекрасный мир. Керес, присущим ему незаметным и скромным способом, сделал из нас здесь, в Балтийской провинции, людей, интересующихся мировой игрой и мировыми событиями.

Мы не имеем более возможности высказать слова благодарности самому Паулю Кересу. Врожденная сдержанность эстонцев препятствовала нам сделать это при жизни гроссмейстера. Тем трогательнее наша сегодняшняя возможность здесь, в этом гостеприимном зале, благодарить коллег и конкурентов Пауля Кереса, чьи жизни и труд дали результаты академического значения. Мы пригласили вас в Таллинн именно в знак того глубокого уважения, которое мы, вспоминая с благодарностью своего великого земляка, испытываем одновременно и к вам, господа из блестящего поколения Пауля Кереса. GENS UNA SUMUS - официальный девиз Международной шахматной федерации. Все мы - одна семья! Именно Пауль Керес объединил всех нас в этом чувстве сегодня и здесь. Спасибо, дамы и господа!

Необыкновенное становление

В конце 1930-х гг. взоры шахматного мира были устремлены на могучую четверку - Ботвинник, Керес, Решевский, Файн. Самый загадочный был Пауль Керес, он и самый молодой среди них. Его головокружительный взлет сегодня как-то забыт, а детали его развития во многом просто неизвестны. Когда я в 1990 году объяснил Ботвиннику, каким путем мальчуган из маленького городка сам сделал себя выдающимся мастером, он с ходу изменил свою прежнюю оценку о Кересе. Надеюсь, что и для всех в этой книге найдется кое-что новое. Здесь его путь прослеживается до осени 1947 года. Дальнейшие события на протяжении долгих тридцати лет совсем уже другая история.

Карьера Пауля Кереса продолжалась сорок лет. Все это время он был у всех на виду - как на ладони. Он беседовал с любителями шахмат через свои комментарии и анализы. Он написал десяток книг и был соавтором еще такого же количества произведений. Его "Избранные партии" были признаны одной из наиболее глубоких чисто шахматных биографий. Первая посвященная ему работа увидела свет тогда, когда самому герою было лишь чуть более двадцати лет. Однако, если в адрес Кереса высказывалось немало хвалеб-

---

Вальтер Хеуэр родился 14 июля 1928 года в Эльва. Видный эстонский журналист, литератор и сценарист. Шахматный мастер. Чемпион Эстонии по шахматам (1976) и быстрым шахматам (1981). Лауреат республиканской литературной премии за книгу "Наш Керес" (1977, на эст. яз.). Автор видеофильма "Эстонская игра".

С разрешения В. Хеуэра и с огромной признательностью печатаем из его книги "Пауль Керес" ("Олимпия PRESS", Москва 2004. Серия "Классики шахматного мира") отдельные главы. - Ред.

ных слов, то оценки и характеристики такого рода остаются в большинстве своем все же голословными. Их повторение на протяжении лет может вызвать аллергию у более критически настроенных специалистов, и даже вызвать сомнение - не является ли этот образ очередным из столь привычных мифов?

Алехин называл шахматы трагическим искусством. Даже если относиться к подобному возвышению шахмат с некоторым скепсисом, несомненно то, что трагедийность характерна для этой невинной игры. С допустимым преувеличением можно сказать, что вечный конфликт между созидающим началом и жестокой действительностью не оставляет шахматиста ни на миг, от этого он не избавляется при оценке какой угодно позиции, при расчете любых вариантов. Живописец стремится передать свое внутреннее видение, делая для этого акцент на какой-нибудь детали и при этом деформируя целое, шахматный мастер должен подчинять даже самую возвышенную фантазию целому (еще одно определение: шахматы являются искусством достижения возможного).

Если к этому добавить неизбежную погоню за успехом, о котором великий Эйнштейн говорил, что он держит шахматиста в своих оковах, что "от этого страдает внутренняя свобода и непосредственность даже самых сильных личностей", то можно себе представить, каким полем для ветров и штормов может быть маленькая шахматная доска.

Представить себе можно и то, сколь труден путь самоутверждения "в этой гениальной игре матадоров особого рода" (С. Цвейг). Поэтому не следует удивляться тому, что чисто человеческое любопытство влечет нас к шахматистам, борьба которых оставила столь яркие следы. К примеру - Ботвинник, предположительный герой Бальзака, Таль, словно появившийся из-под пера Дюма, Фишер, которого трудно еще и сейчас куда-либо поместить.

Пауль Керес не входил в этот ряд. Ни один великий шахматист не смог, по-видимому, оставаться столь незаметным, как он. Как в турнирном зале, так и в тиши кабинета. Чем обстоятельнее варианты "Избранных партий", тем скупее речь о себе. Мы все, по всей вероятности, сочувствовали ему, как вечно второму. Сам же он обходил эту проблему полным молчанием. Вне шахмат подобного примера не вспомнить ни в каком-либо другом виде деятельности.

Мы постепенно столь привыкли к этому, что не выходим за пределы восхищения: какое самообладание! При этом роль вечно второго смягчается грустным роком. Послушаем Эйве: "Когда я думаю о Пауле Кересе, читаю о нем или пи-

шу предисловия к его биографиям, меня охватывает сильный протест против несправедливости жизни и общества по отношению к Кересу. Мы все бывали счастливы и несчастливы, но на протяжении длительного периода времени у большинства людей эти понятия как-то уравниваются. Но не для Кереса. С Кересом пришел к концу удивительный и в то же время трагичный эпизод в истории шахмат”.

Действительно, если этот столь сильный духовно человек смог все в себе пережить, то переживания все же имели место. Эйве прав: судя по логике событий, это были исключительно тяжелые переживания. Подобная шахматная судьба просто требует того, чтобы ее запечатлеть.

Стефан Цвейг утверждал: “По правде говоря, каждый автор должен отдавать себе относительно каждой книги отчет, с какими чувствами, в связи с какой личной потребностью он избрал свою тему”. В нашем случае речь идет о задании. Но не следует скрывать: у пишущего была определенная, им движущая цель. Но не для того, чтобы оглянуться на историю первенств мира. Это недостойно как истории, так и памяти Пауля Кереса.

О вечном претенденте на титул, по всей вероятности, у каждого любителя шахмат имеется какое-то представление, но в то же время даже самое необычное начало шахматного пути Кереса остается для большинства достаточно туманным, в какой-то мере оно вовсе неизвестно широкой публике (это же можно сказать и о специалистах). Итак, мне хочется вместе с пярнуским школьником вновь пережить далекие годы в родной для него Эстонии, познакомить читателя с незнакомым для него Кересом, продолжить удивительное путешествие по Европе 30-х годов, представить забытого Кереса.

Моя привязанность принадлежит более всего самому началу, и я надеюсь, что главы, посвященные этому периоду, помогут приблизить Кереса, ставшего при жизни классиком, к его поклонникам.

Мне не представилось возможности познать Кереса на так называемом гроссмейстерском уровне. Да и в остальном контакты с ним оставались более скромными, чем это было возможно в создавшихся условиях, в которых оказалась маленькая Эстония. Я как-то сознательно держал дистанцию, стараясь в то же время держать открытыми глаза и уши. За три десятилетия я собирал все, что говорилось и писалось о великом сыне нашего маленького народа. Эта книга и является результатом работы подобного летописца. Или, как говорилось в очень далекие времена: “Каждый человек является тайной. Крупная творческая личность - большой тайной”.

<...>

И еще. Пауль Керес избегал "летописцев". Относительно биографии на эстонском языке мы достигли договоренности в 1964 году. Керес смог прочитать опубликованные в периодике черновые главы, которые рассматривали период его становления в несколько ином плане, чем это делалось прежде. В интересах истины должен сказать, что после их прочтения он ограничился лишь рядом фактических уточнений.

"Папа, ходи конём!"

Шахматные мастера редко когда подвергаются исследованиям психологов. Однажды это случилось в Москве во время Международного турнира 1925 года. Потом ученые утверждали: "В шахматах больше чем в любом другом искусстве успех может прийти благодаря постоянному труду". Но и в них только прирожденный талант может подняться выше других. Никто, правда, не знает, что это такое - прирожденный талант. Во всяком случае, не механическое скопление определенных элементов интеллекта, а самостоятельная изначальная данность, в основе которой особая интуиция и способность к образному анализу. Мысль Стефана Цвейга в "Шахматной новелле" совсем не дурна: если бы френолог Галль захотел, то нашел бы на черепе какие-нибудь шахматные бугорки.

Например, когда Эйнштейну было пять лет, обычное детское любопытство в нем проснулось при виде компаса. На многих будущих шахматных чемпионов примерно в таком возрасте подобное влияние оказало знакомство с шахматными фигурами. Но это знакомство не обязательно должно произойти так рано. Ботвинник узнал шахматы в двенадцать лет, но в шестнадцать он был уже мастером. Пильсбери только в шестнадцать выучил ходы, а Чигорин начал совсем взрослым - когда ему было уже за двадцать. Все же вундеркинды всегда вызывают особый интерес: их хотят видеть и в шахматах, а не только в музыке среди "Моцартов".

Хорошо пошутил по этому поводу шахматный классик Зигберт Тарраш. На турнире в Монте-Карло гроссмейстер нанял комнату у вдовы с грудным ребенком. Когда ему надоело одиночество, он иногда засиживался в салоне хозяйки. Однажды он разобрал там отложенную партию. "Уже больше часа я напряженно смотрел на доску. Отчаявшись, я уже хотел сложить фигуры, как вдруг ребенок, который проявлял признаки беспокойства, протянул свою ручонку в сторону ферзевого фланга белых, посмотрел на меня интеллигентными глазами и закричал требовательным голосом:

“Аа-аа!” Обеспокоенная мать поднялась и унесла малыша, она его явно не так поняла. Я же догадался, что ребенок хотел мне сказать. Будто пелена с глаз спала: да, на линию “а” я должен пойти ладьей! Ликующий, я помчался в турнирный зал”.

Современные шахматисты знают двух настоящих вундеркиндов - Капабланку и Решевского. Начало карьеры одного будто списано с биографии другого.

Капабланка: “Однажды, когда мне еще не было пяти лет, я увидел отца, играющего в шахматы. До этого я никогда не видел шахматных фигур. Они меня заинтересовали, и на следующий день я опять пришел смотреть на игру. На третий день отец, совсем неопытный игрок, пошел конем с белого поля на белое. Отец выиграл. Я назвал его жуликом и стал над ним смеяться. После маленькой ссоры - отец чуть не выгнал меня из комнаты - я показал ему, как неправильно он пошел. Отец удивился: откуда я знаю ходы? Я ответил, что могу у него выиграть. Он сказал, что это невозможно, что я не смогу правильно расставить фигуры. Мы попробовали сыграть, и я выиграл”.

Решевский: “Я научился играть в шахматы, следя за игрой отца (в четыре года. - В.Х.). Однажды я удивил отца, который только что сдался, просьбой позволить мне закончить партию. Мой отец не подозревал, что я знаю ходы. К великому удивлению отца и его партнера, я выиграл”.

Такой сюжет нередко повторялся в различных вариантах. Но один, действительный, однако, не зафиксирован в шахматной литературе. После победы Кереса в Бад-Наугейме весной 1936 года какой-то неизвестный репортер повел своих читателей в гости к родителям юного мастера:

“В Пярну, на улице Кунинга, на одной калитке вывеска: “Портной Пеэтер Керес и швея Марие Керес”. Поднимаюсь по деревянной лестнице на второй этаж голубого дома. В дверях меня встречает пожилой мужчина с сантиметром на шее.

- Здравствуйте, это вы отец знаменитого Пауля Кереса, или я ошибся?

- Да, я. Что у вас?..

- Хотелось бы написать пару строк и о родителях отважного Пауля. Меня больше всего интересует, от кого Пауль унаследовал шахматный талант?

Пеэтер Керес указывает на стул. Садимся.

- Какой там талант. Я сам тоже немного играю в шахматы, - говорит портной, - но не по письмам, как он, а просто так, по воскресеньям. До сих пор хожу играть к заречным знакомым.

Тут из соседней комнаты торопливо выходит энергичная госпожа Керес, мать шахматного мастера.

- Ну конечно, Пауль унаследовал свой талант от отца. Отец ведь в молодости играл на всяких инструментах: на фисгармонии, цимбалах, скрипке. И в шахматы тоже.

- Разве Пауль музыкален? Он играет на чем-нибудь?

- Где там, эти шахматы отнимают все время! Иначе бы он мог довольно прилично играть на пианино.

Отец добавляет:

- Я иногда поигрывал, да. А Пауль стоял рядом и смотрел. Так он ходы и выучил. Во время войны мы жили в Нарве. Там я часто играл с одним эстонцем из Америки, Капсом. Он был довольно приличным игроком. Пауль все смотрел и однажды, когда я хотел сделать ход, он схватил меня за руку: "Папа, не ходи так! Смотри, ходи конем!" Видимо, он уже тогда был прав, так как противник рассердился на это замечание и рявкнул на сына: дескать, ты, мальчик, лезешь в чужую игру. Это и было первым шахматным достижением Пауля".

Достоверность этого случая подтверждает Керес:

"Мне было примерно четыре года, когда я, катаясь на санках, сломал руку и поэтому должен был временно отказаться от зимних игр с ровесниками. Дома я часто следил за шахматными партиями между отцом и гостями - так состоялось мое знакомство с шахматами. Однажды я следил за партией между отцом и одним из гостей и напряженно думал о том, как одна или другая сторона могла бы получше сыграть. Симпатии были, конечно, на стороне семьи, и в один критический момент мне показалось, что отец мог бы сделать очень сильный ход конем. Этика шахматной игры не позволяет вмешиваться в чужие партии, но все же я не мог не заметить, что, по-моему, очень хорош ход конем. Так оно и было, но результат для меня оказался весьма прикормным. Гость рассердился на мое вмешательство и очистил стол от фигур. А меня удалили за неспортивное поведение".

В газетном репортаже дается довольно поверхностная информация о родителях одного из крупнейших шахматистов нашего времени. Пезтер Керес (1876 - 1956) был родом с хутора Мару волости Вана-Каристе Вильяндиской губернии - из многодетной бобыльной семьи. Говорят, что все Кересы были высокого роста, добрые, общительные. Постройки тех лет не сохранились, но там по-прежнему растет двухствольная береза, которую народ зовет березой Кереса. Кересы были плотниками или портными. Пезтер Керес не то в последний, не то в предпоследний год 19-го века уехал в Пярну

осваивать портновское ремесло. Там он познакомился с живой и сердечной девушкой Марие Ляммергас (1882 - 1970), тоже бывшей крестьянкой из Ляэнемаа. Они поженились. 15 ноября 1912 года родился сын - Харальд. В годы Первой мировой войны, когда немцы стояли под Ригой, Кересы переехали в другой конец Эстонии, в Нарву. 7 января 1916 года там появился на свет их младший сын, Пауль. Нарва довольно долгое время оставалась домом Кересов. В Пярну семья вернулась только в 1922 году.

Как пишет репортер, в этом доме хлеб добывали с помощью иголки и нитки (в Нарве Пеэтер Керес держал и галантерейную лавку). Недостатка в доме не было, но и ничего лишнего тоже - жили как средние ремесленники того времени. В Пярну постоянного жилища не было, квартиру меняли четыре-пять раз.

Глава семьи - шахматный игрок, музыкант, балагур - обладал несколько богемными наклонностями, был не прочь выпить. Хозяйство вела мать - очень обязательная, принципиальная и волевая женщина, от которой сыновья унаследовали эти ценные черты характера, а также внутреннюю самодисциплину и душевную стойкость. Небольшое школьное образование Марие было незаметно за высокой внутренней культурой, нравственностью и врожденным ясным взглядом на окружающий мир. Через многие годы академик Харальд Керес, знаменитый ученый-физик и уважаемый учитель, написал: "У каждого человека должен быть этический минимум, ниже которого он ни в какой ситуации не опустится".

Определяющее влияние матери на формирование сыновей отмечали все, кто знали в то время семью Кересов. Один из более поздних знакомых спрашивал: "Откуда у Харальда и Пауля такая исключительная скромность?" Ответ напрашивался сам собой. Некоторые утверждают, что строгая и верующая Марие Керес была принципиально против увлечения шахматами младшего сына - сколько фигур сгорело в печке! Харальд Керес уточняет: "Мать была верующая скорее в том смысле, что прилежно платила церковные взносы. Что касается шахмат, то она просто беспокоилась, как бы мальчик не переутомился".

Пауль Керес: "Мать запрещала слишком много времени тратить на шахматы".

Марие Керес как бы передала сыновьям какую-то тайную пружину, которая потом их подталкивала, а Пеэтер Керес - чувство юмора, и, наверное, младшему - склонности игрока. Приходится только удивляться, как у таких разных родителей выросли дети с цельными характерами, как к таким характерам прибавились выдающиеся интеллектуальные спо-

собности. Если обычно духовный потенциал, накопленный поколениями, неожиданно реализуется в одном избраннике, то в этой по-настоящему простонародной семье оба наследника поднялись выше своей среды, вошли в историю культуры эстонского народа, стали известными за пределами родины.

Вернемся к шахматам. Итак, маленький Керес начинал удивительно похоже на маленьких Капабланку и Решевского. Дальше дороги разошлись.

Капабланка-старший проконсультировался с врачом, и шахматное увлечение сына было доведено до минимума. И только в одиннадцать лет он стал посещать respectable шахматный клуб в Гаване. Три года позже мальчик был уже чемпионом Кубы. К Ржешевскому (так тогда с польской транскрипцией писали эту фамилию), родившемуся в Озеркове в мало кому известной польской деревне, пришла мировая слава очень рано: мальчуган, который нарисованный гриб принял за шоколад, мог играть в шахматы сразу с не одним десятком взрослых. Его турне с сеансами одновременной игры проходило через всю Европу в Америку. Потом Решевский рассказывал: "Меня трогали, тыкали пальцем; на меня нападали репортеры, психоаналитики".

В эстонском провинциальном городке возглас "Папа, ходи конем!" остался, конечно, в родных стенах, как и последующие события. Харальд Керес говорит, что первым партнером Пауля был отец. Но затем игра почти забылась, и лишь в школе все началось будто сызнова. Но уже по-настоящему. Младший брат увлек старшего. Точных правил они по-прежнему не знали. Играли без рокировки и взятия *en passant**. Как говорил Пауль Керес, главное - что играли.

Мальчики не играют, они живут в своей игре. Но мальчишеские восторги рождаются утром, чтобы к вечеру умереть. К Паулю Кересу это не относилось, первое крупное открытие, первое большое увлечение осталось и последним, прошло через всю школьную пору, а позже - через всю жизнь. Опять вспомним Эйнштейна: "У меня не было никакого таланта, только упорство мула и безумное любопытство". Но почему любопытство, самое обыкновенное и распространенное качество, иногда движется так неудержимо и целенаправленно в сторону от всего суетного, пустого? Далеко не всякий талантливый человек обладает таким счастливым стремлением. Кстати, почему от таланта отделяют интерес и желание, труд и упорство, часто даже противопоставляют ему? Разве эти качества не являются естественной частью заряженного активного таланта?

Братья не имели понятия о существовании шахматных книг

**На проходе (фр.).*

и "иероглифов", которыми записывают партии. Совершенно случайно обнаружили они в одном молодежном журнале эту "египетскую тайнопись". Но для дешифровки статья Шампольонами* им все же не пришлось.

Пауль Керес: "Это привело нас к охоте за шахматной литературой, что в маленьком городе было вовсе не легким занятием".

Желание делает человека находчивым. Мальчик договорился с киоскершей, обшарил ее запасы, принес домой кипу газет с шахматными рубриками, переписал из них партии и вернул газеты в киоск. Братья переписывали все, что попадалось в руки. Со временем число переписанных партий возросло почти до тысячи, причем Пауль неоднократно их разыгрывал, большинство знал наизусть. В 1927 году удалось одолжить "Lehrbuch des Schachspiels" Дюффрени, "маленькую шахматную библию" 19-20-го вв.

Пауль взялся переписать его, с помощью старшего брата он перевел учебник на эстонский язык.

Позже у Харальда Кереса, который признавался в том, что у него не было жилки игрока, появились другие интересы. И среди школьных товарищей Паулю было трудно найти достойного партнера. Пришлось мириться с переписыванием партий и изучением их в одиночку. Пришло увлечение и шахматной композицией.

Но вот, спустя две недели после своего тринадцатилетия, Пауль Керес попал в среду настоящих шахматистов.

В международном "Шахматном ежегоднике" за 1899 - 1900 гг. опубликована заметка:

"Пярнау, Лифляндия. Шахматное общество основано 7.9.1895.** Председатель - пастор И. Хассельблатт, книгоиздатель - старший учитель И. Винтер, кассир-референт Ц. Лутцки, библиотекарь - д-р В. Зон, 24 члена".

И тридцать лет спустя в Пярну существовало шахматное общество, наполовину немецкое, наполовину онемечившееся, возглавляемое тем же самым пастором. Но все же кое-что там изменилось. Шахматная жизнь протекала в стороне от чопорного шахматного общества. Место "мэтров" заняли эстонские школьники. В первые годы республики, когда шахматная организация находилась еще в эмбриональном состоянии, молодые пярнусцы обошли сверстников из Таллина и Тарту. Кстати, Пярну в те времена был вообще спортивным городом. И результаты местных спортсменов были выдаю-

---

*Жан Франсуа Шампольон (1790 - 1832), французский ученый-египтолог, участник Египетской кампании Наполеона, впервые расшифровавший и прочитавший иероглифическое письмо Древнего Египта.

** Официально устав был утвержден в 1896 г.

щиеся (так, местный рекорд по прыжкам в длину, установленный в 1929 году, держался более сорока лет).

В шахматных кругах привлекал внимание болельщиков Херберт Виркус (1908 - 1941), которого за быструю игру прозвали "Секундой". Виркус трижды становился чемпионом Эстонии среди школьников (1925 - 1927), он был первой ласточкой приближающегося шахматного ренессанса. К сожалению, в жизни все оказалось не так. В Пярну, перед появлением Кереса, начался отлив шахматных сил. Виркус вскоре после окончания гимназии бросил шахматы, несколько перспективных юношей уехали из родного города. На смену им никто не пришел. Газета "Pärnu Päevaleht" писала в 1928 году:

"На республиканских турнирах учащих раньше всегда выигрывал Пярну, теперь он должен мириться с последними местами".

Отдельные энтузиасты как-то пытались сплотить новые шахматные кружки, но они держались недолго - не было притока свежих сил.

И все же была предпринята еще одна попытка. В декабре 1928 года был организован чемпионат Пярну по молниеносной игре. Вряд ли кто мог предполагать, что этот турнир войдет в историю. Первый круг прошел без заминок. Участвовало семь шахматистов. Неожиданностей не произошло; выиграли те, кому "положено". В следующем месяце произошла осечка. Привычную монотонность нарушил школьник в коротких штанишках, который пришел вместе с отцом и хотел записаться девятым. Керес сам описывает этот случай:

"Когда в школе не осталось достойных конкурентов, я стал подыскивать себе новых партнеров. Тут в газете увидел взволновавшее меня сообщение о том, что первый круг первенства по игре в блиц уже кончился. Всего должно было состояться шесть турниров. Такую возможность сравнить себя с лучшими шахматистами города я, конечно, пропустить не мог".

Пришедшим наотрез отказали. Отца местные шахматисты знали, но сына видели в первый раз. Очевидно, внешность маленького посетителя не внушала доверия. Но глаза мальчика так горели, что старые шахматные асы смягчились и устроили ему проверку - предложили сыграть две партии с сильнейшим из восьми. Первую партию Пауль Керес проиграл, как он говорил, "из-за некоторой неуверенности". Имея хоть толику фантазии, можно представить, как билось сердце тринадцатилетнего проигравшего. К счастью, в шахматах можно восстановить справедливость. Вторую партию он выиграл. Один из свидетелей вспоминал: "Мальчик делал очень

острые и толковые ходы". "Толковый" мальчик был допущен к соревнованиям.

25 января 1929 года "Pärnu Päevaleht" сообщила:

"Блиц-турнир 20 числа с.м. выявил молодой талант на пярнуской шахматной арене. Это молодой Пауль Керес, который выиграл упомянутый турнир, набрав 8 очков (100%). Этот блестящий результат 13-летнего Пауля Кереса позволяет возлагать на него большие надежды в будущем".

Дебют школьника произвел такое сильное впечатление, что его, не задумываясь, включили в сборную города. 2 апреля 1929 года шахматная команда маленького Пярну встретилась с командой еще меньшего Вильянди. В то время молодые таланты появлялись и в других местах. Противником Кереса оказался победитель зимнего чемпионата школьников Эстонии Ильмар Рауд, который был постарше Пауля. До этой встречи Керес не играл ни одной сколько-нибудь серьезной партии.

"Первая партия закончилась вничью, во второй я имел в эндшпиле две лишние пешки, как вдруг Рауд подставил ладью.

<...>

Конечно, я не стал долго размышлять, я взял сразу ладью и... получил мат в один ход. Получен первый горький урок, и притом очень полезный". В другом месте он скажет: "Поражение не давало мне покоя еще долгие месяцы".

"Pärnu Päevaleht": "В воскресенье шахматный блицтурнир, который на самом деле был не турниром, а матчем между двумя сильнейшими, показал, кто у нас лучший игрок в блиц. Пришли только Уттопярт и Керес, которые набрали больше всех очков. Решили сыграть четыре партии, но уже третья выявила чемпиона, так как Кересу удалось выиграть все".

Победитель получил свой первый приз - пять крон. На обычном чемпионате Кересу пришлось довольствоваться вторым местом после Виркуса. "Из-за небольшой практики", как деликатно выразилась местная газета. Вскоре имя Кереса появилось в ином контексте. 18 ноября 1929 года республиканская газета "Päevaleht" опубликовала его первую шахматную задачу.

<...>

Но вторая за ней не последовала: композицией Керес серьезно увлекся только через два года. Затем произошло событие, которое сделало молодого провинциала одним из газетных героев в буквальном смысле слова.

В конце года в Пярну давал сеанс одновременной игры шахматный мастер из Таллина Владас Микенас. Мастер был молод - только что окончил школу, но в те времена юноши

рано становились взрослыми. Среди восьми противников был, разумеется, и Керес. Он не только выиграл у Микенаса, но помог выиграть и своему однокласснику Юри Ребане. Остальные шесть участников вынуждены были сдаться. Эта встреча произвела впечатление на гостя. Возвратившись в Таллин, Микенас написал в газету:

“Пауль Керес - чемпион Пярну. Паулю только 12 лет.* Такой молодой маэстро делает честь городу Пярну, но не своим бородатым соперникам, которых Керес победил. Как он говорит, его шахматная карьера началась уже с 4 лет! Развивался он без учителей, только при помощи шахматных рубрик в газетах. Работает как взрослый: в его переписанной и изученной коллекции более 700 лучших партий. Все они четким детским почерком записаны в чистую тетрадь. Он ученик первого класса Пярнуской мужской гимназии, но шахматам по своей квалификации может учить всех остальных. Сам ростом до колена, но за шахматным столом на голову выше многих “стариков”. 7 января ему исполнилось 13 лет. Посмотрим, не украдет ли эта чертова дюжина у него в будущем году чемпионский титул”.

Микенас, видимо, догадывался о незаурядном даровании, во всяком случае и позже Керес не выходил у него из головы. Так, через месяц, делая обзор о шахматах в провинции в газете “Эсмаспяэв”, он пишет: “Но что делает Пярну? О-о! Он что-то скрывает. Не зря спрашивают адрес чемпиона Эстонии. С нетерпением ждем сообщений о ваших планах!”

Таким образом, слухи дошли уже до столицы. Вскоре туда прибыл и сам возмутитель спокойствия: с 23 по 26 апреля 1930 года в Таллине проводился II весенний турнир школьников Эстонии. Через “Пяэвалехт” участников уведомляли о том, что “одеяло, простыни, подушку просят взять с собой, на станции будут встречать проводники с белой повязкой. Добро пожаловать!” Тот, у кого не было постельных принадлежностей, здорово дрожал ночью под крышей реального училища. Сохранился отчет о подобном турнире, проводившемся в конце 1931 года (Пауль Керес в нем участвовал):

“Республиканский шахматный турнир школьной молодежи, проводимый Обществом трезвости молодежи, начался 28 декабря в 12 часов дня в Тарту. Организация ниже всякой критики. Первых прибывших участников привели после долгого блуждания по городу в неотапленное помещение какой-то школы. Приходилось самим топить печи. Позже перевели в другую школу, где “порядки” были те же. Приехало еще около 200 человек - участники курсов молодежных вожakov.

---

*На самом деле Кересу было на год больше. Эту ошибку Микенас повторяет.

И их всех поместили вместе с шахматистами на полу. Покой наступал только в три ночи, а день начинался в пять утра. Итого два часа на отдых! В день соревнований шахматистам приходилось искать устроителей, что было труднее, чем открывать Америку”.

Играли по три, иногда даже по четыре тура в день. Все считали, что это слишком утомительно, надо что-то предпринять, но тем не менее все осталось по-прежнему, уже из-за временного лимита. Поэтому аутсайдеры часто пропускали “лишнюю” партию. Например, на упомянутом II весеннем турнире среди 26 участников занял 13-е место шахматист из Тарту, сумевший сделать только несколько ничьих. Все свои очки он получал без игры, по присуждению. Но те, кто хотел играть, играли. Мягкая кровать, разумеется, не прибавляет восторга, а ее отсутствие его не отнимает.

Пауль Керес приехал вместе со старшим братом. Для поездки пастору Хассельблатту пришлось лично просить разрешения у матери. Теперь эти переживания остались позади, и молодой маэстро не обманул ожиданий. Вот, что писал Микенас:

“Симпатичный вундеркинд великолепно доказал и таллинцам свои шахматные способности. Все были в восторге. Игру, которую предлагал 13-летний Керес, действительно трудно перехвалить: его быстрая и ясная комбинационная игра привела в восторг и наших игроков I класса, которые с ним встречались в легких партиях... Когда маленький Павлушка* в коротких штанишках появился в игровом зале, многие не смогли скрыть своего впечатления от такой “знаменитости”, но последовали туры, легкие победы... и, по единодушному мнению, ему бы очень подошли брюки чемпиона Эстонии Тюрна”.

Керес вспоминает: “Я ходил еще в коротких штанишках и мои коллеги сначала шутили на этот счет. Позже они, наверное, немножко иначе стали к этому относиться”.

Пауль Керес набрал 8 очков из 9 и должен был получить приз. Но его долго не высылали, и педантичный “чемпиончик” посылал с возмущением требовательные письма. Харальд Керес набрал 6,5 очка (Микенас: “У Х. Кереса совсем противоположный стиль игры, но его осторожности было достаточно, чтобы перехватить II приз у представителей Таллина”). В последовавшем блиц-турнире участвовало большинство лучших шахматистов столицы (фактически - Эстонии). Победу в нем одержал Владас Микенас, Пауль Керес

---

*Пауль Керес был действительно самым маленьким участником турнира: сидя на стуле, он ногами не доставал до пола. Резко вырос он только в средней школе.

заял в непривычной конкуренции почетное четвертое место.

<....>

...Турнир в Англии только начался, когда 2 апреля 1937 года в чехословацкой газете "Š chachovy Tyden" появилась статья, которая достойна того, чтобы с ней познакомиться поближе.

Пауль Керес - Паганини в шахматах

Керес сейчас является самым удивительным шахматным феноменом. За полтора года он создал столько блестящих партий, сколько многие не смогут создать за всю свою жизнь. Творчество Кереса нельзя разложить по полочкам. Он одинок, у него нет предшественников, а у каждого из его подражателей нет возможности заниматься этим безнаказанно. Впоследствии в шахматную историю будет вписано золотыми письменами имя Пауля Кереса, но школы Кереса не будет никогда. Лишь он один может играть в таком головокружительном стиле, при котором все, казалось бы, висит на волоске, и несмотря на это, все детально рассчитано! В партиях Кереса имеются такие позиции, в которых любой другой мастер сел бы на мель - позиции на грани абсурда. Когда вы разыгрываете эти партии, остается впечатление сумасшедшей пляски на краю пропасти. Но если вы более хладнокровно взглянете на них, то уловите логику Кереса, его гениальность. Этот потрясающий своей страстностью игрок - Паганини в шахматах, и он играет на одной струне свои дьявольские мелодии.

Какой искренний восторг, какое удивительное предвидение! Имя Кереса золотыми буквами впишут в шахматную историю... В канун 1937 года такое мог сказать только пророк. Изумление по поводу красноречивого автора не уменьшится даже от сознания того, что это было своеобразной рекламой - "Š chachovy Tyden" устраивала в Праге турнир и, видимо, считала Кереса "гвоздем программы". Спустя десятилетия эти строки можно считать предсказанием астролога. Статья дает довольно ложное представление о Кересе, о его творчестве. А впрочем, что еще мог написать редактор чужой газеты о молодом шахматисте комбинационного стиля? К счастью, "Š chachovy Tyden", подымая Кереса на щит, не принижала творчества его коллег. Но скоро те же слова стали повторять сотни любителей шахмат, по сути дела - дилетантов, а это оставляло уже неприятный осадок.

Но вернемся снова в Маргет, откуда Керес, ничего не подозревая, послал в "Uus Eesti" письмо:

"Международный турнир начался вчера с большим шу-

мом. Собралось около 180 шахматистов, которые играют все вместе в одном большом зале. Церемония открытия, сдобренная характерным для англичан юмором, прошла гладко. Завтра вечером - сеанс одновременной игры Файна, в субботу вечером - большое представление с танцами в кабаре. Об удобстве шахматистов очень заботятся, им даже дали пользоваться всеми спортивными площадками Маргета (теннис, гольф, кегли и т.д.). Погода хорошая, весна в разгаре".

"Wiener Schachzeitung" тоже отмечал, что на десять дней английский курорт превратился в шахматный рай. Он посчитал необходимым тут же добавить: маленькие призы и острая конкуренция, которая заставляет игроков высшего класса во что бы то ни стало выигрывать у слабых, накладывают свою печать на этот рай. Действительно, четыре приза равнялись соответственно 12, 8, 4 и 2 фунтам.

Об английском стиле церемонии открытия позаботился сэр Джон Саймон, известный политик, а в более узком кругу - известный любитель шахмат. Говорят, он открыл в своей жизни много вещей: устрицы, коробки сардин, бесчисленные костюмы адвоката. Но ничего не принесло ему большего удовольствия, чем торжественное открытие этого шахматного съезда. Затем профессиональный оратор пожелал: да будет здесь заложена основа чего-то нового, что навеки войдет в шахматную историю (формула вежливости, но на фоне предстоящих событий - весьма внушительная). После получасовой речи министр сделал за Кереса первый ход. Противником Кереса была чемпионка мира Вера Менчик.

Основная группа (среди участников четыре иностранца - Алехин, Файн, Керес и Фолтыс) не представляла ничего особенного, но последние два года так разгорячили публику, что теперь любая неожиданность могла для нее оказаться искрой на бочку с порохом. Маргет для этого давал немало поводов.

"Chess": "Как много странных обстоятельств можно было бы отметить".

"Wiener Schachzeitung": "После дуэли Алехина с Файном в Гастингсе на сей раз началась борьба троицы Алехин - Файн - Керес между собой, в которую на некоторое время затесался и молодой чешский лев Фолтыс".

"Š chachovy Tyden": "Случилось так, что фавориты сначала встретились с местными игроками. Можно было предположить, что после четырех туров у них у всех будет по четыре очка. Первый тур подтвердил это. Во втором туре..."

Второй тур был сыгран 1 апреля. Когда до материка дошло известие о том, что Алехин проиграл слабому английско-

му шахматисту Бюргеру, то многие отнеслись к сообщению, как к неудачной первоапрельской шутке. Экс-чемпион мира проиграл просто глупо: вместо того, чтобы сделать нормальный ход, после которого находящийся в цейтноте противник мог бы сразу сдаться, Алехин, видимо, соблазненный этим цейтнотом, зачем-то пожертвовал коня. Бюргер был вынужден принять жертву, которая привела его к победе. "64" писала: "Когда отложили партию Алехина с Бюргером, то Алехин в перерыве выпил виски и затем сдался". Говорят, он сердито заявил: остальные семь туров покажут, может ли он дать очко форы Файну. О Кересе он и не думал.

Чемпион Эстонии в первом туре выиграл у Менчик. После второго тура он писал домой:

"По жребью у меня опять первый номер, но на особо хороший результат не надеюсь. Сказывается недостаточная тренированность, из-за чего благоприятный ладейный эндшпиль с Мильнер-Берри завершился ничьей" (характерно, что о сенсационном поражении Алехина в этом письме не сказано ни слова).

В третьем туре Алехин вроде бы оправился от удара и эффектно победил Тейлора. Довольно многозначительная деталь: Тейлор, полуслепой человек, немного опоздал к туру и первым делом спросил, как идут дела у Алехина? И с удивлением узнал, что Алехин ждет его (ведь так называемая домашняя подготовка в то время была в диковинку: шахматисты приходили и играли). Керес блестяще воспользовался дебютной ошибкой Александера и выиграл партию прямой атакой на короля. Файн был вынужден уступить пол-очка Томасу, ветерану английских шахмат.

Четвертый тур. Буйный Александр Великий заматовал короля Томаса, Файн выиграл у Мильнер-Берри, Керес одержал убедительную победу над Бюргером.

Пятый тур. Файн - Алехин. Нетерпение, жажда реванша привели Алехина к катастрофическому проигрышу. Комментарий того времени: Файн может без опаски спешить к первому месту. А Керес? О Кересе, говоря словами Л. Толстого, "было забыто". Хотя в том же туре он эффектно выиграл у Тейлора.

Шестой тур. Счастливые дни Кереса продолжались. Как говорят шахматисты, он опять дал партию для печати. На этот раз жертвой оказался Томас. Файн сделал ничью с Александером. И вдруг незаметно Керес стал единоличным лидером с 5,5 очками из 6. За ним следовали: Файн - 5, Алехин и Фолтыс - 4.

Седьмой тур. 7 апреля 1937 года. Керес: "В испанской партии великий Алехин получил "плохую игру", мой слон на

с5 препятствовал его рокировке.... Дальше я, несмотря на цейтнот, играл хорошо”.

Экс-чемпион, которого, по словам Тартаковера, в одной партии нужно было по меньшей мере три раза победить, теперь сдался уже на двадцать третьем ходу. Сенсация - слишком банальное слово для характеристики такого момента, оно годится скорее для бокса. Молодой шахматист создал неувядаемую партию, какой Каисса редко одаривает даже самых избранных. В каком праздничном настроении он мог ее анализировать с грозным соперником! Кстати, Алехин в анализе блистал, демонстрировал варианты, которые Керес вообще не замечал.

Файн догнал его в предпоследнем туре, где Керес сыграл вничью с Фолтысом. Последний тур свел конкурентов на первое место между собой.

“*Š chachovy Tyden*”: “Сколь многие удовлетворились бы ничьей. Но честь и слава представителям младшего поколения: они устали только тогда, когда делать уже было нечего”.

Керес сначала получил преимущество, но ошибся и оказался на грани проигрыша. Затем последовали ошибки со стороны американца, а эстонец не сумел ими воспользоваться.

Керес: “Я снова чувствовал в эндшпиле недостаточную технику”..

В итоге Керес и Файн поделили первое-второе места (Алехин отстал на полтора очка!). Керес набрал много: если бы в шахматах применяли коэффициент трудности, то очков у него было бы еще больше - почти все его партии вошли в разряд образцовых. Трудно было бы в девять партий вложить больше свежих мыслей, чем это сделал Керес в Маргете.

Файн: “Керес играл, как истинный гроссмейстер. Несомненно, его ждет большое будущее”.

“*Š chachovy Tyden*”: “Исключительные комбинационные способности Кереса произвели на всех участников сильное впечатление. Если учесть, что ему только 20 лет, можно быть уверенным в его будущей славе. Единственное, что этому противоречит, так это его редкая скромность. претенденты на звание чемпиона мира никогда не отличались этим свойством”.

“*Tidskrift för Schack*”: “Эстонец - самый младший из всех международных мастеров, а показал себя равным с почти столь же молодым, но более известным Файном”.

“*Wiener Schachzeitung*”: “Если так пойдет и дальше, то Керес может питать самые смелые надежды на будущее”.

Это было впервые - чтобы шахматная пресса, кроме герба гроссмейстера, предлагала Кересу и регалии претендента в чемпионы мира. Разумеется, несколько поспешно.

Теперь Керес пожинал плоды домашней работы, которую он проделал в изоляции от внешнего мира. И его яркий талант начал созревать исключительно быстро. Быстрее, чем он сам.

Турнир в Маргете снова затронул проблему Алехина. Как после Гастингса его возносили на пьедестал, так теперь его оттуда спешили сбросить. "Š chachovy Tyden" придумала даже эпитет: "нокаутированный Алехин". Пространную статью опубликовал Файн, который утверждал, что эпоха Алехина кончилась.

Но все это были только рассуждения. На следующий же день оба молодых триумфатора торопились через Ла-Манш в Остенде, считавшийся "королем" бельгийских пляжей. На этот раз они были вдвоем, другие звезды первой величины отсутствовали. В Англии они встретились в последнем туре, в Бельгии жребий свел их в самом начале (Кересу снова достался № 1). Это была принципиальная партия, здесь они пытались выяснить между собой то, что на английском берегу осталось невыясненным. Керес выиграл эту партию, чем вызвал широкий резонанс.

"Uudisleht": "Среди народа очень велик интерес к выступлению Кереса. Часто можно услышать вопросы: "Как дела у Кереса?" Три женщины остановились перед витриной, где было вывешено сообщение о блестящей победе Кереса над Файном. "Ну и молодец этот Керес, - обменивались мнением женщины, - он еще лучше, чем Палусалу, с его двумя золотыми медалями. Интересно, его тоже будут встречать с музыкой?"

А потом для Кереса наступили плохие дни; и самое страшное - в игру вошла беззаботность, апатия. Вот что говорил распорядитель турнира Кмох:

"Участники проводят здесь приятные, - может быть, даже слишком приятные - дни. Они живут в шикарной гостинице и ведут себя как высокопоставленные гости. Сезон еще не начался, и без конца дует апрельский ветер, но в этой стране без комендантского часа никто не скучает. В казино, куда вход свободный, можно с помощью всего пяти франков стать миллионером. Бесчисленные open-all-night* бары стараются перещеголять друг друга своей дешевизной. Жить хорошо, но играть на турнире нелегко, особенно если ты Junge und Schwungmaster***".

---

* Ночные (англ.)

** Юный и бойкий мастер (нем.)

Керес не входил в их число, но общая атмосфера, наверное, повлияла и на него. Неопытному игроку нужно было переварить еще и пережитое на предыдущем турнире.

В третьем туре Керес проиграл Тартакову, из-за этого он даже не отправил письмо в "Uus Eesti".

Лаурине: "Вероятно, из-за грустного настроения..."

Письмо позже все-таки было доставлено. Исход начатой в стиле рулетки партии, по Кересу, решила маленькая ошибка: "Нечаянно коснулся коня и должен был им пойти, что стоило мне пешки".

Керес: "Но этим серия моих несчастий еще не кончилась. В четвертом туре, играя с Гробом, я получил прекрасную позицию, но затем подставил пешку, и позиция развалилась. Кое-как я ее уравнивал, но проиграл по времени! До контроля к 51-му ходу в цейтноте был Гроб, но ему удалось спастись. У меня же оставалось примерно 20 минут, но я забыл, что нужно сделать еще один ход, и просрочил время!"

Первое место пришлось поделить на троих между Файном, Кересом и швейцарцем Гробом, который получил по очку от обоих со-победителей. Критики крутили носом: единственное, что осталось в памяти от этого турнира - партия между Файном и Кересом.

Керес, едва турнир закончился, сразу же поспешил в Прагу. Там из гроссмейстеров был только первый шахматист Австрии Элисказес. Зато просто сильных мастеров в Праге было значительно больше, чем на двух предыдущих соревнованиях. В Центральной Европе шахматы привлекали гораздо больше, чем на Западе. Керес писал в "Uus Eesti":

"Организация турнира великолепна, и игра доставляет радость. Этот турнир, наверное, для меня обернется не тяжелым трудом, а приятным отдыхом! То же, надеюсь, будет и в Вене, где, кроме шахмат, у меня по утрам будет теннис. Здорово, правда?"

Настроение было действительно хорошее. Его могла поднять и церемония открытия турнира. Гостеприимные чехи хотели приветствовать восходящую шахматную звезду на эстонском языке, но какой-то шутник составил довольно озорной текст. В ответ на это Керес выиграл восемь партий подряд, и все они были весьма содержательными.

"Š chachovy Tyden": "Керес выигрывает подряд, будто дрова в лесу рубит".

Слабое утешение в том, что и гостям ничего не удалось сделать с этим феноменальным эстонцем.

"Ceske slovo": "Пауль Керес - чудо Севера. В последние годы мы напрасно ждали прилива новых творческих сил в шахматы. А теперь молодой мастер, представитель малоиз-

вестной маленькой страны, стал в Праге таким триумфатором, что стол, за которым он играет, окружен толпой зрителей.... Он многим отличался от других участников. Он удивлял всех своей скромностью и увлеченностью шахматами. Его не притягивали всевозможные развлечения, чем он очень импонировал как шахматистам, так и публике”.

В Вене Кереса ожидал тематический турнир. Четыре шахматиста должны были играть между собой в два круга дебют Дери. Это начало не имеет никакой теоретической ценности, но дело в том, что его придумал меценат барон, который финансировал этот турнир. Керес вновь занял первое место, хотя в одной партии все же не избежал поражения. Известный шахматный деятель Беккер делился своими впечатлениями в “Wiener Schachzeitung”:

“Венская семья шахматистов могла лицезреть за турнирным столом самую интересную шахматную личность современности. Он скромнен. Но его игра! Из всех ныне живущих шахматистов именно у него - самые большие комбинационные способности, самое естественное безумие, самая освежающая душу смелость - те же качества, которые уже в Пауле Морфи (то же имя!) вызывали восхищение шахматного мира. Такие люди находят в тысячу раз больше новых приверженцев шахмат, чем люди safety first*, послужной список которых, возможно, и ровнее”.

В Вене состоялась встреча Кереса с легендарным Ласкером. Австрийский шахматный публицист д-р Ханнак так описывает эту встречу.

“В один прекрасный майский вечер он (Ласкер. - Авт.) сидел в саду гостиницы “Де Франс” вместе с Мартой (супруга Ласкера), Шпильманом, Соней Граф и со мной. Беседовали до полуночи, пока к маленькой компании не присоединился последний гость - Пауль Керес, эстонский шахматный гений, младший из Enkelgeneraton, который всего десять минут назад был увенчан лаврами победителя в близлежащем кафе “Централь”. С еще румяным от недавних переживаний лицом внук приблизился к своему духовному дедушке - так там увидел самого младшего и многообещающего отпрыска шахматного мира Ласкер. Так они впервые встретились, так между молодым и старым завязалась дружба с первого взгляда”.

Только в конце мая Керес вернулся домой из своего победоносного турне.

Судя по газетным репортажам, из самолета вышел загорелый юноша высокого роста, у которого в руках был портфель и теннисная ракетка. Первый ответ: “Но я же все-таки

---

* Безопасность прежде всего (англ.)

немного изучал эту игру, в шахматы". Кто-то требовал автографа. "Нет уж, это я не могу - такое беспокойное время в отношении векселей..." Тут же на аэродроме он получил правительственный пакет, хотя его предупредили, что из-за экономических трудностей в него не смогли много вложить.

"*Uudisleht*": "За границей не было ни одного дня без соревнований. Результат такого перенапряжения был очевиден - и без того худой Керес похудел еще больше. Но Керес полон энергии и стремлений, у него и в мыслях нет пропустить хотя бы одно важное соревнование".

Более подробное интервью у победоносного путешественника взял "*Uus Eesti*":

- Как принимали за границей?
- Хорошо. Самый сердечный прием был все же в Праге.
- Как старые шахматные львы относятся к новым звездам?
- Должен сказать, что раньше - очень сдержанно, но после победы в Маргете отношения улучшились.
- Кого вы считаете сейчас лучшим шахматистом мира?
- Официально им является Эйве, но очень хорош и Ботвинник.
- Каково настроение, была ли тоска по дому?
- У шахматиста всегда должно быть хорошее настроение, иначе играть невозможно. Иногда вспоминались пески Пярну.
- Насколько окупаются такие турниры?
- Приплачивать не надо, но и в кармане ничего не остается. Жизнь там дорога, и на каждом новом месте хочется осмотреться.
- Какая из партий прошедших турниров была лучшей?
- Полагаю, что партия с Алехиным в Маргете. Она прошла очень быстро, и настроение после нее было прекрасное.
- Что собираетесь предпринять в ближайшем будущем?
- Думаю сначала немного отдохнуть в Пярну. Скоро начнется турнир в Кемери, затем шахматная Олимпиада в Стокгольме. Наверное, смогу попасть на турнир в Земмеринг.

Пауль-I и Пауль-II

Мы уже говорили о международном резонансе восьминедельного шахматного путешествия...

Паганини в шахматах! Теперь этот эпитет попал в массы. Немецкий журналист Димер утверждал, что Керес только играет, как Паганини, внешне в нем нет ничего демонического. Керес по всем статьям отличался от своих знаменитых соперников. Они были невысокого роста, длинный Керес среди них казался еще длиннее. Стройный и бледный, подчеркнута стройный и бледный. Тогда писали: прямо-таки по-

детски невинен. Эта мысль у нас, кажется, повторяется, но как часто ее повторяли в 1937 году!

Керес всегда любил шутку и молчание. Неловкость новичка сделала из него молчуна.

"Chess": "Не случайно, что на каждом групповом снимке мы находим радостно улыбающегося Файна на переднем плане, а Кереса - спрятавшимся в заднем ряду. Контраст между внешностью пай-мальчика и его страшной игрой был настолько разящим, что это только подогревало интерес к обоим полюсам".

Керес стал настоящим покорителем сердец; потребуется много времени, чтобы прочитать все дифирамбы в его адрес. Пикантности добавило то обстоятельство, что в то жаркое лето 1937 года минуло 100 лет со дня рождения Пола Морфи. Журнал Соединенных Штатов *"Chess Review"* по случаю юбилея своего легендарного земляка поместил статью о Морфи и Кересе. Позднее в *"British Chess Magazine"* появилась статья Колтановского "Пауль Керес - новый Морфи!" Пауль-I и Пауль-II... Все разговоры сводились к одному: Пауль-II - будущий чемпион мира.

Если бы Кереса только хвалили, это еще полбеда, но его имя использовали, чтобы унижить других, весьма достойных шахматистов: "И это прогресс!?", "Долой лавирование!", "Долой американскую конвейерную систему!", "Долой убийственную технику, да здравствует шахматное искусство!" Репортеры в подобных статьях старались перещеголять друг друга и всегда советовали "жалким технократам" брать пример с Пауля-II. Некий корреспондент требовал, чтобы партии Кереса в обязательном порядке демонстрировались молодежи.

С критикой выступили и такие авторитеты, как, например, воспитатель советских шахматистов Петр Романовский. В еженедельнике "64" из-под его пера появились три статьи под общим названием "Некоторые современные творческие тенденции". В Введении уважаемый педагог и шахматный философ привел цитату Флора: "Я лично предпочитаю жертвовать чужие пешки" и находил за ней целую систему вредных взглядов. Вывод был безапелляционным: Флор - жертва излишней трезвости.

Чешский гроссмейстер пытался защититься в ответной статье. Он утверждал, что Романовский до смешного упрощает его взгляды, когда пытается представить в виде кредо случайную реплику. Старая атакующая игра давно забыта:

"Шахматист нашего времени должен уметь разгадывать планы противника, обнаруживать комбинации, использовать микроскопические преимущества, понимать динамику шах-

мат. Это не только профессиональная техника. Мне гораздо легче на пальцах высчитать десятиходовую форсированную комбинацию, чем в стратегически простой позиции найти один, но единственно верный ход”.

Далее Флор продемонстрировал свой эндшпиль с Ботвинником, где он в материально ровном положении реализовал преимущество двух слонов против двух коней: “Лет 20-25 назад никто бы и не думал продолжать этот эндшпиль, признав ничью. Используя достижения новейшего искусства, я показал, что этот трудный эндшпиль можно выиграть. Для любителей “бессмертных партий” такой эндшпиль - пустое место или скучнейший шахматный этюд. А Алехин назвал его чуть ли не вершиной современной, практической игры”.

В заключение Флор пишет: “Молодой мастер часто начинает свой путь бурными комбинациями. Под влиянием жизненного опыта он развивается в сторону современной игры. Этот процесс неизбежен. В противном случае молодой “комбинатор” не сможет подняться и будет оттеснен шахматистами, шагающими в ногу со временем”.

Раскритикованный вместе с Флором Файн писал через несколько лет:

“До нынешнего века блеск считался выдающейся ценностью, и каждая партия, в которой не было блестящих жертв, признавалась безнадежно скучной. Считается (хотя нет ни одного факта, подтверждающего это), что, благодаря исполненной блеска игры Морфи, никто не выдерживает с ним сравнения. Число людей, стоящих на такой позиции, к счастью, уменьшается, но они все же еще задают тон. У каждого мастера был свой период Морфи, и практически каждый оставил это увлечение молодости. Неужели, как считают некоторые, из-за лени и желания играть без риска? Нет, для таких обвинений нет оснований. Настоящая причина: современный игрок так хорошо вооружен технически, что блеск, как правило, либо вообще невозможен, либо легко отразим. Дикая игра с жертвами равна самоубийству, и каждый, кто хочет выиграть у равного себе соперника, должен отказаться от такой тактики”.

Файн в общем-то повторяет Флора, но еще и намекает на явление, которое можно назвать “мифом Морфи”.

Задавался вопрос: что есть искусство? Ответ: искусство - это возведение замка на острие иглы. Но искусство доходит до воспринимающего только тогда, когда тот понимает, что чудо родилось, что замок построен.

Рети: “Дилетанта в шахматах поражает комбинация с жертвой. Для такого подсознательного восторга имеется много причин. Тут ясно видно созидательное начало в чело-

веке - единственное, что может оживить мертвые деревяшки. Но есть что-то совсем особенное, что отличает комбинацию с жертвой от других, даже более детально рассчитанных комбинаций: сознание того, что дух празднует победу над материей. Шахматный любитель видит в жертве чудо, о котором в жизни можно только мечтать, но которое обычно никогда не встречается”.

Шахматные таланты прошлого века возвышались подобно мачтовым соснам среди ольховника, но гений тогда играл в таком духе, что его понимал и простой смертный (или полагал, что понимает). В последней четверти века появился Вильгельм Стейниц со своей “модной школой”, со всяческими принципами. Тогда казалось, что в безграничном творчестве свободного духа начали ковырять скальпелем, стали его препарировать - и свободное творчество умерло. Каждый знал, что в игре делают ставку на мат. Вдруг на шахматной доске возникли какие-то слабые и сильные поля, вдруг заговорили о каких-то минимальных преимуществах, об их аккумуляции. Теперь атаковать стало можно только тогда, когда позиция созрела для атаки. Что это за атака, когда победа сваливается на голову, как изъеденное червем яблоко!

Стейниц попытался назло всем показать анализом партий именно своего предшественника Морфи, что в шахматы до сих пор играли неправильно. Он попал в осиное гнездо. После первого официального матча на звание чемпиона мира этот шахматный Ньютон подвергся резкой критике:

“Талант Морфи был врожденным, оригинальным и спонтанным, тогда как талант Стейница и Цукерторта - приобретенный. Морфи всегда играл предприимчиво и бесстрашно, в то время как партии кончившегося матча полны выжидательных и неуверенных ходов. Морфи не ждал, пока противник ослабеет, а врывался в его стан смелыми и неотразимыми атаками. Стейниц и Цукерторт получили титул и славу главным образом через прилежание, усердные исследования и тренировки. Ведь Морфи был только один, а подобных Стейницу и Цукерторту может быть много”.

Так родился миф Морфи, шахматная вариация на тему “старые времена - красивые времена”, или: “раньше все было лучше”, “вода мокрее” и т.д.

Кем же был Пол Морфи?

Говорят, взгляд его черных глаз был похож на взгляд поэта, но он отнюдь не был только шахматным поэтом. Большинство мастеров середины 19-го века пытались играть романтичнее, в более возвышенном стиле.

Рети: “Теперь открытый стиль игры понятен даже слабому игроку. При Морфи дело обстояло иначе... В том-то и

состоит преимущество Морфи перед своими сверстниками, что он первым дошел до правильной оценки открытых позиций, что он первым создал прочный метод их обработки”.

По творческой силе многие соперники не уступали ему, но он почувствовал то, о чем тогда было еще неясное представление - он понял важность быстрого развития, важность центра, важность свободных линий (та азбука, с которой начинается обучение шахматам). Следовательно, Морфи надо оценивать как шахматиста с исключительным позиционным чутьем. Он, мастер открытых позиций, был как бы связан пуповиной со своим наследником Стейницем, мастером закрытых позиций. Они оба были первыми, в соответствующих областях дошедшие до закономерностей (правда, Морфи - только интуитивно). Теперь из них сделали чуть ли не вечных врагов. При появлении каждого встречного молодого комбинационного шахматиста, по неопытности возлюбившего риск, говорили: “Играет, как Морфи”.

Среди публики стал популярным немец Франц Гутмайер*, который в своих многочисленных книгах, завоевавших успех, постоянно восклицал: “Назад к Морфи!” Его интересно процитировать:

“У играющего закрытый дебют слабый талант и недостаточно развитое воображение. Закрытый стиль игры защищает его от гениального противника, так как он прячется за стеной своих пешек и укрывается от острых атак. Творческому духу противна вялая закрытая игра - она препятствует высокому искусству создавать и преобразовывать позиции. Закрытая игра - это необходимая оборонная башня убогих талантов, открытая игра - арена гения”.

Читатель, бойся таких нравоучений! Последователи Гутмайера находились и среди критиков 1937 года, их можно найти и среди нынешних шахматных литераторов. Стоит снова вспомнить Рети:

“Для меня он (Франц Гутмайер) является не личностью, а родовым понятием, игроком среднего класса, который везде выступает, который восхищается Морфи после его смерти, который упрекает Морфи при его жизни; который уверен, что в сухой игре мастера, может, и играют сильнее его, но зато его, этого игрока, идеи по меньшей мере красивее”.

Все же не стоит так уничтожать бедного невежду. Случай более сложный и... безвыходный.

Постепенно все лучшие шахматисты приняли теорию Стейница. Гораздо медленнее проникала она в широкие массы шахматистов. Третьеразрядник 1990 года знает больше,

---

* Умер забытым в том же 1937 году.

чем мастер 1876 года. И тем не менее, разрыв между двумя трактовками шахмат только увеличился. Сегодня в шахматах творят такие чудеса, о которых раньше не могли и мечтать, но невооруженным глазом их уже не разглядишь. Для того, чтобы понять современную позиционную игру, недостаточно иметь среднее специальное образование - надо кончить университет. Иногда кажется, что и это не поможет, многие учатся всю жизнь и все равно остаются ремесленниками. Иногда кажется, что в мире есть какая-нибудь одна-две дюжины шахматистов, которые по-настоящему разбираются в этом искусстве. В 1929 году чемпион СССР Григорий Левенфиш писал:

“Потребуется десятилетия напряженного труда, прежде чем шахматное искусство станет общедоступным для понимания”.

Уже шестьдесят с лишним лет прошло. Число разрядников или просто любителей шахмат неимоверно возросло. А общедоступность шахмат?

Эта надежда вряд ли когда-нибудь сбудется по очень простой причине: обыкновенного человека в любом искусстве привлекает только настоящее, безусловное show. В музыке проще, Шёнберга слушает тот, кто хочет его слушать, миллионы же предпочитают внимать очередной звезде эстрады. В шахматах же загвоздка в том, что внимание миллионов обращено именно на “Шёнбергов” - обычно чем сильнее мастер, тем более скрытно его искусство. Поэтому матч на звание чемпиона мира представляет собой примерно такую картину. Всемирный зал (ведь шахматный зал - без стен; для того, чтобы следить издали, не нужен даже телевизор: берешь текст партии, садишься перед шахматной доской и разыгрываешь партию сам) заполняют умные люди, которые считают себя поклонниками этого вида искусства. Но до них доходят только отдельные, зачастую неправильно услышанные звуки. Это бы еще ничего, но дело в том, что, в отличие от музыки, шахматных “Шёнбергов” лезут оценивать и те, понимание которых едва одолевает первую ступеньку поп-эстрады.

Что делать? Миф Морфи живет вечно.*

Вернемся от этого общего рассуждения назад, к 1937 году. Нападки рядовых комментаторов были наивными и несправедливыми. Появившееся новое поколение довело до кон-

---

*Не стоит все сваливать на “рядового” читателя. Хотя мастера и любят иронизировать над теми, кто шахматную красоту оценивает по весу пожертвованной фигуры, но и они чувствуют тайное сжатие в груди, поднимая руку, чтобы “подкинуть” сопернику ладью или ферзя. Тонкий культурный слой не заглушает ностальгический зов детства.

ца определенный этап в развитии шахмат. Маленькие причины, большое воздействие - метод, свидетельствующий об истинном искусстве, впервые реализовался и в шахматах. Почитатели шахмат не признавали полутонов, микроскопических триумфов мыслительной логики... Кстати, в чем-то эти любители были правы: весьма способные мастера того поколения оказались в плену своих же успехов, сами себе подрезали крылья. Шахматы - игра, конечно, здравого ума, но лишнее промилле трезвости убивает созидательное начало.

Пожалуй, только молодой Таль вызвал в шахматном мире в конце пятидесятых годов такой же переполох, какой вызвал Керес в 1937 году. Но как позже Таль, так и Керес в то время был необходим для вечного процесса возрождения. Самого Кереса этот фимиам не усыплял. Он писал, например, что прошедшие четыре турнира послужили задачей усовершенствовать его позиционную игру. В Праге он говорил чешскому мастеру Карелу Опоченскому, что его (Кереса) зря считают наследником Алехина, что ему гораздо ближе ясная стратегия Капабланки. Немного позже и Алехин в одном интервью сказал, что он радуется успеху Кереса, так как стиль Кереса похож на его собственный. Но тут же добавил: "Правда, сам Керес признает, что у них с Капабланкой родственные души".

Так или иначе, массы преклоняющихся перед красотой не замечали, как молодой эстонец передвигается, правда, довольно медленно, с левых позиций к центру. Турнирный опыт обострил его фантазию, которую можно охарактеризовать словами Гёте - "точная фантазия". Белые "самоубийства" встречались все реже, быстро развивалась техника игры. Это развитие иногда перемежалось временами со все еще бурлящим на поверхности романтизмом, и все же это развитие было односторонним. Кстати, д-р Ханнак в том же 1937 году писал:

"Пусть второстепенные критиканы запечатлеют в своих альбомах, что говорит Керес о Флоре и Файне. Он уважает их способности и метод игры: "Если бы было легко противостоять этому методу, то почему же он всегда дает такие хорошие результаты? Мне, игроку одного стиля, борьба с Флором и Файном доставляет огромное удовольствие".

Керес меньше всего поддавался тому, что Кмох называл "купеческим мышлением" ("Мастера напрягают свои силы лишь там, где они чувствуют успех"). Пока что это шло ему только на пользу.

Шопенгауэр дал дьявольски красивое определение:

"Ум - это фонарь, который светит над каждым человеком, гений же освещает весь мир".

Этот мальчик, который на групповых фотографиях старался быть неприметным в заднем ряду, уже успел озарить шахматный мир удивительным светом.

Летние интермедии

Сразу после короткого отдыха предстоял турнир в Кемери - самый представительный в жизни Кереса. На латвийский курорт прибыли все звезды, кроме Эйве и Ботвинника. Разумеется, репортеры поспешили взять интервью у участников.

Файн: шансы есть у Алехина, Флора, Решевского и Кереса.

Алехин: мои соперники - Файн, Флор, Керес, Решевский; только у Кереса более интересный стиль.

Вл. Петров (Латвия): "Я не ставлю Кереса на 1-4-е места, он еще слишком молод, до сих пор играл только на турнирах, где были два-три кандидата на первое место, другие - на целую голову ниже. В Кемери такой разницы нет".

Когда с тем же вопросом обратились к Кересу, тот своих соперников не назвал, заметив лишь: "Трудно сказать..."

Непосредственным поводом для организации турнира было пребывание Алехина в Риге осенью 1936 года. После того, как чемпион проиграл в сеансе одновременной игры шестнадцать партий, он на банкете предложил устроить международное соревнование, пообещав в нем свое личное участие. Естественно, слова Алехина вызвали бурный восторг местных шахматистов. Но одного этого было бы недостаточно, идею поддержал президент Ульманис: ведь шахматный турнир - довольно тонкая форма пропаганды.

Керес смог отправиться автобусом из Пярну в Ригу только в день первого тура и, естественно, опоздал на игру, снова дав эстонской прессе повод говорить о его легкомысленности. Из Тарту приехал шахматный редактор газеты "Постимезс" Пауль Тамм. Поскольку корреспондентов за счет турнирного комитета не принимали, Тамм выступил в роли личного секретаря Кереса. Для получения прав "личного секретаря" было поставлено одно дополнительное условие: секретарь должен иметь при себе пишущую машинку...

По жребию Кересу достался 13-й номер. В первом туре Флор "сжимал" его на протяжении 104 ходов, едва не выиграл: Керес в конце концов спас пол-очка. Во втором туре дела пошли еще хуже. Пассивная игра против Решевского привела к проигрышу пешки, а с ней, чуть позже, и всей партии. Плохие дни продолжались. В третьем туре ветеран Тартаковер получил сильную атаку, но в цейтноте упустил победу, ограничившись вечным шахом. Четвертый тур принес победу над более слабым шахматистом - латышом Озолем, в

пятом Керес снова проиграл, на сей раз Штальбергу. В итоге у него было лишь два очка из пяти. По утверждению "Postimees", Керес обещал к концу турнира набрать их около дюжины. Все же соревнование состояло из семнадцати туров...

Подобно смерчу, стартовал Решевский - 6,5 из 7, победы над Кересом и Файном. Керес с 3,5 очками стоял в этот момент на 8-11 местах. В восьмом туре победоносное шествие американца остановил Алехин. Публика приветствовала эту блестящую партию криками: "Да здравствует Алехин!" Экс-чемпион мира сошел с подмостков почти пританцовывая. Вообще, в Кемери он был сверхнервным; в партии с Ландау он, например, сделал два хода подряд.

"Vaba Maa": "При Алехине должна быть абсолютная тишина, иначе сразу же вспыхнет раздражение. Фотографировать себя он не разрешает".

"Postimees": "Алехин теперь пьет молоко и ест шоколад. Когда он играет со своим противником, то стол уже завален окурками".

Приближающийся матч-реванш все больше напоминал о себе!

У Кереса дела, кажется, пошли на лад. И тут пришла важная новость. Голландский шахматный союз сообщил, что собирается организовать в апреле 1938 года турнир кандидатов в чемпионы мира, нужна только поддержка съезда ФИДЕ. Семь участников из восьми уже известны: проигравший в матч-реванше, Ботвинник, Капабланка, Флор, Файн, Керес, Решевский.

"Vaba Maa": "Керес включен в восьмерку мира! Все граждане, "обладающие национальной гордостью", с волнением ждут новых сообщений".

"Postimees": "В связи с приглашением Кереса в Голландию, Решевский, Флор и Файн говорят, что голландцы поступают очень правильно. Эти три шахматные знаменитости признают Кереса вполне достойным себя противником".

Флор смеялся: "На этом турнире надо считать хорошим достижением даже предпоследнее место".

(Забегая вперед, заметим, что Флор оказался пророком - через полтора года он на АВРО-турнире занял последнее место.)

В Кемери приходили и другие новости. 5 июля 1937 года "Vaba Maa" писала:

"Пауль Керес поступил в университет. Он в четверг подал заявление в Тартуский университет, на отделение математики математико-естественного факультета".

Интересная параллель. В тот же день, 5 июля, из советс-

кой шахматной газеты "64" можно было узнать о том, что "Ботвинник защитил диссертацию в Большой физической аудитории Ленинградского индустриального института. Официальный оппонент полагает, что эта работа может иметь большое значение для создания единой высоковольтной сети СССР".

Керес несколько поправил свое положение. После одиннадцатого тура он с семью очками делил со Штейнером 5-6-е места. Удивительно, что впереди был Петров, которому, правда, помогали "родные стены", а в числе аутсайдеров - Файн, который делил 9-10-е места. Положению американца удивляться не приходилось: десятки турниров и сеансов одновременной игры, следовавшие один за другим, привели к неизбежной усталости.

"Postimees": "Керес: "Терпение, терпение... Впереди еще 6 туров! Жаль, что я только к середине турнира приобрел форму".

В двенадцатом туре Керес выиграл у Штейнера и догнал Алехина.

Под пеплом тлели угли страсти. "Postimees" писала перед следующим туром:

"Словесные баталии на турнире в Кемери. Алехин - Флору: "Ради того, чтобы вы тут, в Кемери, не заняли второго места, я сегодня с Петровым сыграю вничью". При этом он хватает карандаш и уже вписывает в большую турнирную таблицу ничью с Петровым. А распорядитель турнира Кмох тут же стирает ничью и делает Алехину замечание".

Дело в том, что ранее Бек в партии с экс-чемпионом не сделал хода, а ждал откладывания партии - боялся испортить ничейную позицию - и даже прогуливался. Теперь Алехин излил свой гнев на Флора.

На длинной дистанции разгон Решевского ослабел, и перед последним туром таблица выглядела очень тесной: Решевский - 12, Флор и Петров - 11,5, Алехин и Керес - 11. Финал принес несколько неожиданностей. Решевский упрямо пытался выиграть у Бека и проиграл, партия между Флором и Петровым после напряженной игры закончилась вничью. Таким образом, могло случиться так, что первое место делили бы пять участников, так как Алехин и Керес должны были играть с латвийскими шахматистами весьма скромного класса. И все же ни один не смог одолеть своего противника. Керес отложил партию, имея преимущество, но при доигрывании не смог его реализовать. Скверно сложилась игра у Алехина, который стоял на проигрыш. В итоге он кое-как вымучил ничью. Теперь первое место делили лишь трое. Хрустально-ясной была в таблице строка "статистического"

Флора: с первыми десятью - ничьи, с последними семью - победы.

Тартаковер по итогам завершившегося турнира сделал следующие выводы. Во-первых, полное междуцарствие, что проявилось еще в Ноттингеме: первое место персонально никому не принадлежало. Во-вторых, на небольших турнирах 1937 года доминировали Файн и Керес, теперь же среди победителей их не было. В-третьих, подтверждается оценка Ласкера: есть чемпион, но нет короля: "Шахматный мир слишком торопится возводить на пьедестал новых счастливых, именно после больших побед наступает опасная зона".

Это относилось и к Кересу. Что писали другие?

"Š chachovy Tyden": "Керес играл на первом большом турнире в своей шахматной карьере и вновь подтвердил, что он является реальным кандидатом на звание чемпиона мира".

"Chess Review": "Молодой Керес отстал от победителя на пол-очка. То обстоятельство, что многим этот результат казался скромным, показывает, как высока его цена".

Кмох: "Разыгрывает партию Керес порой слишком легкомысленно и доводит ее до грани проигрыша. Тем не менее создается впечатление, что он дает то здесь, то там противнику шансы скорее из озорства... Он любит риск. Еще год или два развития в таком же темпе, и шахматный мир получит гения".

На следующий после турнира день "Vaba Maa" спрашивала: "Улица имени Пауля Кереса в Пярну?" Дело в том, что Городская управа получила от какого-то энтузиаста письмо с требованием назвать одну из улиц Пярну именем Кереса.

Пример латышей вдохновил и других - в Пярну тоже захотели устроить международный турнир, хотя бы малюсенький. Городское управление было согласно взять на себя содержание участников, если кроме Кереса будут участвовать хотя бы три известных гроссмейстера. Тартаковер и Штальберг согласились сразу (как и Опоченский, который находился в Кемери в качестве журналиста), но ради третьего Кересу пришлось применить все свое красноречие.

"Postimees": "Пярну находится почти на полпути от Риги до Стокгольма, и мастерам было бы удобно перед большой шахматной Олимпиадой немного отдохнуть. Но "такса" Решевского, Флора, Алехина и Файна вначале нас просто испугала. Наконец Кересу удалось уломать Флора и пригласить его на турнир".

Самому Кересу запланированное мероприятие принесло дополнительную нагрузку.

"Postimees": "Кересу приходится вместо отдыха с утра

до позднего вечера бегать и что-то устраивать. Ведь на его плечах лежит большая часть организационной работы. Вчера он должен был рано утром выехать на машине в Таллин, чтобы уладить какие-то дела и прежде всего позаботиться о призовом фонде. Поздно вечером он вернулся в Пярну, где ему пришлось искать квартиру для шведа Штальберга, так как гостиница и летнее казино были заполнены до отказа”.

Вечером 15 июля в Красном зале летнего казино состоялся банкет в честь открытия турнира. От имени участников выступил Тартаковер. Он отметил, что особенно рад возможности соревноваться на эстонской земле, где вырос “самый юный гроссмейстер современности. Два дня, проведенных в Пярну, вызвали такое чувство домашнего уюта, какое он редко ощущал во время своих долгих странствий и тридцатилетней турнирной практики”.

“Postimees”: “Вчера в Пярну собралось столько любителей шахмат, что у организаторов возникли опасения, сможет ли турнирный зал вместить всех отдыхающих на курорте любителей шахмат. Видно, это национальное мероприятие, посвященное интеллектуальному виду спорта, повлияло на широкие круги общества. У многих открылись глаза на то, какой большой вес среди народов мира имеет игра в шахматы как средство заставить считаться с собой”.

Ни во что не ставились шансы представителей Эстонии - Шмидта, Рауда и Вилларда. Кстати, Шмидт месяц назад, после пражского триумфа Кереса, сказал: “Керес в Праге выступил не лучше, чем зимой в Таллине; у нас привыкли преклоняться перед всем заграничным, пражские мастера ничем не лучше наших”. Теперь ему дали возможность подтвердить сказанное. В первом же туре встретились два Пауля, два давнишних соперника, из которых один в короткое время завоевал полмира. Керес, по его словам, опять играл “легкомысленно”, Шмидт отразил атаку и выиграл.

Это было лишь начало. Во втором туре Шмидт победил Флора.

“Postimees”: “Над секретным ходом Флор уже долго не думал, а быстро записал его в протокол партии и сунул в конверт. Во время всех этих действий у гроссмейстера Флора было такое несчастное выражение лица, как будто он проиграл самое дорогое в своей жизни. Когда он отошел от стола, то не глядел ни вверх, ни по сторонам, его взгляд был направлен прямо вниз”.

Керес, в придачу ко всему прочему, участвовал и в начавшихся в Пярну международных соревнованиях по теннису. Распорядитель турнира Пауль Тамм отзывался о нем в несколько минорном тоне: “Керес слишком молчалив, даже со

своими товарищами очень мало разговаривает, видимо, думает о будущих очках”.

Это мнение, пожалуй, несправедливо. Пярну был только маленьким промежуточным эпизодом, приглашенные гроссмейстеры его так и воспринимали. Поколение “суровой эпохи” вовсе не состояло из одних только роботов. В упорной борьбе Кереса и Флора наступил ничейный эндшпиль: у Кереса оставался “голый” король, у Флора - король с пешкой. Вдруг Флор пошел своим королем под шах противника; при этом оба короля по-прежнему стояли под шахом. Несколько бдительных зрителей кинулись к распорядителю турнира. Тот подошел, сунул обоих королей в карман и вписал в таблицу каждому по “половинке”. И только тогда публика догадалась, что шахматисты решили ее разыграть. Зал, довольный шуткой, разразился смехом.

“*Uus Eesti*” довольно много места отвела портретам участников:

“Д-р Тартаковер. Полный человек средних лет, в очках. По виду почти что коммерсант, но с задумчивым и глубоким взглядом за очками. Высокий лоб - признак ума мыслителя и большого теоретика. А чуть дальше - человек в коричневом пиджаке, с почти квадратной головой, своеобразная фигура - он может часами смотреть в одну точку на шахматном столе. И почти не моргает. Не он ли автор “Заратустры”? - Нет, хотя и похож на Фр. Ницше, но все же он - лишь один из наших лучших шахматистов. Шмидт, шахматные способности которого неожиданно высоко поднялись в понедельник, поставив его рядом с Паулем Кересом. Опоченский был вчера вынужден сказать в связи с успехом Шмидта: “Вы, эстонцы, имеете на стокгольмском турнире самые лучшие перспективы”.

Керес и Шмидт. Их обоих считают очень хорошими игроками. Слава Кереса росла по мере его побед. А теперь, именно после вчерашней их партии, как предсказывают специалисты, ярче засияет и шахматная звезда Шмидта. Его уже считают победителем пярнуского турнира, уже предсказывают угасание звезды Кереса, по меньшей мере - ее затмение. Потому что Шмидт более “философичен”, как выразился какой-то спец.

Но и все другие участники турнира, сражающиеся в Красном зале летнего казино, философского склада господ. Молодой Рауд... У него много общих черт с преподавателем университета и мистическим поэтом Хуго Мазингом. Посмотрите, как он сидит за турнирным столом? Худой и тощий, взлохмаченная, полная свежих идей голова сжата руками, будто там сосредоточены все беды и мысли человечества. И

Керес - словно стройная девушка, высокий, с длинными и удивительно тонкими руками. Они у него в течение почти всей игры скрещены на груди. Как-то криво, опираясь локтями, сидит он в широком кресле, которое для него явно слишком велико и неудобно.

С. Флор? По внешности его нельзя принять за философа. Скорее его можно принять за танцевального аса и победителя сердец. "С шармом мальчик", - сказала одна девушка и острым взглядом окинула госпожу Флор, всегда сидящую близ своего мужа с собачкой в руках".

В конце турнира Шмидт опережал Флора, Кереса и Шта-льберга на целое очко.

Победитель был самоуверен: "Мой нынешний успех не был для меня сюрпризом. Потому что хорошее знание игры в нормальных условиях предполагает высокое место".

"*Esmaspäev*": "Если Шмидт не ослабеет физически, то мы скоро увидим в Эстонии двух гроссмейстеров".

"*Uus Eesti*": "Шахматная гегемония в Эстонии находится теперь в руках Паулей, вдохновленных бессмертным Паулем Морфи. Шмидт к тому же и сын Пауля; естественно, что Шмидт опередил Кереса - должен же Пауль, сын Пауля, быть сильнее, чем Пауль, сын Пеэтера, или Пауль в первой степени?"

"Турнирчик" вызвал отклик в остальном мире. "Š chachovy Tyden", который до этого утверждал, что эстонская команда будет в Стокгольме мистером X, теперь уже обещал Эстонии второе место.

И вот сборная Эстонии ступила на палубу теплохода. 31 июля 1937 года в столице Швеции началась VII шахматная Олимпиада. К сожалению, Шмидт неожиданно заболел и остался дома.

"Chess" печатал прогнозы: команда Штатов сильнее, чем когда-либо, и ее шансы на первое место равны 50:1. "Это не шахматы, это убийство!" Журнал предполагал, что в будущем американцам станет еще легче. "Но если команду выставит СССР, то мы быстро возьмем свои слова назад. Насколько тогда было бы интереснее! Какая бы это была борьба! Полетели бы клочья шерсти!"

И заокеанский "Chess Review" не побоялся быть откровенным: "Прага! Фолькстон! Варшава! И теперь - Стокгольм. Кажется, что нас ничто не может остановить, если не случится что-нибудь, что называют Божьей волей, скорее всего, Голубая лента шахматного мира снова окажется в нашей стране".

А лучшая команда Старого Света?

"Chess": "Польша!"

“Š chachovy Tyden”: “Второе место, которое заодно означало бы и принятие неофициального титула чемпиона Европы, конечно, проблема. Последний раз его выиграли шведы. На него также претендуют Польша, Венгрия, Чехословакия. Возможно, и Югославия”.

Как уже было сказано, чешский журнал после турнира в Пягну в число претендентов включил и Эстонию. Наверное, это было преувеличением, а выбывший Шмидт еще больше спутал карты. Дома рассчитывали на места от пятого до восьмого.

Со временем организация шахматных Олимпиад совершенствовалась. В Швеции в почетный комитет входили министры, генералы, известный путешественник Свен Хедин; сам король официально заявил о своем высочайшем покровительстве. Олимпийцам отвели великолепный зал в Grand-Hotel. Играли в окружении цветов и фонтанов.

“Maguar Sakkvilag”: “Следует признать, что организация этой Олимпиады превосходит все предыдущие. Разумеется, и другие народы гостеприимны, стараются предложить своим дорогим гостям все наилучшее. Но нельзя забывать, что Швеция - не только прекрасная, но и счастливая страна. 200 лет она жила в стороне от всех войн и ни в чем себе не отказывала: ни в еде, ни в жилище, ни в проведении промышленных и социальных реформ, ни в комфорте общественной жизни”.

В Олимпиаде должны были участвовать двадцать команд, за шахматные столики сели сборные девятнадцати стран - не приехали румыны. В располагающей обстановке борьба шла, что называется, не на жизнь, а на смерть, как это и принято на таких форумах. Эстонцы находились на рубеже пятого места; Керес, который, видимо, жил в предвкушении турнира в Земмеринге и для которого некоторое расслабление было просто необходимо и нормально, особенно не напрягался. Во втором туре он проиграл Эйве (теперь счет их встреч был 2:0 в пользу чемпиона мира). Но компенсацией стала красивая победа над Решевским. Хотя и по крупницам, но очки команда Эстонии накапливала.

И тут произошло то, что *“Š chachovy Tyden”* охарактеризовала следующим образом: “11 и 12 августа имеют определенное значение. Каждый год в эти дни падают звезды из созвездия Персея. Сегодня звездопад был сильнее, чем когда-либо. Но исходным пунктом был не Персей, а Стокгольм”.

Сначала Эйве в выигрышной позиции проиграл венгру Лилянтало, за ним последовал уже “нормальный” проигрыш Эйве финну Гауфину, который и у Кереса выиграл. Решевс-

кий умудрился проиграть аргентинцу Пьяццини и итальянцу Кастальди.

"Š chachovy Tyden": "Падали не только звезды, но и целые созвездия, что является новым явлением в астрономии. Так, Финляндия 12 августа выиграла у Эстонии - 3,5:2,5".

Пресса на родине негодовала.

"Postimees": "Хороший урок нашим шахматистам; надо не жадно кидаться на награды, а серьезно оценивать каждого противника".

"Uudisleht": "Самое унижительное в этой Олимпиаде - наш проигрыш Финляндии. Получили финскую баню!"

Эстонская команда финишировала седьмой.

"Esmaspäev": "Мы были достойны войти в шестерку лучших".

"Š chachovy Tyden": "Штаты выиграли в четвертый раз подряд. Мы восхищены этой победой, но не поражены ею. Совершенно естественно, что 150 миллионов могут выставить 5 участников, которые выигрывают кубок Гамильтона-Рассела. Гораздо удивительнее Эстония, страна с 1,5 (?) миллионами жителей, из которых 300 - шахматисты, организованные в союзы. Кто может похвалиться такими именами, как входящие в класс гроссмейстеров Керес и Шмидт, а также Рауд и Фридеманн, у которых тоже в активе значительные успехи?"

В личном зачете Керес занял второе место на первой доске - 11 очков из 15, 73,3 процента; у Флора - 12,5 очка, 78,7 процента.

На съезде ФИДЕ в Стокгольме обсуждалось намерение голландцев организовать турнир претендентов. Все предполагали, что ФИДЕ обеими руками ухватится за это предложение. Но случилось неожиданное. "Скандал в хорошем семействе", как писали позже. По предложению президента ФИДЕ д-ра Рюэба, решили тут же в Стокгольме выбрать кандидата на титул чемпиона мира. Были названы такие имена, как Ботвинника, Капабланки, Файна, Флора и Кереса. Перед новым голосованием все были уверены, что вопрос лишь состоит в оформлении мандата кубинцу. Но в первом туре Флор получил 6, Капабланка - 4, остальные - по 1 голосу. (Говорили, что ряд делегатов не мог следить за спорами на французском языке. Им объясняли; если "за", скажи: Oui, если против - Non).

В следующем туре голосовали только за Капабланку и Флора. Чешскому шахматисту отдали восемь голосов, его старшему конкуренту - пять. Чемпион мира Эйве первым поздравил Флора. На вопросы публики он дипломатично ответил: "Чтобы оценить это решение, мне бы следовало быть юристом". Все

же голландец, видимо, был удивлен. Он заявил на конгрессе, что, если победит Алехина, то сочтет себя обязанным сыграть с Капабланкой хотя бы неофициальный матч.

После конгресса разразилась буря. ФИДЕ и ее президента атаковали во всех шахматных журналах. Тартаковер утверждал, что собрание абдеритов* ФИДЕ отобрало у славного экс-чемпиона мира его последний шанс вновь вернуть себе корону. "План АВРО торпедирован!" - возмущались голландские газеты. "Эту компанию надо разогнать!" - утверждал "Chess". Подал голос и, возможно, самый главный участник Алехин, который, как известно, никогда не признавал себя связанным с ФИДЕ. Международная шахматная федерация вела себя так, будто Алехин уже проиграл матч-реванш. "Š chachovy Tyden" так и озаглавил его интервью - "Голос из могилы". Алехин сказал: "В этом решении все было непонятно и вызывало недоумение. Прежде всего - торопливость. Ведь они могли бы дождаться моей встречи с Эйве, от которой столь многое зависит".

Один из забаллотированных кандидатов молчал. Он всегда любил молчать в таких случаях.

***

На турнире в Маргете (1937) Керес впервые выиграл у Алехина, причем с помощью его же оружия - интересные комбинации последовали из интуитивной жертвы пешки.

<...>

Керес - чемпион СССР

На матче с американцами Керес по старой памяти был поставлен вторым. Ему надо было бросить на стол новый, более сильный козырь, который бы подтвердил его претензии на более высокое, первое место. Такой шанс представился в Ленинграде на 15-м первенстве страны (февраль - март, 1947). Увы, осторожный Ботвинник решил остаться в рядах зрителей. Чемпион СССР утверждал:

"Я собирался заняться научной работой только после чемпионата мира, но он отодвинулся на неизвестный срок. Поэтому я решил продолжать свою работу и по разрешению нашей шахматной организации не участвую в чемпионате".

"Шахматы в СССР": "Отсутствие Ботвинника уменьшило спортивный интерес и отрицательно повлияло на творческие результаты".

Так или иначе, дуэль между Ботвинником и Кересом не состоялась.

---

*Абдера - город в Древней Греции, вошедший в историю как город глупцов (Авт.).

<....>

Для самого Кереса этот турнир был первым за шесть лет большим соревнованием. Насколько различные психологические нюансы влияли на его настроение, понятно без слов. Кересу нужно было показать себя, а, может быть, еще больше - доказать свою силу самому себе.

В спорте часто любят говорить: соревнование всей жизни. Позже может оказаться, что впереди ждут еще более трудные испытания. Но это не умаляет достоинства однажды использованного сравнения. В феврале 1947 года Керес играл более важные партии, чем когда-либо раньше. Давние победы остались в прошлом. Теперь все надо было начинать сначала. И начинать непременно хорошо!

На этом чемпионате славу и молодость олицетворяли одни и те же имена, так что сюрпризов не ожидалось. В беседе с корреспондентом главный судья предполагал, что среди победителей будут Керес, Смыслов и Болеславский. А кого еще можно было назвать? Лилиенталь совсем уже не тот, что прежде. "Вероятный победитель - Керес".

<...>

Лидером первенства был Смыслов. Шахматный мастер и журналист Юдович поторопился прокомментировать:

"Так играть, как играет в этом турнире Смыслов, до сих пор удавалось только Ботвиннику. Смыслов самокритичен. Он учитывает свои ошибки. Одно время Смыслов играл черными значительно хуже, чем белыми. Сейчас он пересмотрел свой дебютный репертуар и, играя и белыми, и черными, является одинаково грозным соперником".

На следующий день после этой публикации встречались Керес и Смыслов. Партия двух кандидатов в чемпионы мира, естественно, была в центре внимания болельщиков. Зал Дворца культуры им. Кирова был заполнен до отказа. Лидер играл черными.

Зубарев: "Дебютная ошибка, допущенная Смысловым, была превосходно использована эстонским гроссмейстером, и партия была, по существу, закончена еще до наступления миттельшпиля".

Бедный язык шахматной терминологии не может передать человеческие эмоции. Когда Керес последний раз выиграл такую важную партию? Пожалуй, во время матча с Эйве. И снова Керес был любимцем муз и людей. Промежуточного беспокойного ожидания как бы и не было.

После этой партии он уже не выпускал руль из рук: "Я стартовал несколько неуверенно, но, начиная с победы над Смысловым, стал играть лучше".

<...>

Керес: "Первое место, завоеванное мною в трудной борьбе, я считаю одним из крупнейших своих достижений".

Зубарев: "Керес был в великолепной форме. Целеустремленность и воля к победе - эти качества дополняют его характеристику".

Кто-то из болельщиков: "Керес играет без видимого напряжения; он почти никогда не попадает в цейтнот. По выражению его лица редко можно понять, что он рассчитывает длинную и сложную комбинацию".

Толуш: "Наиболее законченное мастерство, высокие волевые качества продемонстрировал П. Керес".

Болеславский: "Керес находился в той блестящей форме, когда можно себе позволить азартную и рискованную игру. Победа его, разумеется, вполне заслуженна".

Смыслов: "Обращает на себя внимание его умение полностью мобилизовать себя, правильно рассчитать свои силы на всей дистанции турнира. И не случайно в присутствии ему ярком стиле провел он как свою партию в первом туре с Каспаряном, так и в предпоследнем - с Левенфишем".

<...>

Если взглянуть на все с психологической точки зрения, то нельзя забывать, что на Кереса давило обязательство играть непременно хорошо - обстоятельство, которое легко приводит к плохой игре. Керес, хотя и был фаворитом, но о нем судили, опираясь больше на воспоминания: хотя громко и называли его имя, но в то же время и сомневались - поди знай, что сделали эти нелегкие годы с триумфатором АВРО-турнира. То, что он с такой уверенностью занял теперь первое место, дало эффект: Керес остался Кересом! Как позже утверждал Левенфиш, после Ленинграда многие специалисты видели в Кересе будущего чемпиона мира.

<...>

Новая победа

Дома Кереса встретили с восторгом.

<...>

"Rahva Hääle": "Густой снегопад заставляет жмуриться глаза, полные ожидания. Блеск оркестра и яркие краски флагов спортивных организаций несколько тускнеют в этом снегопаде, который погребает под собой весь город и ряды физкультурников на Балтийском вокзале. Но метель не нарушает праздничного настроения. Сердечные приветствия, жужжание кинокамер, звуки марша... сегодня чествуют Пауля Кереса, который завоевал почетнейший титул в напряженном (но оттого еще более спортивном) поединке с лучшими шахматистами Советского Союза".

<...>

Кульминацией шахматной фиесты стало лето 1947 года.

Керес: "После чемпионата я начал организовывать в Пярну тренировочный турнир. Работы было много, но в конце концов турнир состоялся".

Действительно, из-за турнира был отложен ремонт электрوليнии, проходящей через город-курорт. В трудное время карточной системы в один магазин завезли папиросы хорошего качества, специально для мастеров, чем воспользовались и узнавшие об этом местные жители.

В родной город чемпиона прибыла почти вся шахматная элита Советского Союза. "Почти" - относилось к Ботвиннику. На открытии от гостей выступил старейший гроссмейстер страны Григорий Левенфиш, который сказал, что забота о шахматах является одним из признаков культуры, а в Эстонии, как видно, о шахматах заботятся. На турнир были допущены и два юных эстонца - Рауль Рандвийр и Юри Ребане.

Керес и Смыслов встретились уже во втором туре. На этот раз инициативу перехватил игравший черными Смыслов. Партия двух претендентов на шахматную корону стала типичным примером современных шахмат: нарушенное динамическое равновесие, взаимные стратегические и тактические угрозы, неизбежные при этом неточности, возникающие из-за большого напряжения и, разумеется, цейтнот. В цейтноте Керес оказался буквально на краю пропасти, но Смыслов свернул с правильного пути. И все же отложенную позицию специалисты считали безнадежной для Кереса.

Обе стороны углубились в анализ. По крайней мере, в лагере Кереса на это ушла почти вся ночь. Анализировать кончили в четыре утра. При доигрывании находчивость защищающегося казалась фантастической. Ничья!

Керес сделал еще одну ничью (традиционную) с Флором, а затем последовало несколько выигрышей подряд. После девяти туров у него было 8 очков, у Котова - 6,5. В десятом туре Керес пережил единственный кризисный момент: очень пассивно играл с Бронштейном и проиграл. После партии Керес был спокоен и не подавал виду, что огорчен поражением, но во время партии его уши буквально пылали. В то время молодой московский мастер был единственным шахматистом мира, у которого был активный счет как против Ботвинника, так и против Кереса; правда, он сыграл с ними всего четыре партии.

В трех последних турах Керес ограничивался ничьими, но тем не менее лидерства не уступил. Хотя в Пярну был всего лишь тренировочный турнир, и там игра Кереса не отличалась такой твердостью, как прежде, тем не менее, очеред-

ное первое место Кереса среди сильнейших шахматистов страны выглядело внушительно. Если соревнования в Советском Союзе с 1939 по 1941 годы принесли Кересу разочарование, то летом 1947 года можно было прийти к выводу, что он научился играть и с советскими мастерами. Теперь Керес казался еще более убедительным кандидатом в чемпионы мира, чем восемь-девять лет назад.

С окончанием пярнуского турнира совпала большая новость. На XVII конгрессе ФИДЕ (Гаага, 30 июля - 3 августа 1947), в работе которого впервые участвовали делегаты от Советского Союза, были завершены долгие споры.

Вице-президент ФИДЕ француз Марсель Берман пишет:

“Начало было неуверенным. Словно в опере, где дирижер уже поднял палочку, а тенор отсутствует. Что делать? Дирижер, президент, д-р Рюэб поднял все же палочку, а остальные артисты, представители семнадцати наций, начали ту сцену, в которой присутствие тенора необязательно”.

Советская делегация из-за разных технических трудностей прибыла в Гаагу только 2 августа, так что обсуждение главного вопроса уже было в разгаре. Было выдвинуто пять альтернативных предложений для выявления чемпиона. Во-первых, устроить турнир, как было предложено на конгрессе в Винтертуре, а если надо, дополнительно допустить к участию тех, кто за истекшее время достиг успехов. Во-вторых и в-третьих, устроить ряд матчей (различие заключалось в их числе). В-четвертых, поскольку ФИДЕ уже выработала систему предварительных соревнований, и первый цикл этой системы уже реализован, объявить чемпионом победителя турнира кандидатов 1949 года, а занявшему на этом турнире второе место предоставить право в 1954 году сыграть матч с объявленным чемпионом мира. В-пятых, чемпиона определять путем голосования.

Президент д-р Рюэб, стараясь быть беспристрастным, защищал четвертое предложение. За пятое особенно ратовала делегация Голландии: Эйве надо снова возвести на престол! У голландцев нашлись единомышленники. Но большинство все же склонялось к первой альтернативе, но не могло окончательно решиться: ведь это решение имело принципиальное значение для будущей деятельности ФИДЕ, а кроме того, еще не было известно мнение представителей Советского Союза. На одном из очередных заседаний голландцы предложили: пусть сначала состоится поединок Эйве с Решевским, а победитель встретится с Ботвинником. Спорили страстно - ощущалась историчность момента. Обращались к отклоненным проектам с тем, чтобы снова их отвергнуть.

Шахматный руководитель голландцев Циттерстайн приво-
дил и другие объяснения:

“Русские, которые дали знать, что хотят стать членами ФИДЕ, не явились к началу конгресса. Когда же они и на сле-
дующий день не объявились, было принято решение первоначаль-
но объявить чемпионом д-ра Эйве с обязательством сыг-
рать несколько матчей в течение определенного времени”.

Возникла также идея разыграть первенство мира в матче
между четырьмя гроссмейстерами (Ботвинник, Эйве, Керес
и Решевский) по схеме: полуфинал - финал. Наконец, в ре-
зультате усилий советской стороны осталось в силе решение,
принятое в Винтертуре: преемник Алехина определится в че-
тырехкруговом турнире между шестью участниками (Бот-
винник, Эйве, Файн, Керес, Решевский, Смыслов). Послед-
нее осложнение возникло по поводу места проведения тур-
нира. Голландцы предлагали Нидерланды, советская шахмат-
ная организаци - Москву. Решение было поистине “соломо-
новым”: половину - в Гааге, половину - в Москве. Откажет-
ся кто-нибудь из предполагаемых участников или нет - не
имеет значения: первый тур - в Голландии, 1 марта 1948 го-
да. Казалось, что на этом анархия в шахматном государстве
прекратилась.

Д-р Ханнак: “Реакцией на решения гаагского конгресса
был общий вздох облегчения и чувство большого удовлетво-
рения”.

В бюллетене пярнуского турнира Флор отмечал: “Думаю,
что конкуренты в борьбе за первое место - Ботвинник и Ке-
рес”.

Как на эти события реагировал Керес?

Поскольку точные данные отсутствуют, откажемся от
предположений. После турнира в Пярну он через несколько
лет опять побывал в Англии, где состоялся матч сборных
СССР и Великобритании. Советские шахматисты выиграли с
общим счетом 15:5. Керес на первой доске выиграл у Алек-
сандера - 1,5:0,5.

В конце года в Москве должен был проходить большой
международный турнир памяти М. Чигорина. В нем, нако-
нец, обещал принять участие и Ботвинник. Ребане воспомина-
ет, что он советовал Кересу отказаться от участия в турни-
ре, но Керес не внял его совету: “Нет, я буду участвовать.
Я сейчас одно очко проигрываю Ботвиннику. До чемпионата
мира нужно взять реванш”.

Это, наверное, лучше всего свидетельствует о том, о чем
думал и на что рассчитывал Керес в столь удачное для него
лето.

Время стучало в дверь...

ГАРРИ КАСПАРОВ

• ДРУГ
ПАУЛЬ •

Итак, АВРО-турнир показал, что стратегическое мастерство Ботвинника было уже на уровне величайших гениев старой гвардии. Однако 1-е место досталось другой восходящей звезде — молодому эстонскому гроссмейстеру Паулю Кересу, который опередил Файна по коэффициенту, к тому же победив его в личной встрече.

Этот успех Пауля Петровича Кереса (1916—1975) оказался самым ярким в его карьере: три победы, 11 ничьих, без единого поражения и практически без сомнительных позиций — результат, бесспорно, выдающийся. Пресса сполна оценила комбинационный талант Кереса, окрестив его «северным шахматным чудом» и «новым Морфи».

Его убедительная победа над Капабланкой, наряду с победами Файна над Алехиным и приведенными выше шедеврами Ботвинника, знаменовала приход в шахматы нового поколения. Прежде кубинца так не обыгрывали!

№ 186. Французская защита C09
КЕРЕС — КАПАБЛАНКА
АВРО-турнир 1938, 6-й тур

1.e4 e6. Интересно, что в этом турнире Капабланка применял только французскую, не решаясь делать любимый ход своей молодости — 1...e5. Хотя, наверное, это был практически лучший выбор: чуть позже Капабланка дважды играл 1...e5 против Кереса

(Буэнос-Айрес(ол) и Маргит 1939) и добивался ничьей в испанской партии.

2.d4 d5 3.♟d2. Гибкий план Тарраша, позднее развитый Геллером и Карповым, а в то время малоизученный. Нимцович предпочитал 3.e5 (№ 92). Основным же был и остался ход 3.♟c3, например: 3...♞b4 4.e5 c5 5.♟d2 (5.a3!) 5...cd? (5...♞e7! — № 136) 6.♞b5 ♟:d2+ 7.♞:d2 ♞c6 8.♟f3 (8.f4!?) 8...f6 9.♞f4 ♞h6 10.♞d6+ ♜f8 11.♞b5, и черные с трудом вымучили ничью (Файн — Капабланка, 3-й тур).

3...c5. В 9-м туре Алехин обыграл Капабланку после 3...♞f6 4.e5 ♞fd7 5.♟d3 c5 6.c3 ♞c6 7.♞e2 ♞b6 8.♟f3 (№ 147).

4.ed ed (до системы с 4...♞:d5 тогда еще не додумались) **5.♞gf3 ♞c6 6.♞b5 ♞e7+?!** Редкий ход, введенный в практику в партии Панов — Бондаревский (СССР(ч) 1937).

«Этот шах равнозначен предложению ничьей: 7.♞e2 ♞:e2+ и т.д., но белые в этот день были настроены агрессивно. Лучше 6...♟d6 7.0-0 ♞ge7» (Керес). После 8.dc ♟:c5 9.♞b3 ♟d6! (при 9...♞b6 10.♞e1! и ♟e3 у черных нет компенсации за слабость «изолятора»); менее ясен план Ботвинника 10.♟e3 ♟:e3 11.♟:c6+ bc 12.fe) 10.♞e1 0-0 11.♟g5 возникает главная табия варианта. Упомяну, к примеру, партии Карпов — Корчной (Москва(м/18) 1974) и Каспаров — Бареев (Кубок мира(бш),

---

Как написано в аннотации, трехтомник Гарри Каспарова «Мои великие предшественники» (М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003) не имеет аналогов. 13-й чемпион мира размышляет о судьбах и творчестве двенадцати предыдущих чемпионов и их соперников, исследуя знаменитые партии заново — «под микроскопом мощных компьютерных программ». С разрешения автора мы и публикуем эти наглядные размышления из главы «Друг Пауль», как назвал Кереса «Михаил шестой», чемпион мира М.М. Ботвинник.

Канн 2001). Позиция черных несколько хуже, но ничего особенного у белых нет.

7. ♖e2! cd. Логичнее продолжение Бондаревского 7... ♗c7 8. 0-0 ♘f6 – позже Бронштейн и Корчной добивались таким путем ничьих. Пробовали и 7...c4 8.0-0 с дальнейшим b2-b3, а в 90-е годы появился отчаянный ход 7...g5!?

8.0-0 ♗c7. Вряд ли удачнее 8... ♗d8 9. ♘b3 ♕d6 10. ♘b:d4 ♘ge7 (Геллер – Спасский, Сухуми(м/7) 1968). У белых просто бесплатный перевес – более выгодная редакция обычных «французских» позиций с изолированной пешкой d5 (слон на e2 парирует возможную связку коня после ♕g4). Здесь хорошо как 11. ♕g5 или 11. ♖e1 (Геллер), так и 11.b3 0-0 12. ♕b2 ♘g6 13.c4 (Таль).

9. ♘b3 ♕d6?! Капабланка играет совсем по-простецки. Необходимо 9... ♘f6 10. ♘b:d4 a6 (10... ♕e7!? Петросян) 11. ♖e1 ♕e7 с чуть худшим, но довольно крепким положением, например: 12. ♕g5 0-0 13. ♕d3 h6 14. ♕h4 ♕g4 15. h3 ♕:f3 16. ♘:f3 ♖fe8 17. c3 ♖ad8 18. ♖e3 1/2 (Перегудов – Балашов, Томск 1997).

10. ♘b:d4 a6 11.b3. «Заслуживало внимания 11.c4!, чтобы после 11...dc 12. ♕:c4 вскрыть позицию и увеличить значение преимуществ белых в развитии» (Керес). Плохо и 11... ♘f6? 12. ♕g5! ♘e4 13.cd ♘:d4 14. ♗:d4 ♘:g5 15. ♗:g7! ♘:f3+ 16. ♕:f3 ♖f8 17. ♖ac1! ♕:h2+ 18. ♕h1 ♗d6 19.g3 ♕:g3 20. fg ♕f5 21. ♖fe1+ с эффектным раз-

громом (Таль – А.Зайцев, СССР (ч) 1969), поэтому черные вынуждены идти на 11... ♘ge7 12.cd ♘:d5 13. ♘:c6 (13. ♕c4!?) 13...bc.

11... ♘ge7 12. ♕b2 (12. ♘:c6!? bc 13. ♕b2) **12...0-0.** «На 12... ♘e5 сохраняет лучшую игру 13. ♗d2 0-0 14. ♘:e5 ♕:e5 15.f4 ♕d6 16. ♕d3» (Керес). И так, хотя после 11.b3 наступление белых развивается медленнее, дела черных все равно плачевны.

13. ♘:c6! Думаю, этот размен был для Капабланки неожиданным, да и вообще манера игры соперника была для него не очень понятной и не очень приятной, а дебютная схема – непривычной. Теперь взамен «изолятора» на d5 у черных образуются слабости на a6 и c6.

13...bc (13... ♘:c6? 14. ♗:d5) **14. c4! ♕e6?! Слишком** пассивно. Больше шансов на защиту оставило 14... ♖d8 (14... ♕g4? 15. ♗d4+–) 15.cd (15. ♗d4 ♘f5 16. ♗c3 d4=) 15... ♘:d5 (на 15...cd перспективно 16. ♕d3, но не 16. ♖e1 ♕f5 17. ♕d3 ♕e4!) 16. ♗d4 ♕f8 17. ♖fe1 ♘f4 18. ♗e4 ♘:e2+ 19. ♖e2 ♖d5.

15. ♖c2 dc. «Этот размен практически вынужден: наряду с 16. ♗c3 и 16. ♘g5 нужно считаться и с позиционной угрозой 16. c5 ♙f4 17. g3 ♙h6 18. ♙e5 с последующим ♘d4» (Керес). И впрямь, плохо 15...h6?! 16. c5 ♙f4 17. g3 или, скажем, 15...g4?! 16. cd ♙:f3 17. ♙:f3 ♙:h2+ 18. ♘h1 cd 19. ♗:c7 ♙:c7 20. ♙a3 ♗fe8 21. ♗ae1 и т.д.

Оборона оказалась куда более тяжелой, чем предполагал Капабланка, и «с горя» он придумал план с переводом ладьи на 5-й ряд. Однако после сдачи центра позиция черных с каждым ходом ухудшается: белые, имея более активные фигуры, дают не только на слабые пешки a6 и c6, но и на пункты f7 и g7.

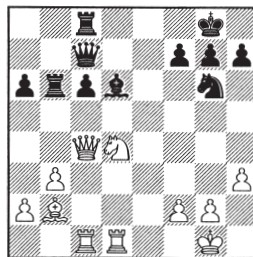
16. ♙:c4 ♙:c4 (или 16...♙d5 17. ♗c3 f6 18. ♗ac1 ♗b6 19. ♗c2 ♗ad8 20. ♗fe1 ♗fe8 21. ♘d4 и т.д.) **17. ♗:c4 ♗fb8 18. h3.** «Потеря времени дает черным возможность перегруппировать фигуры. Очень сильно было 18...f6, так как 18...g5? ведет после 19. g4! ♙b4 20. ♗e5 ♗:e5 21. ♙:e5 ♘d6 22. a3 ♙c5 23. b4 к материальным потерям. Неплохо и 18...f6, создавая различные тактические шансы, или 18. g3, отнимая у черных фигур поле f4» (Керес).

А на мой взгляд, большой разницы между всеми этими ходами нет — в частности, потому, что выпад ♙f4 не решает проблем черных.

18... ♗b5 (если 18...♘d5, то 19. ♗ac1 ♙f4 20. ♗c2 ♘b4 21. ♗e2 или 19. ♗ad1!?) **19. ♗ac1 ♗c8 20. ♗fd1**

♘g6. Черные открывают слону дорогу на f8, откуда тот будет защищать пункт g7. Не годилось 20...♙f4 21. ♗c2 ♘d5 22. ♘d4 ♗b6 23. ♘:c6! и т.д.

21. ♘d4! ♗b6. «Только теперь Капабланка, видимо, заметил, что 21...♗d5 не проходит из-за 22. ♘:c6! (22. ♗:a6 ♙e5! с прекрасной контригрой) 22...♗:d1+ 23. ♗:d1 ♗:c6 24. ♗:d6!, сохраняя при лучшей позиции лишнюю пешку. Ход в партии — единственный ответ, позволяющий избежать материальных потерь, однако теперь белые начинают опасную атаку на короля» (Керес).

22. ♘e6! Эффектный и, видимо, решающий удар. Нельзя 22...♙h2+ (22...fe? 23. ♗:e6+ и ♗:d6) 23. ♘h1 fe? (23... ♗b8 24. ♘c5!) 24. ♗:e6+ ♘h8 25. ♗d7+.

22... ♗b8! «Этот хороший защитительный ход Капабланка сделал почти без размышлений. Очевидно, он приготовил его заранее. Главная идея защиты — в варианте 23. ♘:g7 ♙e5!, и у белых трудности с конем g7. Поэтому они вынуждены играть 24. ♙:e5!,

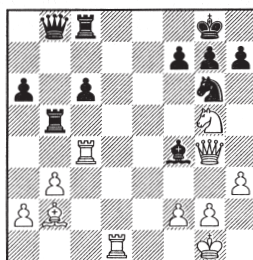
но возникающий при 24...♘:e5 (24...♞:e5 25.♞g4! — Г.К.) 25.♞c3 ♘:g7 26.f4 ♞b5 (не лучше 26...♞e8 27.♞e1 f6 28.fe ♞:e5 29.♞g3+ ♘f7 30.♞e5 ♞:e5 31.♞f2. — Г.К.) эндшпиль дает черным хорошие шансы на спасение» (Керес).

Однако, на мой взгляд, это не так: и в случае 27.♞e1 f6 28.fe ♞:e5 29.♞c4, и при 27.fe ♞:e5 28.♞d4 ♘g8 29.♞e1 ♞c5 30.♞g3+ ♘f8 31.♞f2 черные под сильной атакой и близки к поражению. Кстати, на 23.♘:g7!? еще хуже включение 23...♙h2+ 24.♙h1 ♙e5 ввиду 25.♙:e5 ♘:e5 26.♞c3 ♘:g7 27.f4 ♞e8 28.♞e1 f6 29.fe ♞:e5 30.♞g3+ ♘f7 31.♞:e5 ♞:e5 32.♞f2 ♞c7 33.♞c4+.

23.♘:g5?! Спорное решение — игра на атаку. Если уж Керес опасался расплескать свое преимущество, то можно было сделать позиционный ход 23.♘c5!?. После вынужденного 23...♙:c5 24.♞:c5 у белых подавляющий перевес.

23...♞b7 24.♞g4 ♙f4 (вот где сказывается, что белые не пошли g2-g3) **25.♞c4.** Неточно 25.♞c5 ♞e7 26.g3 ♙:g5 27.♞:g5 ♞ce8.

25...♞b5? Серьезная ошибка. Керес советовал «незавидное» 25...♙:g5 26.♞:g5, однако упорнее всего компьютерный ход 25...♞e7!, например: 26.♘:h7 ♙h2+ 27.♙h1 ♘:h7 28.g3 ♙:g3 29.fg ♞e3 30.♙d4 (неясно 30.♙g2 ♞ce8 31.♞f1 ♞d6) 30...♞:g3 31.♞h5+ ♘g8 32.♙f2 ♞e8 33.♙:g3 ♞:g3 с компенсацией, достаточной для ничьей, или 26.g3 ♙:g5 27.♞:g5 ♞b5 28.♞:b5 (28.♞c1 ♞e2; 28.♞g4 ♞ce8 29.h4 ♞e2 30.♙a1 h5) 28...ab 29.♞c2 — у белых лучше, но выигрыш проблематичен.

26.♘:f7. «В условиях обоюдного цейтнота белые «верят на слово» своему грозному сопернику и не анализируют до конца комбинацию с 26.♞:f4! ♞:g5 (безнадёжно 26...♘:f4 27.♘:f7 ♘g6 28.♘h6+ ♘h8 29.♞d7 или 26...h5 27.♞d7+—) 27.♞:g5 ♞:f4 (27...h6 28.♞f5 ♘:f4 29.♙c5 и т.д.) 28.♞d8+ ♞:d8 29.♞:d8+ ♘f8 30.♙a3 c5. На этом я закончил расчет, увидев, что 31.♙:c5 не проходит из-за 31...♞c1+, и не заметив 31.♞c8!+, после чего у черных уже нет защиты от ♙:c5» (Керес).

26...♞e8 (конечно, не 26...♘:f7 27.♞d7+ или 26...♞f8 27.♘d6) **27.g3.** Пожалуй, проще 27.♘d8!?. ♞:d8 28.♞:d8+ ♞:d8 29.♞:f4+.

27...♞c8? «Учитывая цейтнот, надо было использовать последний шанс — 27...♙:g3» (Керес). Но после 28.♞:g3 (возможно и 28.fg) 28...♞:g3+ 29.fg ♘:f7 30.♞f1+ ♘g8 31.♞:c6+— этот, бесспорно, лучший шанс оказывался иллюзией.

28.♞:f4 («то же самое», только с двумя лишними пешками; альтернатива — 28.♞d7) **28...♞:g4 29.♞:g4 ♘:f7 30.♞d7+ ♞e7 31.♞:e7+ ♘:e7.** «Чтобы спасти та-

кую позицию, недостаточно даже искусства Капабланки» (Керес).

32.♙:g7 ♖a5 33.a4 ♜c5 34. ♜b4 ♙e6 35.♙g2 h5 36.♜c4 ♜:c4 37.bc ♜d6 38.f4. Черные сдались. Прекрасная победа!

В следующем, 7-м туре Керес обыграл черными лидера — Файна, который к тому моменту имел 4,5 из 5 при одной отложенной (и позже выигранной) партии с Алехиным. Многие годы спустя Пауль Петрович назвал партию с Файном важнейшей на своем шахматном пути. И действительно, потом Керес закончил вничью все семь партий второго круга, тем не менее этого оказалось достаточно, чтобы стать победителем АВРО-турнира!

Хотя оставшийся третьим Ботвинник сделал серьезную заявку своими ошеломляющими победами над Алехиным и Капабланкой, игра Кереса тоже произвела на всех очень большое впечатление. «Права Пауля играть матч с чемпионом мира Алехиным стали очевидными, — признал почти через 40 лет Михаил Моисеевич. — Капабланка (мечтавший, чтобы кто-нибудь победил его шахматного недруга Александра Алехина) отвел после турнира Кереса в сторонку и убеждал его не играть матч в Южной Америке — там-де у Алехина много друзей...»

Увы, ни Кересу, ни Ботвиннику, преуспевавшему в переговорах, так и не довелось сыграть матч с Алехиным. Но конкуренция между ними была еще дол-

гие годы жесточайшая. Без нее Ботвинник, по его собственному признанию, не сумел бы так далеко продвинуться в области шахмат... А Кересу, как предрек еще в 38-м году Тартаковер, пришлось довольствоваться скромной ролью «блестящего второго» (наподобие Мак-Доннелля, Цукерторга, Чигорина, Тарраша или Пильсбери).

Драматичный поворот в их взаимоотношениях произошел летом 1940 года, когда Эстонию насильственно присоединили к Советскому Союзу. Уже в сентябре Керес, пережив и закрытие журнала «Ээсти Мале», редактором которого он был (1936–40), и «национализацию» личного счета в банке, где хранились его призы за победы в турнирах, приехал в Москву как участник 12-го чемпионата СССР. У турнира возникла новая интрига: кто сильнее — Керес или Ботвинник?! Или же, выражаясь словами последнего, «кто теперь, при изменившихся обстоятельствах, должен представлять Советский Союз в борьбе за первенство мира с Александром Алехиным?»

Чемпионат не дал ответа на этот вопрос — главные претенденты сыграли между собой вничью, а в целом разочаровали: 1–2. Бондаревский и Лилиенталь — по 13,5 из 19; 3. Смыслов — 13; 4. Керес — 12; 5–6. Болеславский и Ботвинник — по 11,5. Правда, партия Керес — Петров, эффектно выигранная белыми в королевском гамбите, была удостоена приза за красоту.

позиции. А по итогам всего соревнования завоевал седьмую — абсолютный рекорд! — золотую медаль чемпиона крупнейшей шахматной державы мира.

Но дальше, уже после смерти Сталина, творились поистине чудеса: Керес «испортил» Ботвиннику два прекрасных турнира! Сначала обыграл его в последнем туре 22-го чемпионата СССР (Москва 1955), и чемпион отстал на пол-очка от Геллера и Смылова. Затем разгромил на финише мемориала Алехина (Москва 1956), и Ботвинника, лидировавшего с отрывом в очко (11 из 14!), настиг Смыслов.

«Со временем Пауль ко мне «привык». Выиграв партию, он не мог скрыть радости и говорил: «Улучшаем счет!»» — вспоминал Михаил Моисеевич...

№ 192. Сицилианская защита В63
КЕРЕС — БОТВИННИК
Турнир памяти Алехина,
Москва 1956

1.e4 c5 2.♘f3 ♘c6 3.d4 cd 4. ♘:d4 ♘f6 5. ♘c3 d6 6. ♘g5. Атака Раузера — редкий гость в творчестве чемпионов мира, если не считать Крамника. Вспоминается разве что матч Фишер — Спаский (Рейкьявик(м/18, 20) 1972).

6...e6 7. ♖d2 h6. «Один из любимых вариантов Ботвинника в сицилианской защите. Однако сильная оборонительная позиция черных при двух слонах носит все же пассивный характер и энергичной игрой белые могут добиться лучших перспектив.

Целесообразность выбора такой сложной системы вызывает некоторые сомнения: партия игралась в последнем туре, и моему противнику достаточно было сделать ничью, чтобы завоевать 1-й приз» (Керес).

Этот вариант, подготовленный еще к матчу с Бронштейном (1951), и впрямь не самая лучшая из идей Ботвинника: два слона не вполне искупают дефекты пешечной структуры, к тому же черные получают типовую позицию с потерей темпа на ход h7-h6. Ныне главные линии — 7...a6 8.0-0-0 h6 (или 8...♗d7) и 7...♗e7 8.0-0-0 0-0 9.f4 ♘:d4 10. ♖:d4 ♖a5.

8. ♗:f6 (8. ♗e3?! ♘g4!) 8...gf (при 8... ♖:f6? 9. ♘db5 ♖d8 10. 0-0-0 теряется пешка) **9.0-0-0.** Миниплюс обещает 9. ♗d1!? a6 10. ♗e2 h5 11.0-0 ♗d7 (Ларсен — Ботвинник, Москва(ол) 1956) 12. ♘b3! ♖c7 13. ♗h1 0-0-0 14.f4.

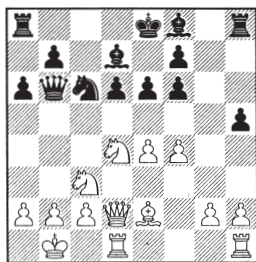
9...a6 10.f4 h5. На 10...♗d7 11. ♗e2 ♖b6?! неприятно 12. ♗h5! ♘:d4 13. ♖:d4 ♖:d4 14. ♗:d4 ♗g8 15.g3 с сильным нажимом (Бондаревский — Ботвинник, СССР(ч) 1951). Как выяснилось, размен ферзей в таких построениях не всегда гарантирует уравнение.

11. ♘b1 ♗d7 12. ♗e2. Хуже 12. ♗c4, что доказала методически ценная партия Суэтин — Ботвинник (СССР(ч) 1952): 12... ♖b6 13. ♗hf1 ♖:d4 14. ♖:d4 ♘:d4 15. ♗:d4 ♗c8 16. ♗b3?! ♗g8 17. ♗d2 h4! 18.f5 ♗e7 19. ♗df2 ♗h6! 20.fe fe 21. ♗:f6 ♗cf8 22. ♗:f8 ♗:f8! 23. ♗f2 ♗h6 24. ♗c4 ♗e3 25. ♗e2 ♗g1 с превосходной игрой за пешку.

12...♖b6. Михаил Моисеевич пробовал и 12...♗c7, например: 13.♞hf1 (13.♘b3!?) 13...♙e7 (при 13...0-0-0 надо считаться с 14.♘b3 ♘b8 15.♞f3 ♙e7 16.♞h3) 14.♞f3 ♘:d4 15.♗:d4 ♗c5 16.♗d2 ♙c6 17.♞e3 ♗a5 (17...0-0-0? 18.♘d5!; 17...h4!?) 18.a3! (сильно и 18.f5!, но не 18.♙f3 0-0-0= Бронштейн – Ботвинник, Москва(м/6) 1951) 18...♞d8 (18...0-0-0? 19.b4! и ♘d5!) 19.♙c4 с бесплатным перевесом (Либерзон – Ботвинник, Москва 1967).

Кстати, позиция после 12...♗c7 может возникнуть и из варианта Найдорфа, но с лишним темпом у черных – 1.e4 c5 2.♘f3 d6 3.d4 cd 4.♘:d4 ♘f6 5.♘c3 a6 6.♙g5 e6 7.f4 ♗c7 8.♙:f6 gf 9.♙e2 ♘c6 10.♗d2 ♙d7 11.0-0-0 h5 12.♘b1, и путем 12...♙e7 они борются за полноправную игру, например: 13.♙f3 ♘:d4 14.♗:d4 0-0-0 15.f5 ♘b8 16.♗d2 h4 17.♘e2 ♙c8 18.fe (18.♘f4 d5! 19.ed ♙d6) 18...fe 19.♘f4 ♞hg8 (Тимман – Каспаров, Никшич 1983).

С помощью 12...♗b6 черные собираются разменять коней и ферзей, рассчитывая получить благоприятный эндшпиль.

13.♘b3! «Правильный план» (Ботвинник). Для того времени это была свежая идея – взять да и увести коня из центра! Оказывается, стесненная позиция черных довольно неприятна: им не так-то просто маневрировать.

Ботвинник, конечно же, ориентировался на 13.h4 ♗:d4 14.♗:d4 ♘:d4 15.♞:d4 ♞c8! (пассивнее 15...0-0-0 16.♙f3 ♙e7 17.♘e2 Керес – Р.Бирн, матч СССР – США 1955) или 13.♞hf1 ♗:d4 14.♗:d4 ♘:d4 15.♞:d4 h4! 16.f5 ♞c8 17.♞d3 ♞c5! 18.fe fe 19.♞:f6 ♞g5 20.♞f2 (20.♙f3? ♙g7 21.♞f4 ♙e5 22.♞g4 ♞:g4 23.♙:g4 ♙:h2) 20...♞hg8 21.♙f3 ♙e7 22.h3 ♞f8 23.♞fd2 ♙c6 24.♘d1 ♘d7 25.b3 b5 с отличной компенсацией за пешку (Керес – Петросян, Амстердам(тп) 1956).

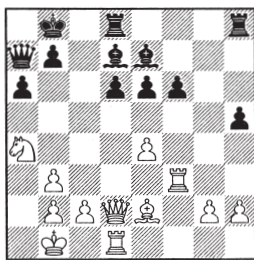
13...0-0-0 14.♞hf1 ♘a5?! «Черные хотят разменами избежать прямой атаки на короля. Все же этот ход несколько преждевременен и является причиной затруднений. Следовало спокойно играть 14...♘b8, на что белые ответили бы 15.♞f3, угрожая попутно и пешке “h”» (Керес).

15.♞f3! Маневр, ставший классическим: ладья входит в бой через 3-й ряд, создавая угрозы на обоих флангах. «Очень сильно было и 15.♘:a5 ♗:a5 16.♞f3! ♘b8 17.♗d4 ♙e7 18.b4 ♗c7 19.♘d5! ed 20.♞c3 ♙c6 21.ed и т.д.» (Керес).

15...♘:b3 16.ab ♘b8 17.♘a4! Еще один сильный ход, который явно не понравился Ботвиннику: несмотря на все ухищрения черных, угрожает атака на короля.

17...♖a7. Плохо 17...♙:a4?! 18.ba, например: 18...♗a7 19.♞b3! (но не рекомендуемое рядом аналитиков 19.f5?! из-за 19...d5! с контригрой) 19...♞c5 20.♞b5! (красивый нюанс, не замеченный общественностью) 20...♞c6 21.♞d4+ ♗a8 22.♞:h5 или 18...♞c8 19.♞b3 ♞c6 20.a5 с очевидным перевесом. «А на 17...♞c7 возможно 18.♞d4 ♙e7 19.♞c3 ♙c6 20.♙b6 с неприятной угрозой ♘d5» (Керес).

18.f5! ♙e7 (это удивительным образом теряет пешку, но и при 18...ef 19.ef ♙c6 20.♞h3 или 20.♞g3 у белых явный перевес) **19.fe fe.**

20.♞:f6! ♞h7. Разумеется, не 20...♙:f6? 21.♞:d6+ ♗a8 22.♙b6+ или 20...♙:a4? 21.♞:e6 ♙:b3 22.♞:e7. Проигрывало, хотя не столь очевидно, и 20...b5 ввиду 21.♞f7! ♙e8 (21...ba? 22.♞:e7) 22.♞g7!! (жестче, чем 22.♞:e7 ♞:e7 23.♘c5) 22...ba 23.♞b4+ ♗a8 (23...♗c8 24.♞:e7! ♞:e7 25.♙:a6+ ♗d7 26.♞b7#) 24.e5! Очень красиво! Угрожает ♙f3+. По Кересу, «у черных нет удовлетворительной защиты», и я с этим согласен — 24...ab (24...♙c6?! 25.ed+—) 25.ed ♞:d6 и далее:

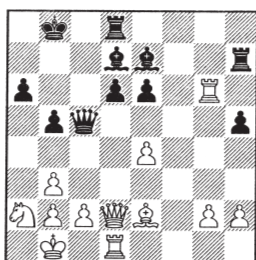
1) 26.♞:b3!? (забавный компьютерный ход) 26...♞:d1+ 27.♙:d1 ♙b5 28.♞:e6 ♞e8 29.♙f3+ ♗b8 30.♞e5+ ♞c7 (игра чисто машинная; если 30...♗c8, то 31.♙:h5+—) 31.♞e4 ♞d7 32.♙:h5 ♙f6 33.♞f4+ ♙e5 34.♞:d7 ♙:f4 35.♙:e8 ♙:d7 36.♙:d7 ♙:h2 37.b4 с выигранным эндшпилем;

2) 26.♞:d6 (человеческий ход, тоже достаточно хороший) 26...bc+ (26...♞g1+ 27.♙:d1) 27.♙:c2 ♞c7+ 28.♙b3 ♞:d6 29.♞:e7 ♞:b4+ 30.♙:b4 ♙c6 31.g3! (при 31.♞:e6 ♙:g2 32.♞:a6+ ♗b7 33.♞g6 мало-мало материала) 31...♙d5 32.♗a5! (иначе у черных есть шансы на ничью; при случае им светит спасительный ладейник) 32...h4 33.♙:a6 hg 34.hg ♗b8 35.♙b6 ♙c8 36.♙b5 также с выигрышем.

Эти варианты показывают, насколько великолепно комбинация Пауля Петровича с ударом на f6. Увы, Ботвинник уклонился от острого ответа 20...b5. «Черные просто примирились с потерей пешки, надеясь использовать своих слонов для контригры. Однако эти надежды иллюзорны» (Керес).

21.♞g6! b5?! Заключительная ошибка: вызволяя из заточения ферзя, черные оголяют короля. В случае 21...♞f2 22.♞f1 ♞h4 23.♙b6 ♞:h2 24.♙:d7+ ♞:d7 25.♙c4 d5 26.ed ed 27.♞g8+ ♙d8 28.♙:d5 у них тоже плохая позиция, но еще можно было как-то держаться.

22.♙c3 ♞c5 23.♙a2! Безусловно, этот маневр Ботвинник недооценил. Угрожает ♞a5 и ♙b4 с сильной атакой при лишнем материале.

23...♙a7 24.♜b4 ♝f8 25.♜f3 h4 26.h3 (можно и сразу 26.♜d3, но спешить некуда) **26...♜c8** (не проходит 26...♜e8? 27.♝:e6 ♜d7 28.♞g6 ♜e8 ввиду 29.♜d3 и ♞h6) **27.♜d3 ♝c7**. «На 27...♝d4 неприятно 28.♝e1» (Керес). Или 28. c3 ♝b6 29.e5!

28.♜f4 ♝f6 (28...♜f6? 29.♝:f6! и ♝d4+) **29.♜g4!** Нет никакого резона переходить путем 29.♝:f6 ♜:f6 30.♝:d6 ♝:d6 31.♝:d6 ♜e5 32.♞d8 ♜:f4 33.♝:c8 ♞d7 34.♞h8 ♜g3 35.e5 в выигранный разноцвет, потому что сейчас позиция черных попросту разваливается.

29...♝:g6 (или 29...♞hf7 30.♜:e6! ♜:e6 31.♜:e6 ♝:g6 32.♜:f7) **30.♜:g6** (с угрозой 31.♜:e7 и ♝:d6) **30...♜b7**. «В цейтноте черные, вероятно, просмотрели, что пешка e4 косвенно защищена» (Керес).

31.♜:e6 ♜d8 32.♜d5 ♜:d5 33.♝:d5 ♝f7 34.e5. Черные сдались. Неплохой реванш за прошлые обиды!

Кересу было уже за сорок, однако он не оставил надежду сыграть матч за мировую корону. Тем более что как второй призер Ам-

стердама-1956 (вслед за Смысловым) имел право без отбора участвовать в очередном турнире претендентов. В минувшем цикле такого не было: Кереса, Бронштейна и Решевского, разделивших 2–4-е места в Цюрихе-1953, вынудили начинать с межзонального (Гётеборг-1955: 1. Бронштейн; 2. Керес; Решевский от участия отказался).

Турнир претендентов 1959 года проходил в трех городах тогдашней Югославии — Бледе, Загребе и Белграде. ФИДЕ придумала для шахматной элиты жестокое испытание: четырехкруговой марафон восьми гроссмейстеров! Таких, как Смыслов, Керес, Таль, Петросян, Фишер, Глигорич... Многие прочили победу «свежему» экс-чемпиону мира Смыслову, но дело свелось к захватывающей дуэли между «старейшиной», 43-летним Кересом, и новой яркой звездой, 23-летним Михаилом Талем.

После двух кругов лидировал Керес, причем он дважды (!) обыграл Талья. Затем турнир переехал в Загреб. «Борьба была на редкость напряженной, требовала максимальной энергии, — вспоминал Пауль Петрович. — Мне как самому старшему участнику приходилось труднее всех. Особенно трудными оказались первые три тура в Загребе, когда я набрал лишь пол-очка». Именно в этот миг Керес проиграл белому Талю, возможно, решающую партию турнира...

Перед четвертым, белградским кругом положение лидеров было

таким: Таль – 15,5 из 21, Керес – 14, Петросян и Смыслов – по 11,5. И тут роковую роль невольно сыграл Смыслов: в двух «черных» партиях подряд, против Таля и Кереса, он успешно применил «схевенинген», но в первой из них грубо ошибся в выигранной позиции, а вторую четко довел до победы. Отрыв Таля увеличился еще на очко.

До финиша оставалось всего пять туров, но Керес и не думал сдаваться! Посмотрите, как он, несмотря на все турнирные передряги, одолел в 24-м туре лидера.

№ 193. Ферзевый гамбит D34

ТАЛЬ – КЕРЕС

*Турнир претендентов,
Югославия 1959*

1.♟f3 d5 2.d4 c5 3.c4 e6 4.cd ed 5.g3 ♘c6 6.♙g2 ♚f6 7.0-0 ♙e7 8.♚c3 0-0 9.♙g5 ♙e6. Позже основным стало продолжение 9...cd 10.♚:d4 h6, обкатанное в матче Петросян – Спасский (Москва 1969).

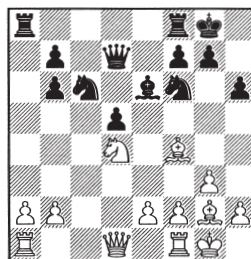
10.dc ♙:c5 11.♚a4. Новый план, вместо обычного 11.♞c1 ♙b6 (Рубинштейн – Ласкер, Берлин 1918), 11.♚e1 d4 (Рубинштейн – Тарраш, Карлсбад 1923) и форсированного 11.♙:f6! ♞:f6 12.♚:d5 ♞:b2 13.♚c7 ♞ad8 14.♞c1 ♞:c1 15.♞a:c1 и ♚:e6 (Рубинштейн – Шлехтер, Вена 1908; Петросян – Спасский, Москва(м/16) 1969) – именно из-за этого малорадостного эндшпиля черные перешли на 9...cd.

11...♙b6!? «При 11...♙e7 белые могли создать путем 12.♙e3

сильное давление на важное поле c5 и обеспечить себе длительную инициативу без всякого риска» (Керес). Однако в партии Геллер – Спасский (Рига(м/7) 1965) после 12...♙g4 13.♞c1 ♞e8 14.♚c5 ♙:c5 15.♙:c5 ♚e4 16.♙e3 ♞d7 черные удержали равновесие. Безобидно и 12.♚d4 ♚:d4 13.♞:d4 ♞a5 14.♞fc1 ♞fc8 или 14.♚c3 ♞ac8!

12.♚:b6 ab 13.♚d4. «После партии Таля критиковали за этот ход и предлагали предупредить d5-d4 посредством 13.♙e3. Черные могли ответить 13...♞ab (и ♞d7), 13...♙f5 или 13...♞e8. Я не уверен, что белые стоят лучше» (Керес). Хотя при 13...♞e8 14.♞e1 ♞a6 15.♙d4 ♚e4 16.b3 b5 17.a3 их шансы чуточку выше (Геллер – Сарапу, Сус(мз) 1967).

13...h6 14.♙f4 (14.♙e3 ♚g4!?) **14...♞d7.** С позиционной угрозой ♙h3: размен белопольных слонов явно выгоден черным.

15.a3? Первопричина дальнейших бед. Видимо, Таль несколько расслабился, решив, что 1-е место уже у него в кармане... У белых был выбор между 15.♞e1

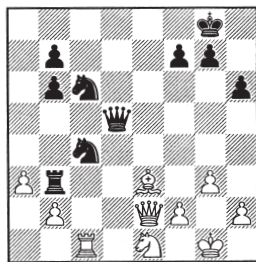
♔h3 16.♔h1 и, по Кересу, 15.♗:e6 fe 16.♖b3 «с некоторыми шансами добиться преимущества».

15...♔h3! 16.♖d3 ♜fe8 17. ♜fe1 ♔:g2 18.♔:g2 ♜e4! «Фигуры черных стоят теперь очень активно. Размен на c6 вряд ли приемлем, и белые вынуждены уступить важное поле d4» (Керес).

Дальнейшую борьбу черные также ведут очень хорошо, методично наращивая свой перевес.

19.♗f3 ♜ae8 20.♔d2 d4! (угрожая ♖e6) **21.e3** (21.♖b5!? Керес) **21...♖d5** (а теперь грозит 22...de с выигрышем пешки) **22.ed ♜:d4!** «Красивым ходом 22...♗e5 черные ничего не достигали из-за 23.♖c3!» (Керес). И впрямь, после 23...♗c4 24.♔g1 b5 у них совсем не то, что в партии.

23.♜:e8+ ♗e8 24.♖e2 ♗d6 25.♔e3 ♜d3 26.♔g1 (конечно, не 26.♔:b6? ♗c4) **26...♗c4 27. ♗e1 ♜b3 28.♜c1.** «Фигуры черных овладели всей доской, и белые уже вынуждены нести материальные потери. Не проходило 28.♔c1? из-за 28...♗d4, а ход 28. ♜d1 прогонял ферзя на лучшее место — 28...♖e4» (Керес).

28...♗:e3! (сильнее, чем 28...♗:b2 29.♜b1) **29.fe ♖e5.** «Можно предположить, что позиция белых должна быстро рухнуть, однако Таль искусно создает контригру» (Керес).

30.♗g2 (30.♗d3? ♖e4) **30... ♜:b2 31.♖d3 ♖e6.** Цейтнот! В выигранном положении черные упускают случай стреножить белого коня ходом 31...g5!, после чего их победа становилась делом несложной техники.

32.♗f4 ♜b3. Похоже, быстрее выигрывало 32...♖a2!? Но... «В цейтноте черные совершенно правильно не идут на ненужные осложнения: после 33.♖e4 ♜:h2 34. ♜f1 фигуры белых стояли бы очень активно, что вряд ли компенсировалось выигрышем пешки h2» (Керес). А по-моему, после 34...♜d2 дни белых сочтены: 35.♖e8+ (35.a4 ♜d8, затем ♜a8 и ♜:a4) 35...♔h7 36.♖e4+ g6 37.♗h5 f5 и т.д. Приведу еще один «активный» вариант: 33.♖d7 ♜:h2 34.♖c8+ ♔h7 35.♜f1 ♜c2 36.♖f5+ g6 37.♖d7 ♗e5 38.♖:b7 ♗g4 39.♗d3 ♜c7!—.

Понимаю Пауля Петровича: он боялся растерять свой перевес...

33.♜c3. Не в духе Таля были бы поиски спасения в ладейном эндшпиле после 33.♗:e6 ♜:d3 34. ♗d4 ♜:a3 (34...♗e5!?) 35.♗:c6 b6 36.♜:c6 ♜b3.

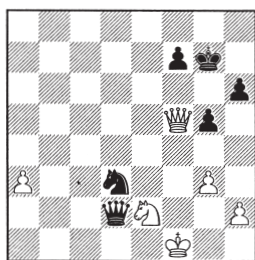
33...♜:c3 34.♖:c3 ♖e4 35. ♖b3 b5! (с угрозой ♗e5) **36.♖:b5 ♖:e3+ 37.♔f1 ♖f3+ 38.♔g1 ♖e3+ 39.♔f1 g5.** «Еще убедительнее 39...♗d4! 40.♖d3 (при 40. ♖:b7 g5 теряется фигура) 40...

♖:d3+ 41.♘:d3 b5 с безнадёжным для белых окончанием» (Керес).

40.♘e2 ♘e5! (энергичнее, чем 40...♖e7) **41.♖:b7 ♘d3.** Записанный ход. «Отложенная позиция подверглась тщательному анализу. Казалось, что борьба будет недолгой, но Таль нашел остроумную защиту. Кересу пришлось до конца играть с полным напряжением сил» (Рагозин).

42.♖c8+ (на 42.♖g2 возможно 42...♖d2 или 42...g4) **42...♙g7** **43.♖f5 ♖d2!** Угрожая выиграть коня путем 44...♖e1+ и ♖:e2+.

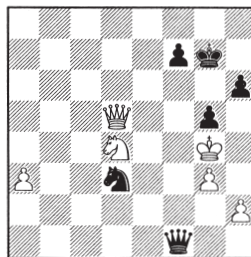

44.♘d4! «Единственный ход. Сразу проигрывало 44.♖f3 ♖d1+ и ♘e1+ или 44.♖e4 ♖e1+ 45.♙g2 ♖f2+ и ♖f1+. Плохо и 44.♘g1 ♖d1+ 45.♙g2 ♖c2+, например: 46.♙f1 ♖b1+ 47.♙g2 ♘f4+ или 46.♙f3 ♖f2+ 47.♙g4 (47.♙e4 ♘c5+) 47...h5+ 48.♙:g5 f6+ и т.д.» (Керес).

44...♖e1+ (не так ясно 44...♖d1+ 45.♙g2 ♘e1+ 46.♙f2 ♖:d4+ 47.♙:e1) **45.♙g2 ♖e3!** «Несмотря на ограниченность материала, у черных опасная атака, форсированно ведущая к материальным приобретениям» (Керес).

46.♖d5! Снова единственный ход! На 46.♖g4? или 46.♖d7? решает 46...♖f2+. А на ходы конем Керес приводит такие варианты: 1) 46.♘b3 ♖e2+ 47.♙h3 ♘f4+!; 2) 46.♘f3 ♖e2+ 47.♙h3 ♘f2+ 48.♙g2 ♘d1+! 49.♙h3 ♖f1+; 3) 46.♘c6 ♖d2+ 47.♙h3 (47.♙g1 ♖c1+ 48.♖f1 ♖c5+!) 47...♘f2+ 48.♙g2 ♘g4+ 49.♙h3 h5; 4) 46.♘b5 ♖e2+! 47.♙g1 (47.♙h1 ♘e1!) 47...♘e5. Во всех случаях черные легко выигрывают.

46...♖f2+ (на 46...♖d2+?! последовало бы 47.♙f3!, но не 47.♙h3? ♘f2+ 48.♙g2 ♘d1+ 49.♙f3 g4+!) **47.♙h3 ♖f1+ 48.♙g4.**

48...♘f2+! Красивый маневр! Далеко не так ясно 48...♖d1+?! 49.♙f5! А главное — Керес обходит тонкую ловушку: на заманчивое 48...h5+? 49.♙:g5! (только не 49.♙:h5? ♖h3+ 50.♙:g5 f6#) 49...♖f6+? 50.♙:h5 ♘e5 (с угрозой мата на h6) внезапно выигрывало громоподобное 51.♖d6!! ♖:d6 52.♘f5+ ♙f6 53.♘:d6+-. Правда, никто не указал, что у черных еще была ничья: 49...f6+ 50.♙h4 ♘e5 51.♖e6! ♖g2 52.♘f5+ ♙h7

53. ♖:f6 ♗:h2+ 54. ♘g5 ♗d2+ с вечным шахом.

49. ♘f5 ♗d3+! «В случае 49... ♗b1+ 50. ♖e5 ничего не дает черным ни 50... ♘g4+ 51. ♘d6 ♗b8+ 52. ♘c5, ни 50... ♘d3+ 51. ♘d6 ♗b8+ 52. ♘c6 и т.д. На 49... ♘d1+ спасает 50. ♗f3!, а на 49... ♗a6 неясно 50. ♘c6!» (Керес).

50. ♖e5 ♘g4+ 51. ♘d6 ♗:a3+ (с падением этой опасной пешки исход поединка предрешен, однако Таль продолжает биться что есть сил) **52. ♘c7 ♗e7+ 53. ♘c8 ♘e3.** Возможно было и 53... ♗e8+ 54. ♘b7 ♘:h2—, но Керес не хотел удалять коня.

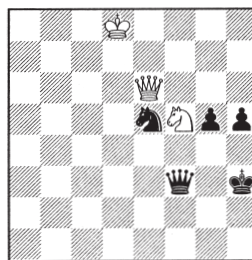
54. ♗b5 (54. ♘f5+? ♘:f5 55. ♗:f5 ♗c6+) **54... ♗e4 55. ♗b2 ♘g6 56. ♗b6+ f6.** «Технически проще 56... ♘h5 57. ♗f6 ♘g4!, не создавая новых слабостей» (Керес).

57. ♘e6 ♘c4 58. ♗a6 ♘e5 (угрожая ♗c6+) **59. ♘c7** (если 59. ♘f8+ ♘f7 60. ♗c6+ ♘:f8 61. ♗:f6+, то просто 61... ♘f7) **59... ♗c2 60. ♗d6.** «В случае 60. h4 (60. ♗e6? ♗f5) 60... ♗f5+! белые должны отдать пешку при менее выгодных обстоятельствах: 61. ♘b7 ♗f3+ 62. ♘c8 ♗:g3 или 61. ♘b8 ♘d7+ 62. ♘a7 ♗f2+ и т.д.» (Керес).

60... ♗:h2 61. ♘d5 ♗f2 (61... ♗:g3!) **62. ♘b7** (62. ♗e6 ♗c5+ 63. ♘b7 ♗f8—, но теперь грозит 63. ♗e6) **62... ♗:g3! 63. ♗:f6+ ♘h5 64. ♗e6!** Отчаянное сопротивление! Таль создает очередную угрозу — 65. ♘f6+ ♘h4 66. ♘e4 с выигрышем пешки h6.

64... ♘g4 65. ♘e7 (если 65. ♗f7+ ♘h4 66. ♘e7, то 66... ♗g2+ 67. ♘b6 ♗c4) **65... ♗f3+ 66. ♘c8**

♘h4 67. ♘f5+ ♘h3 68. ♘d8 (68. ♘:h6? ♗f8+) **68... h5! 69. ♗g6 ♘e5 70. ♗e6 ♘g4 71. ♗g6 ♘e5 72. ♗e6.**

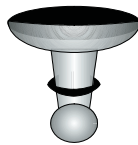
72... ♗d3+ 73. ♘d4+. Не давая сопернику закончить партию красивой жертвой фигуры после 73. ♖e7 ♗d7+! 74. ♗:d7 ♘:d7 75. ♘:d7 g4 76. ♘e6 g3—+. Темп в темп!

73... ♘g4 74. ♗d5 ♘f2! (сигнал к старту пешки «h») **75. ♘c8 h4 76. ♗e5 ♗e4 77. ♗f6 ♗f4 78. ♘f5 ♘e4 79. ♗e6 ♗g4!** С угрозой ♘g3. Белые сдались. «Филигранная техника Кереса в этой партии отмечена 1-м специальным призом» (Рагозин).

Затем Керес одержал еще две победы, и Талю, чтобы не упустить 1-е место, пришлось выигрывать в предпоследнем туре весьма сомнительную позицию у юного Фишера (№ 273). Кстати, Бобби выступил на этом турнире в роли счастливого талисмана Талья: он проиграл ему все четыре партии (!), тогда как с Кересом добился счета +2–2.

Комментируя итоги состязания претендентов, пресса писала, что

ВЕЧНО
ВТОРОЙ
ПОЧЕМУ?
ЗАГАДКА
ЮЛО
ТУУЛИК
ОТВЕЧАЕТ
НА ВОПРОСЫ
ЛЮДМИЛЫ ГЛУШКОВСКОЙ

- **Г**осподин Туулик, открывая коллоквиум памяти Пауля Кереса, Вы сказали, что это не только международная спортивная, шахматная акция, но в то же время явление нашей общей культурной жизни. И действительно, кроме шахматистов высшего класса, которых лишь на таком форуме и можно собрать всех вместе, здесь присутствовали люди очень разных профессий - литераторы, критики, поэты, ученые (среди них и авторы нашего журнала). Есть какая-то связь в том, что после недавней - такой, можно сказать, грандиозной - конференции по поводу юбилея нашего классика Яана Кресса Вы сразу же взялись за подготовку этой, прошедшей с не меньшим размахом и резонансом...

- Мы народ очень маленький, нас всего один миллион, выдающихся людей мы имеем не столь много, и те единственные, которые всеми своими трудами и жизнью приобрели международное значение, должны быть для нас чрезвычайно дорогими. В прошлом году мы широко и удачно отметили юбилей Яана Кресса, самого крупного, самого переводимого эстонского писателя, его романы читаются во всем мире - на 25 языках... Его Дни стали большим событием. Общественность, скажем так, осталась довольна. Нас хвалили, благодарили и за организацию, и за

внимание, и за прекрасный прием гостей из других стран. И городские власти спросили меня, как члена городской думы в то время, не смогли бы мы подумать о таком же мероприятии - к чести города Таллинна и за средства города Таллинна, что, между прочим, не скрою, самое главное, будем реалистами... И я сказал: мол, Арво Пярт, самый знаменитый сейчас в мире эстонский композитор, живет за границей, а Марко Мяртин, гонщик, еще слишком молод; хорошо бы почтить память Пауля Кереса, который вне всякого сомнения, был самым известным эстонцем в двадцатом столетии. Финны устроили осенью позапрошлого года теледебаты в течение нескольких месяцев, чтобы выявить самого популярного жителя Финляндии - за все времена существования не только финского государства, но национальности и финской культуры. И там первенствовал маршал Маннергейм, в первой десятке были еще трое президентов Финляндии, деятели культуры, один врач - детский врач, который жил 100 лет, его очень любили и уважали... И вот если бы мы по примеру финнов организовали такой же опрос населения в Эстонии, то кандидатом № 1 - самым любимым, самым известным, самым популярным эстонцем за все времена - был бы Пауль Петрович Керес. Мы знаем, что игра в шахматы - очень древняя игра, и мы тоже имеем в своих архивах фактические данные, когда в Эстонии в первый раз играли в шахматы. Из истории Таллинна мы знаем, например, что некоторые богатые жители города играли между собой уже в 17-м веке. С чего начиналась эстонская национальная культура?.. Университет в Тарту существует с 1632 года, в нем учились и шведы, и немцы, и финны, и поляки, и армяне...

- ...и, конечно, русские...

- Однако до XX века в этом университете практически не получали образование эстонцы. Это был университет для других наций нашего региона и соседних регионов. Культура наша, по всей вероятности, начинается с хрестоматийных ныне стихов Кристьяна Яака Петерсона, затем - Якобсона, Койдулы, Крейцвальда, то есть - с начала и середины XIX века. И первые известия о серьезном отношении к шахматам мы тоже черпаем из того же времени. В то время жила в Тарту семья Кизерицких. Ну, уже по фамилии мы понимаем, что и здесь мы имеем дело с представителем не коренного населения, но Лионель Кизерицкий отправится из Тарту в Париж и станет первым из Эстонии весьма известным на мировой арене шахматистом, деятелем шахматного спорта. Составитель на-

шего национального эпоса Фридрих Рейнхольд Крейцвальд, по профессии врач, жил в маленьком городе Выру, а поблизости, где-то километров за двадцать, жил пастор Шварц, немец, и они между собой играли в шахматы. И так как пастор был богаче, - машин в то время не было, интернета не было - он почти каждую неделю отправлял своих лошадей с каретой за Крейцвальдом. Они вечерами играли в шахматы. Но народ предпочитал спорт физический, и в царской России - мы жили тогда под крылом России - самыми известными эстонскими спортсменами, тоже с немецкой родословной, были Георг Хакеншмидт, Александр Аберг и Георг Лурих. Борцы, прославившиеся на весь мир. Я думаю, благодаря им вдалеке от нас, в Европе и в Америке, вообще впервые заговорили об Эстонии. Как о стране и как о нации. И когда Кристиан Палузалу в 1936 году выиграл две золотые медали на Олимпиаде в Берлине, тогда всем стало ясно, что этот маленький народ здесь, у Балтийского моря, удивительно силен физически. И в этом смысле знаменательно, что главная информация, полученная миром от Пауля Кереса, когда он выиграл в ноябре 1938 года самый представительный к этому времени в истории шахмат АВРО-турнир в Амстердаме, - информация о том, что эстонцы кое-что могут и на умственном поприще. По-моему, тут к месту напомнить, что именно в ноябре 38-го основана и Эстонская Академия наук. И в том же 38-м году у признанного классика нашей литературы Антона Хансена Таммсааре уже были в кармане договоры на перевод его романа "Правда и право" на десять языков ("Tõde ja õigus" - в русском переводе - "Правда и справедливость"). Увы, вмешивалась в жизнь мировая политика, началась война, и, о чем интересно говорила Эне Эргма, спикер Рийгикогу, нашей Государственной Думы, Пауль Петрович Керес как шахматист никогда не попадал в цейтнот во время соревнований. Но молодой Керес в 38-м году, когда его принимал президент Эстонии Константин Пятс, - с ними была организована прекрасная встреча в театре "Эстония" - молодой Керес, конечно, еще не мог и догадываться, что он находится в жутком цейтноте. В жутком. Самом жутком. Потому что мир приближался к войне. Керес после турнира АВРО получил право на матч с чемпионом мира, и если бы не началась война, он встретился бы с Александром Алехиным. По всей вероятности, у Кереса шансы были не хуже, чем у Алехина, завоевать этот титул - титул чемпиона мира. На коллоквиуме гроссмейстер Борис Васильевич Спасский как раз рассуждал, мог ли Керес

стать чемпионом мира, и утверждал - да, Пауль был самым сильным вот именно в те годы. К чести Кереса, надо сказать, что во время войны, когда Германия оккупировала всю Европу и Александр Алехин, с которым Керес играл несколько раз в Германии, в Австрии и в Испании, предлагал ему все-таки провести этот матч на звание чемпиона мира, Пауль отказался...

- А где Алехин жил тогда и где предлагал встретиться?

- Алехин жил в Париже, а потом в Испании. Умер уже в 46-м в Португалии... Но тогда он жил в Париже и колебал так же, как Пауль, потому что жил, зарабатывая только шахматами... И я лично очень уважаю, очень ценю этот поступок Кереса. Когда идет война, зачем - где бы то ни было - играть матч на звание чемпиона мира? И он отказался... В 1938 году, конечно, все упиралось в деньги, которые нужны были для организации матча, и в деньги, которые должен был уплатить претендент, а таких сумм, безусловно, у Пауля не было... В любом случае, если бы не война, Керес имел шансов больше. Но несмотря ни на что Керес, с 1938 года и до конца своей жизни, входил в десятку самых сильных шахматистов мира...

- Извините, прерву. Не поняла... Что, претендент должен был заплатить за свое право бороться с чемпионом мира?

- Да, претендент обязан был вложить определенную сумму. Это несколько лет так продолжалось - от претендента требовалась плата!... Теперь, в наши дни, не требуется... Тогда, в 38-м году, когда Керес выиграл АВРО, Эстония была бедной, аграрной, неизвестной страной, хотя и самостоятельной, и мы имели свои представительства, посольства только в одиннадцати государствах. Сегодня - в сорока... И если учесть, что нас не знали, то Керес по существу стал послом Эстонии. По-моему, даже в прямом смысле слова, потому что человек, стоявший так высоко на шахматной лестнице, - а шахматами интересуются во всем мире, в том числе и политики, - оказался на виду. По его человеческим качествам судили обо всем государстве и нации. Тут я хочу привести такой любопытный пример. Сравнительно недолго существует на юге Африки самостоятельное государство Намибия. У Намибии есть свои дипломаты, хоть и немного их. Но есть и прекрасный спортсмен, чемпион мира, медалист Олимпийских игр, спринтер на 100 и 200 метров Франки Фредерикс, о котором говорят точно так же, как о Пауле Кересе: он такой же народный дипломат своей маленькой страны. Удивите-

льно симпатичный спортсмен, он несколько раз выступал и в Таллинне, мы его знаем, и не только мы... И на коллоквиуме я гооврил, что люди типа Кереса, взошедшие высоко по своей профессиональной лестнице, имеют уже сверхнациональное значение, даже не как спортсмены, а как деятели культуры, или как Вацлав Гавел для чехов, Сибелиус для финнов, Шаляпин для русских. Именно поэтому значение Пауля Кереса намного выше значения попросту великолепного шахматиста. И так как Кересу выпало жить при тоталитарных системах, - и в сталинском режиме, и во время войны в гитлеровском, - ему пришлось в этих ситуациях принимать решения - политические, экономические, спортивные, этические. И он принимал эти решения так, что до конца жизни остался не только национальным идиолом, но глубоко уважаемым человеком во всем мире. Значит, мы имеем какое-то уникальное явление, и наша задача проанализировать, в каких условиях он эти решения принимал и чего это ему стоило, и за что мы должны быть благодарны этому человеку. И только этим я и могу объяснить то, что я как писатель, а не как шахматист был организатором коллоквиума. Помоему, состоялось самое важное, самое главное событие в Эстонии в начале 2006 года. Потому что и выбор выступающих был сделан так, чтобы мы поговорили обо всех аспектах жизни Пауля Петровича Кереса...

- Вот я как раз хотела попросить Вас назвать имена и страны. Фамилии у приглашенных разные - эстонские, финские, немецкие, русские, но это были представители Франции, Голландии... И среди них - очень много известных, как написано в одном газетном отчете, легендарных шахматистов, которые участвовали еще и в турнире "Вспоминая Пауля Кереса".

- В начале лета прошлого года я составил список из шахматистов поколения Кереса, которые живут в разных странах мира. Набралось ровно 25 гроссмейстеров. Прикинули: если вышлем всем приглашения и в Таллинн приедут 15 из них, мы уже имеем крупный успех, так как это люди пожилые, некоторые больны, могут быть и другие препятствия. Я договорился с известным гроссмейстером, главным редактором журнала "New in Chess", выходящего в Амстердаме, Геннадием Сосонко и в начале августа вылетел к нему для переговоров. Благодаря основательной информации Геннадия Сосонко о своих коллегах во всем мире мы составили окончательный список, к кому обратиться. И получили ровно 15 гроссмейстеров, которые согласились сразу, моментально. Звонил всем, и только вы-

мольбу слово “Керес”, никакие объяснения больше не нужны. Они отвечали: да, мы прилетим и будем выступать. Это русские гроссмейстеры Юрий Авербах, Марк Тайманов и Анатолий Карпов, проживающий ныне в Швейцарии Виктор Корчной, гражданин Франции на сегодня Борис Спасский, гроссмейстер из Голландии Ян Тимман; и я очень радовался, что сразу согласились три югославских гроссмейстера - блестящая плеяда генерации Пауля Кереса - Светозар Глигорич, Борислав Ивков и Александр Матанович; и немцы Вольфганг Унцикер и Лотар Шмидт, и многолетний президент шахматной Федерации ФИДЕ Фридрих Олафссон из Исландии. Мы пригласили и нашего соседа - латышского гроссмейстера Яниса Клованса... У тех, кто не смог прибыть в Таллинн, были самые серьезные причины. Ну, скажем, у Василия Васильевича Смыслова, которому 85 лет, он говорит мне: “Хожу с палкой и плохо вижу”. Не смог и Давид Бронштейн, и ныне проживающий в Аргентине датский гроссмейстер Бент Ларсен, и противник Кереса на многих соревнованиях чех доктор Мирослав Филип, и венгерский гроссмейстер Лайош Портиш... Но они все отправили нам письма, приветствия участникам нашей Большой Встречи. Так что, учитывая все это, нам все-таки удалось получить прекрасный букет шахматистов. И мы довольны таким богатым урожаем. Бесспорно, мы, эстонцы, должны были говорить о значении Кереса для эстонцев, Эстонии и всего мира одновременно. Это взяли на себя спикер Парламента академик Эне Эргма, экс-премьер-министр Март Лаар - серьезный историк, доктор наук, и один из самых блистательных наших спортивных журналистов-философов Пааво Кивине, и доктор технических наук Лео Выханду - крупный специалист по компьютерам и в молодые годы очень сильный шахматист, который играл с Кересом и даже выиграл у него, и еще политик и член Парламента Тоомас Алаталу. Думаю, что и наш эстонский букет - очень достойный... После коллоквиума коллеги Пауля, которые его дольше и лучше знали, как Борис Спасский или Вольфганг Унцикер, могли бы часами говорить о Кересе, и очень интересно...

- Да, это были замечательные воспоминания, эссе, и наряду с трагическими всплывали даже забавные сюжеты, у шахматистов все в порядке с юмором...

- У каждого такого события есть свои внутренние пружины и есть формальная часть, своеобразный сценарий, который невольно отражает отношение к событию. Так вот со стороны эстонских властей было все сделано блистате-

льно, потому что, например, в Голландии, по признанию гроссмейстера Геннадия Сосонко, не отметили на таком уровне 100-летие их национального героя, чемпиона мира Макса Эйве. В Таллинне все гости были приняты мэром города, министром культуры, премьер-министром и Президентом Республики. И на мой взгляд, Президент Арнольд Рюйтель сделал очень интересное предложение учредить медаль Кереса и организовать в Таллинне международный турнир шахматистов. Я абсолютно уверен - он состоится, потому что уже есть договоренность со всеми инстанциями, а некоторые из 15 находившихся здесь гроссмейстеров войдут в жюри международного комитета по присуждению медали Кереса - не только шахматистам, но и тренерам, и деятелям, имеющим долговременные и серьезные заслуги в шахматной жизни.

- Но ведь и на этот раз в сценарий тоже был вписан международный турнир...

- Так и было задумано. Знаете, мне очень понравилось высказывание литературного критика и ученого Акселя Тамма. Он сказал, что это было элегантное прощание с великим слоем культуры прошлого столетия. Шахматы на том уровне, на котором играли Керес и его поколение, и они сами, эти люди, являлись частью культуры. И эта часть ушла навеки. Появились совсем новые люди, новое поколение, молодые ребята, играющие, может, не хуже Пауля Кереса, Ботвинника и Авербаха, но они не гуляют по сцене как джентльмены, как подлинные артисты, а сидят в своих элегантных свитерах, в джинсах - тоже симпатичные, однако совсем другие...

- Гарри Каспаров написал уникальную книгу о своих гениальных предшественниках, о предшественниках нового поколения шахматистов, о ярком созвездии чемпионов и претендентов круга Пауля Кереса. Это же разносторонние таланты. Вы многих знаете...

- И один из них Марк Евгеньевич Тайманов, изумительный пианист. Его таллиннские ежегодные концерты не пропускали ни любители музыки, ни друзья-шахматисты. Прекрасные певцы Василий Васильевич Смыслов и венгерский гроссмейстер Лайош Портиш. Светозар Глигорич, которому сейчас 83 года, в 77 лет стал заниматься музыкой, и недавно вышел в Белграде первый диск с записью его сочинений. Теперь он ежедневно в музыке - это удивительно! А Юрий Львович Авербах? Настоящий европеец, гражданин мира, прекрасно владеющий не только русским, но и немецким, и английским языками, написал превосходные работы по теории шахмат, книги, был глав-

ным редактором шахматного журнала. Немецкий гроссмейстер Лотар Шмидт имеет самую богатую шахматную библиотеку в мире - 15 тысяч книг, он крупный историк шахмат... Кстати, обязательно хочу отметить, что на коллоквиуме в Таллинне были представлены четыре самых известных сейчас в мире шахматных журналов: московский "64", югославский "Информатор", голландский "New in Chess" и немецкий "KARL". Все главные редакторы были в Таллинне и все будут писать о таком событии. Многослойном событии. В течение юбилейной недели Пауля Кереса проведено несколько шахматных турниров. Самый представительный из них, где принимали участие Анатолий Карпов, Василий Иванчук, Алексей Широв, Рустам Касымджанов и другие, организовало спортивное общество "Калев", членом которого был и Пауль Керес. Еще несколько турниров подготовил Дом шахмат имени Кереса - для взрослых, для женщин и для школьников, нашей смены.

- С развитием технического прогресса у нового поколения возникла проблема: шахматист и компьютер. Кто победит? Правда, еще в 70-е годы Ботвинник научно предсказывал первенство машин. Прочитав тогда интервью шахматиста-ученого в журнале "64", писатель Борис Крячко с ним не согласился: такое унижение человеческого разума! Но, кажется, Михаил Моисеевич Ботвинник был прав?..

- Да, в наши дни шахматные компьютеры обыгрывают практически всех гроссмейстеров, и уже лет десять устраиваются чемпионаты мира для компьютеров. На нашем коллоквиуме выступал доктор наук Лео Выханду, который рассказывал о дискуссии между Паулем Кересом и бывшим тогда на пару дней нашим гостем голландским гроссмейстером Максом Эйве, экс-чемпионом мира. Они обсуждали возможности шахматных компьютеров. Именно в те времена 6-й чемпион мира Михаил Моисеевич Ботвинник утверждал, что будущее шахмат за компьютерами, и как доктор технических наук сам работал в этой области. По словам Лео Выханду, интересно, что именно Пауль Петрович Керес очень скептически относился к компьютерам. Не было еще конкретных достижений. Компьютеры находились в начальной стадии своего развития, и, видимо, было весьма и весьма трудно таким выдающимся шахматистам признать, даже немножко больно признать, что вот появится машина, играющая лучше нас. Эйве же, тоже доктор технических наук, рассматривал эти вопросы без особого скептицизма. Но тоже не соглашался тогда с мнением, что машины будут играть лучше

человека. А мы все-таки дожили до этого времени. Это объективные законы развития, и это не уменьшает заслуг шахматистов прошлого века, повторю, они играли на самом высоком уровне.

- **Кстати, в новехонькой и чрезвычайно откровенной книге Виктора Львовича Корчного “Шахматы без пощады”*** - мне посчастливилось просмотреть Ваш экземпляр, трудно оторваться - есть главка “Новые правила игры...” И там Корчной выражает надежду, “что рано или поздно человеческие шахматы будут отделены от компьютерных”, что они не должны и не будут встречаться на соревнованиях, что задача машины - помогать человеку...

- В наши дни компьютеры и стали помощниками всех ведущих гроссмейстеров. Во времена Кереса шахматисты анализировали партии всю ночь, а сейчас эти же позиции машина просчитывает за несколько секунд. Так что не нужны эти длинные ночные анализы с группой тренеров, которые всегда сопровождали известных шахматистов, у каждого с собой “lap-top”, переносной портативный компьютер. Теперь гроссмейстер уединяется и анализирует партии сам при помощи компьютера. В этом смысле машина - друг человека.

- **Так же, как собака... При этом я вдруг вспомнила, что в Вашей повести “Великое противостояние”, которую мы печатали в 97-м году, даже пес Боссе по предложению своего хозяина... Андреса Мялка или Пааво Кивине?..**

- Это был пес Пааво Кивине...

- **И Боссе сыграл с хозяином вничью... Кстати, когда я слушала на коллоквиуме выступление Кивине, такое великолепное устное эссе, я никак не сопоставила его с героем Вашей повести и только потом “узнала”, перелистывая тот старый номер журнала...** Многие профессионалы все время находятся в состоянии “друзья-враги”, непрерывном боевом соперничестве. “Великое противостояние” воспроизводит отношения, характерные в этих интеллектуальных кругах и по сей день. Они и сами не скрывают этого.**

- Видите ли, Марк Евгеньевич Тайманов озаглавил свое выступление о Кересе “Опасный соперник, любимый коллега и друг”. Они были все друзьями-соперниками, потому

---

*Виктор Корчной. Шахматы без пощады. Секретные материалы Политбюро, КГБ, Спорткомитета. Серия “Мемуары шахматиста”. М., 2006, с. 328.

** “Вышгород” 1997, №№ 4-5, 6: Юло Туулик, “Великое противостояние, или Бог игроков любит”.

что шахматы - беспощадная игра, вся эта блестящая плеяда, которую мы пригласили в Таллинн, со своей стороны сделала абсолютно все, чтобы Керес не стал чемпионом мира. Именно! Потому что они сами хотели быть чемпионами, они тоже играли сильно и не могли уступать. Вот здесь получается очень интересный момент! Мы имеем выдающегося, великого игрока - Пауля Петровича Кереса - именно благодаря тому, что ему противостояли такие силачи! И мы сейчас благодарили и чествовали "врагов" - да, в кавычках - Пауля Кереса. Вот это мирное противостояние, без оружия, - оно самое привлекательное. Михаил Моисеевич Ботвинник всегда, когда он играл свои матчи на звание чемпиона мира, намеренно делал из своих противников - своих врагов. Он так представлял себе человека, который сидит напротив него за шахматным столиком, сражается с ним. Так он относился к Давиду Бронштейну, Василию Смыслову и некоторым другим, которых... боялся. Он уважал Пауля, но не дружил с ним долгое время, и только к концу жизни, после смерти Кереса, Михаил Моисеевич напишет, что они стали друзьями. Может, они и на самом деле стали друзьями, но какое-то время Пауль Керес был для Ботвинника самым грозным, самым опасным конкурентом. Я не знаю других выдающихся шахматистов, по сравнению с Ботвинником, которые из конкурента, хоть и временно, так умело создавали себе "врага". Но те, у кого совсем не было "врагов", и не стали чемпионами мира. Еще один парадокс. В этой жестокой борьбе иногда, может быть, и нельзя, но **можно** забыть о спортивной этике, о человеческих ценностях. Это тоже очень интересный момент. Какие железные двери разделяли Корчного и Карпова или Спасского и Фишера... В этом смысле Керес является уникальным, исключительным явлением в истории шахмат. Стоя на самой вершине, на самом пике шахматной горы, он оставался человеком добрым, мягким, желаемым коллегой для всех. О Кересе никто никогда не сказал ни одного плохого слова. На нашем коллоквиуме мне даже иногда хотелось попросить: ну, вспомните наконец что-нибудь обидное. Все разводили руками: мол, откуда же нам это взять... Разные люди... Вот в этом и проявляется многоплановость игры. Михаил Моисеевич Ботвинник, еще только будущий чемпион мира, в 1946 году обратился с письмом к советскому правительству, чтобы ему создали условия для матча с Алехиным. Он требовал себе в это бедное послевоенное время разные санаторные привилегии, прямо скажем, деньги, продукты питания и - нотабене! - закрытый тренировочный матч... с Паулем Кересом! Потому что он прекрасно себе представлял,

что Керес - самый сильный противник с возможностями чемпиона мира.

- **То есть хотел подготовиться как можно лучше, проверить свои силы? Очень знаменательный факт.**

- Да, специальное письмо Молотову.

- **И как Молотов отреагировал?**

- Положительно. Но так как Алехина не стало, матч не состоялся. Ботвинник и без того вышел в чемпионы мира - через два года. Мы часто спекулируем - замечу, что употребляю это слово в хорошем смысле, - спекулируем, рассуждая, стал бы Пауль Петрович Керес в других жизненных условиях чемпионом мира. И подразумеваем под этими условиями уход Кереса в 1944 году в Швецию, на Запад. Керес со своей семьей ожидал судна в районе Хаапсалу, в западной Эстонии. Судно не пришло, арестовали последнее трехдневное правительство Эстонии. Вместе с Кересом попали в руки Советской Армии писатель Фридеберт Туглас, певец Тийт Куузик... Конечно, последовали политические неприятности, и очень серьезные. Но я спросил у вдовы Кереса, Марии Аугустовны: "Скажите, пожалуйста, как Вы думаете, если бы удалость тогда отбыть отсюда, стал бы Пауль Петрович чемпионом мира?" Ведь очень многие пытаются доказать: да, стал бы. Это в Таллине повторил и Виктор Корчной. Если бы я, сказал Виктор Львович, ушел из Советского Союза на десять лет раньше, я стал бы чемпионом мира. И Пауль Керес - тоже, сказал Корчной. А если это утверждает такой крупный шахматист, как Корчной, то мы не можем не обращать внимания на его мнение. Однако Мария Аугустовна, которая знала всех шахматистов этого поколения, сказала: "Думаю, нет, не стал бы". Пауль не был столь беспощадным к себе и к другим, как Ботвинник. А Михаил Моисеевич и к себе был беспощаден, он работал в шахматах уже как ученый, доктор наук. Это было что-то новое, еще более серьезный подход к шахматам. И он более десятилетия удерживал мировое первенство. Но я верю и Корчному, и супруге Пауля Кереса. Корчной хорошо сказал, что Пауль любил шахматы, но еще больше - свою Родину. Поэтому он и не хотел жить на Западе, конечно, нет. Но если бы он оказался в Швеции, кто знает... Так что это остается для нас на стадии спекуляции. Именно поэтому Керес в истории шахмат - "Вечно Второй", с большой буквы. Вечно Второй.

- **Керес, как Вы сказали, редкий по своим качествам шахматист, и неважно - первый, второй, третий - много замечательных игроков. А он действительно национальный герой, единственный в своем роде.**

На очень редкой фотографии 1944 года из семейного архива Ю. Рейго Пауль Керес (справа) с детьми и женой Марией, Тийт Куузик и Фридеберт Туглас (слева) на западном побережье Эстонии в ожидании судна для отплытия в Швецию.

- Уже после АВРО, когда Керес в возрасте 22 лет выиграл этот супертурнир, некоторые аналитики того времени писали: может, это самое большое достижение Кереса. Он уже гениальный шахматист, писали они. И - ясновидящие - предрекали: этот гений никогда не будет чемпионом. Так и вышло. Почему? Загадка. К сожалению, биограф Пауля Кереса, спортивный публицист, исследователь истории шахмат Вальтер Хеуэр, написав первую часть прекрасной книги "Пауль Керес", на что потратил много времени и сил, уже не может напряженно трудиться над второй частью. Вальтер Хеуэр остановился на 47-м годе, впереди у великого шахматиста еще почти 30 лет жизни. Нам нужна полная биография Кереса. И пока что мы имеем первоисточники информации, мы можем встретиться с конкурентами Кереса, получить воспоминания из первых рук - от жены, сына и дочери, от брата, доктора физико-математических наук Харальда Кереса. Многие гроссмейстеры уже в аэропорту еще раз обратились ко мне - как одному из организаторов этих Дней Кереса - с настоятельными пожеланиями подумать о создании его полной биографии. Обещают помочь своими воспоминаниями. Так что, кроме новых турниров и памятной медали, перед нами поставлена важная задача: новая книга о Пауле Кересе. Это должна быть основательная, достойная первой части книга.

Январь 2006

Таллинн

МАРК ТАЙМАНОВ

Вспоминая
самых-самых...

Уважаемому Юло Карловичу
с благодарностью за внимание
в гостеприимном Таллинне в памятные
дни 90-летия со дня рождения Пауля Кереса
и с самыми-самыми добрыми пожеланиями
от автора М. Тайманов.

«РЕТРО». Санкт-Петербург. 2003

08.01.06

г. Таллинн

Уважаемому Юло Карловичу с благодарностью за внимание в гостеприимном Таллинне в памятные дни 90-летия со дня рождения Пауля Кереса и с самыми-самыми добрыми пожеланиями от автора

М. Тайманов
08.01.06. г. Таллинн

Автограф на книге Марка Тайманова "Вспоминая самых-самых..." Издательство "Ретро", Санкт-Петербург. 2003. На титульном листе дружеский шарж художника И. Соколова. А в самой книге есть и подпись к шаржу - эпиграмма Евг. Ильина, которую уместно повторить.

Играл он на рояле и в кино,
И в шахматах
Прославился давно.
Хотя итогов не пришла пора,
Марк мог бы спеть
"Что наша жизнь? Игра!"

Фотография 1940 года. Ленинград. Дворец пионеров. Михаил Ботвинник (первый справа) в качестве наставника анализирует партию, сыгранную Паулем Кересом (третий слева). В центре между ними совсем юный 13-летний Марк Тайманов (3-й справа), в личном архиве которого и сохранился этот снимок.

7 февраля 2006 Марка Евгеньевича Тайманова (1926) - чемпионка СССР и Ленинграда, участника 23 чемпионатов СССР, многочисленных международных соревнований и турниров на первенство мира - поздравили с юбилеем и сотрудники Эстонского Консульства в С.-Петербурге. Шахматный теоретик, литератор, он сыскал также признание как выдающийся пианист, не однажды выступая с концертами и в Эстонии. Маэстро, желаем Вам здоровья от имени всех почитателей Ваших талантов!

С Паулем Петровичем Кересом я познакомился на тренировочном турнире в Москве в 1939 году. Помню, Сэмюэль Решевский тогда спросил, а почему, собственно, турнир носит такой статус и какие установлены призы. Оказалось, что призов вообще нет. “Тогда я понимаю, почему тренировочный”, - заключил Решевский.

Мне было 18, Кересу - 23, но он уже встречался за доской с такими великими шахматистами, как Алехин, Капабланка и Ласкер, - на АВРО-турнире в 1938 году, где играл блистательно и поделил 1-2 места с американским гроссмейстером Ройбенем Файном. Этот успех по существу давал Паулю Петровичу право вызвать на матч за звание чемпиона мира самого Александра Алехина. Поэтому, можно сказать, Керес уже с тех пор стал продолжателем традиций классических шахмат.

Пауль сразу же произвел на меня впечатление очень корректного человека - как в повседневной жизни, так и за шахматной доской. Вид у него был спортивный, что неудивительно - он входил в десятку лучших теннисистов Эстонии. Кстати, с этим его увлечением связана одна забавная история. Как-то Пауль Петрович отправлялся на теннисный турнир в составе команды Эстонии, и в бухгалтерии Спорткомитета СССР при оформлении поездки ему выдали билет в плацкартный вагон. “Я же гроссмейс-

---

* Василий Васильевич Смыслов (1921) - 7-й чемпион мира по шахматам. Живет в Москве.

Поздравляем Василия Васильевича с 85-летием! Здоровья и множества прекрасных оригинальных этюдов!

тер по шахматам!” - воскликнул Керес. “Вот именно, что по шахматам, а сейчас вы едете как представитель другого вида спорта”, - парировал чиновник.

Но всю свою жизнь Пауль посвятил шахматам. Мне кажется, такая жизнь достойна признания. Ведь творчество приближает человека к высшим духовным ценностям. А Керес оставил миру великолепные образцы творчества. Это был шахматист яркого дарования. Он отлично разыгрывал все стадии партии. Был блестящим знатоком испанской партии, написал книгу об этом дебюте. Прекрасно разбирался в комбинационных осложнениях - в этом плане его было крайне трудно превзойти даже Талю с Фишером. Такой же безукоризненностью, как стиль одежды Кереса, отличались и его анализы, в том числе столь сложных позиций, как “ферзь с пешкой против ферзя”. Тогда, в отсутствие компьютеров, это было настоящим подвигом. Кстати, современные компьютерные исследования подтвердили правильность тех оценок. Широко известны и другие позиции, проанализированные Кересом и вошедшие в теорию окончаний.

Разносторонний талант Пауля - как поэта в шахматах (в юности он составлял задачи, а затем стал прекрасным этюдистом), блестящего аналитика и выдающегося шахматиста - позволил ему на протяжении многих лет войти в элиту шахмат и выступать за сборную страны.

Правда, Ботвинник вскользь отметил, что Пауль Петрович не всегда проявлял себя в обстановке крайне нервного напряжения. Впрочем, это мнение Ботвинника, который был не лишен наблюдательности.

Вспоминаются турниры и командные соревнования с участием Кереса. Так, на Олимпиаде в Амстердаме в 1954 году он играл на четвертой доске и стал своеобразным “джокером” нашей сборной - набрал 13,5 очка из 14! Он был прекрасным командным шахматистом. Тогда, кстати, никто не выказывал недовольства, даже если - в интересах команды - попадал в число запасных. Настолько велик был круг претендентов на место в сборной. И все Олимпиады проходили под знаком нашего огромного превосходства.

Минувший век вообще для шахмат был исключительно интересным. Тогда они пользовались огромной популярностью, особенно в нашей стране, ведь в отличие от нынешних времен были прежде всего искусством. А какое созвездие имен! Любое соревнование привлекало огромное количество зрителей. Так что успехи Пауля заслужили всеобщее уважение.

На мой взгляд, у каждого шахматиста есть определенный период, когда он способен достичь максимального результата. Как тут не вспомнить тонкого психолога Ласкера, который долгое время встречался в матчах на первенство мира с шахматистами, уже прошедшими пик своей творческой энергии (и то, чуть не проиграл Шлехтеру). Обстоятельства жизни Кереса сложились так, что его лучшие в творческом отношении годы пришлись на Вторую мировую войну, которая помешала ему реально побороться за чемпионский титул. Тем не менее он всегда был на первых ролях, но, пожалуй, ему не хватило турнирного счастья, чтобы реализовать свою мечту - сыграть матч на первенство мира.

У нас с Паулем Петровичем было достаточно острых поединков за шахматной доской, проходивших с переменным успехом.

Не знаю шахматиста, который не уважал бы Кереса. А истоки поистине всенародной любви к Паулю Петровичу, на мой взгляд, кроются прежде всего в его дружелюбии и корректности. И за доской, и в жизни он всегда вел себя по-джентльменски, с уважением относился к своим партнерам. Да и сама манера его игры вызывала симпатию.

Кереса любили и в Спорткомитете, но однажды и он подвергся штрафным санкциям. Пауль Петрович нарушил порядок, заведенный в высших партийных организациях, "неудачно" пообедав в Праге с тогдашним чешским диссидентом, известным гроссмейстером Людеком Пахманом (эмигрировавшим позднее из социалистической Чехословакии в капиталистическую ФРГ). Потом наши шахматисты шутили: ну вот, такой безукоризненный Пауль Петрович, знавший все особенности "этики" спортивных властей, позволил себе столь неосторожный поступок!

Вследствие этого он на некоторое время был отстранен от выступлений в зарубежных турнирах, а я был удостоен особой чести Спорткомитета - Пауль стал моим тренером. Именно в таком качестве он поехал со мной в 1970 году на межзональный турнир в Пальма-де-Мальорку. Помню, в одной из партий я пожертвовал ладью записанным ходом. И в нашем совместном анализе Пауль мгновенно нашел интересную возможность, которая в итоге привела меня к победе. Справедливости ради отмечу, что нами была найдена и защита за соперника, дававшая ему ничью.

Пауль Петрович умел владеть собой - даже в момент

своего “тренерства” держался очень корректно и на судьбу не обижался. Он принимал жизнь, какая она есть, - со всеми ее радостями и трудностями. Понимал, что она неоднозначна и не всегда улыбается человеку, которому на жизненном пути уготовано свыше немало препятствий. В душе же, по-моему, Керес был оптимистом.

В военные годы он остался с семьей в Эстонии и должен был зарабатывать на хлеб насущный, выступая в турнирах, что послужило причиной претензий к нему со стороны советских властей. Однажды я спросил: “Пауль Петрович, а как играл Алехин?”. Он рассмеялся: “Соображал неплохо! Помню, в нашей партии, году в 1943-м, я подготовил интересную новинку в королевском гамбите. Так Алехин за доской с ней разобрался и сумел меня обыграть”.

Керес никогда не касался темы своих непростых взаимоотношений с Ботвинником, в частности, почему он играл так неудачно против патриарха. Керес и в этом плане проявил себя безукоризненным человеком. Хотя кое-кого до сих пор продолжает волновать этот вопрос, возможно, тайна, которую Пауль Петрович унес с собой.

Он никогда не употреблял спиртного, и хотя в жизни придерживался строгих манер, пошутить любил: “Не ожидал такого счастья. Сделал глупый ход и сразу партию выиграл!” У Кереса были свои любимые выражения, которые он частично почерпнул из разговоров с шахматистами. Но все его шутки были в рамках приличия и ни для кого не носили обидного характера.

Керес везде был желанным гостем, прекрасно владел немецким языком. У Пауля Петровича было своеобразное хобби - он знал наизусть расписание движения самолетов - какие и когда делать пересадки, в том числе и в зарубежных аэропортах. Информацию он черпал из проспектов и брошюр авиакомпаний, которые всегда не забывал прихватить в аэропортах.

Однажды он рассказал мне такую историю, кажется, это было в 1954 году. В Аргентину летела советская делегация. И Пауль выбрал маршрут, который позволил сэкономить несколько тысяч долларов. Но когда эти деньги торжественно привезли в Спорткомитет, бухгалтерия была крайне недовольна: зачем вы лезете не в свои дела! Нарушили, мол, графу в отчетности. И вместо благодарности Пауль Петрович был вынужден выслушивать упреки. В наше время из Кереса получился бы отличный менеджер!

Помню последнюю нашу встречу - незадолго до смер-

ти Пауля. По дороге на турнир в канадский Ванкувер он заглянул к нам домой. Приглашал на свое 60-летие. Выглядел прекрасно - ничто не предвещало роковой развязки. Видимо, большая нагрузка, связанная с перелетом и участием в турнире (первое место!), а также очень теплый прием и, как следствие, огромное число встреч, сеансов - повлияли на его здоровье. И к великому сожалению, пришлось мне ехать не на юбилей, а на похороны Пауля Петровича. Безвременный уход из жизни яркого и симпатичного человека...

Еще в самом начале своей шахматной карьеры я участвовал в турнире в Пярну. И сразу же понял, что Пауль в Эстонии - национальный герой. С ним дружили многие известные люди, например, замечательный певец Георг Отс.

На 70-летие Пауля Петровича в Таллине поставили балет "Живые шахматы" - показывали красивые партии, выигранные им. Видно, что Кереса в Эстонии очень любят, его портрет на банкноте в 5 крон, наверное, единственный в мире среди шахматистов. Очень сожалею, что не смогу принять участие в торжественных мероприятиях, посвященных 90-летию со дня рождения Пауля Петровича. Желая эстонским шахматистам достойно отметить памятную дату и посвящая Паулю свой оригинальный этюд.*

---

* Этюд помещен на обложке журнала "64" (№ 1 2006), из которого мы, по согласованию с ответственным секретарем О.В. Перваковым, таллинским гостем в Дни Кереса, и делаем перепечатку. - Ред.

Для лучшего понимания прочего нужно сказать, что маленький народ в поисках своей идентификации выбирает себе совершенно особенных героев.

У больших народов объектами восхищения, как правило, являются большие самодержцы и полководцы, или всемирно известные писатели и художники. У эстонцев не было крупных правителей и полководцев. Однако мы тоже испытывали гордость за свои собственные большие таланты. И чаще всего объектом самых пристрастных чувств становились спортсмены. Это может показаться странным, однако причина проста: спортивные победы нельзя оспорить. Наши спортивные победы говорили всем понятным языком: мы существуем как нация - хватит нам чужой власти, мы восходим к своим истокам. Таким образом наши спортивные достижения обретали смысл настоящей политики. А роль таких народных политиков в начале XX века исполняли борец Георг Лурих, в середине - двукратный Олимпийский чемпион Кристьян Палусалу, затем - Пауль Керес.

Шахматисты, как известно, интернациональный народ. Случается запросто, что рожденный в одной стране позже играет в шахматы совсем от другой - второй-третьей - страны. Иногда это свободный выбор, но гораздо чаще - вынужденный.

В такой ситуации невольно оказался и Пауль Керес. Рожденный в Эстонии и поднявшийся здесь до мировой элиты шахматистов, он позже вынужден был выступать за несколько другое государство. Это, по-видимому, не принесло потерь шахматному миру, но эстонцам - определенно. В 1944

году, перед новой оккупацией Эстонии Советским Союзом, Керес был готов вместе с десятками тысяч своих соотечественников бежать через море на Запад. Но ему не удалось сделать это прежде, чем вошли русские танки.

Роковое, буквально в последний момент, опоздание совершить побег в свободный мир повлекло за собой двойные последствия, как для его индивидуального единородства, так и для разделенного надвое его народа: у обоих одна судьба.

Как известно, Пауль Керес во время войны много играл и на территории Германской империи, не раз встречался с чемпионом мира, эмигрантом Александром Алехиным. И хотя Керес никогда не делал политических заявлений, хватало его игры. При советской власти Керес считался подозрительной персоной, вследствие чего его устремления к наивысшему титулу пресекались.

Спросите у любого эстонца, и он вам ответит: Кересу не дали стать чемпионом мира. Механизм этого казуса так прост, что его даже неловко объяснять. Если режим задушил миллионы невинных, так что они канули в небытие, мог ли он равнодушно оставить в покое это яркое явление, в лице чужого мастера спорта по шахматам? Не лучшим ли доказательством спортивного блеска было выдвинуть его как собственного мастера? Кто жил в это время, скажет: нет, режим не оставлял выбора. Но творцу, почему знать, достаточно иметь и малое...

Кересу навсегда присудили горький титул “вечно второй”. Это было его личной трагедией.

Однако наперекор судьбе Мастер на глазах у всего народа вырастал все выше. Мы ведь знаем, что у него не было шансов победить, так же, как у нашей нации не было возможности победить. Но мы так же не были согласны покориться.

И вдруг на клеточном столе подскочила деревянная кнопка, Пауль Керес выразил народную максиму: играть и тогда, когда надежда больше не светит.

Без сомнения, наш большой Мастер был одним из лидеров духовного сопротивления. И когда он скончался, наполнились улицы, и кто-то сказал: ушел последний эстонец. К счастью, он ошибся.

Словно об этом же сказал писатель: конец все ставит на свои места, потому что на правде держится мир. Конец прояснил, что благодаря Мастеру в нашей шахматной партии поднята кнопка еще для одного мастера - о всемогущий Вольфганг. Финал восстановил высшую справедливость и вывел эстонцев играть большую народную партию.

Но спрашивается: без труда смог ли бы сам Сатана вернуть историю в нашу пользу, если бы наперед не играл здесь Мастер, если бы путь не освещала надежда? Если бы то, что он делал все эти годы, было не более, чем просто d2 - d4?..

Без малейшего сомнения, Пауль Керес был настолько большой народный шахматист, насколько вообще им можно стать.

Перевела с эстонского
Людмила ГЛУШКОВСКАЯ

Когда Пааво Кивине выступал на коллоквиуме, мне и в голову не пришло что это же и есть реальное “действующее лицо” из повести Юло Туулика “Великое противостояние, или Бог игроков любит” (“Вышгород” №№ 4-5, 6 за 1997 год). Причем, в подзаголовке было сказано: “Моим близким друзьям Пааво Кивине и Андресу Мялку посвящаю”. Конечно, и наш почетный гость из Голландии Геннадий Сосонко, одним духом за ночь прочитав этот воистину приключенческий детектив о заядлых фанатиках-партнерах, не “идентифицировал” докладчика с персонажем. И наутро спросил у писателя о судьбе его друзей. Они здравствуют! Издатель Пааво Кивине и редактор Андрес Мялк.

А теперь вернемся к литературе - что, как увидите, вполне логично.

Во время путча в Москве, когда уже назревала независимость Эстонии, но этим двум профессиональным редакторам еще неизвестно было, кого “придется вычеркивать, а кого вставлять”, они сразились снова.

“Протоколы матчей, сыгранных в эту историческую неделю августа 1991 года, - пишет Юло Туулик, - уже переданы им (Кивине) в Музей спорта Эстонии в Тарту в качестве экспонатов, по которым можно судить, насколько шахматы, являясь неотделимой частью истории, политики и культуры, отражают свою эпоху, помогая новым поколениям восстановить прошлое в его исторической конкретности” (“Вышгород” 6,97, с. 14).

Л. Г.

Школьной Федерации СССР

План подготовки сборной команды школьников СССР для первенства мира среди юношей в Зиме 1970 г.

Подготовительный сбор проводится в Звенигороде с 18 по 30 августа 1970 г. с участием тренеров Телера, Крюкова, Петросова, Толугаевского, Синалова, Сласского и Тайманова.

Распределение специальной подготовки по дням.

- 18. авг. приезд участников сбора
- 19. авг. разбор партий школьников США и Югославии.
- 20. авг. разбор партий школьников Венгрии и Словении.
- 21. авг. разбор партий школьников ГДР и ФРГ.
- 22. авг. разбор партий школьников Аргентины и Болгарии.
- 23. авг. разбор новейших вариантов в Сицилианской защите
- 24. авг. разбор новейших вариантов в Испанской партии.
- 25. авг. разбор новейших вариантов в Староиндийской защите.
- 26. авг. разбор партий Фишера, Лоррена, Торнтона, Тейсгорста и др.
- 27. авг. тренировки партий
- 28. авг. тренировки партий
- 29. авг. тренировки партий
- 30. авг. отъезд участников сбора

В этом плане подготовки возможно изменение, согласно изменениям составов сбора.

14 августа 1970 г.

Тайманов
тренер команды

Шахматной Федерации СССР

План подготовки сборной команды шахматистов СССР для первенства мира среди команд в Зигене 1970. г.

Подготовительный сбор проводится в Звенигороде с 18. по 30. августа 1970. г. с участием гроссмейстеров Геллера, Корчного, Петросяна, Полугаевского, Смыслова, Спасского и Тайманова.

Распределение специальной подготовки по дням.

18. авг. приезд участников сбора
19. авг. разбор партий шахматистов США и Югославий.
20. авг. разбор партий шахматистов Венгрии и Чехословакий.
21. авг. разбор партий шахматистов ГДР и ФРГ.
22. авг. разбор партий шахматистов Аргентины и Болгарий.
23. авг. разбор новейших вариантов в Сицилианской защите
24. авг. разбор новейших вариантов в Испанской партии.
25. авг. разбор новейших вариантов в Староиндийской защите.
26. авг. разбор партий Фишера, Ларсена, Портиша, Глигорича и др.
27. авг. тренировочные партии
28. авг. тренировочные партии
29. авг. тренировочные партии
30. авг. отъезд участников сбора

В этом плане подготовки возможно изменение, согласно желаниям участников сбора.

Паул Керес
гроссмейстер СССР
тренер команды

14. августа 1970. г.

От редакции:

Этот чудом сохранившийся документ, написанный Паулем Кересом от руки, зафиксировал его сверхаккуратный разборчивый почерк и его прекрасное знание русского языка с легким, почти незаметным (даже на письме) эстонским "акцентом" ("ии" - "ий")... А написание дат - по эстонским правилам: с точкой после цифр.

Пожелтевший от времени бесценный старый лист бумаги, с ржавчиной вокруг отверстий, оставленных скоросшивателем, заполнен мелкими зелеными буквами - словно знаками неувядаемой славы эстонского Шахматиста.

Реликвия находится в домашнем архиве писателя Юло Туулика.

Эстонский гроссмейстер впервые приехал в нашу страну почти сразу по окончании АВРО-турнира, в котором он добился выдающегося успеха, разделив I - II места с Файном. Его пригласили принять участие в тренировочном турнире 1939 года. В нем, за исключением Ботвинника, участвовали все лучшие советские мастера, а также четыре гроссмейстера - Флор, Решевский, Лилиенталь и Левенфиш. Турнир закончился победой Флора, восстановившего свою репутацию после провала в Авро-турнире. А результат Кереса стал сенсацией - он сумел разделить только 12-13 места при 18 участниках. Проиграл 4 партии, а выиграл лишь 3. Конечно, он устал после Авро-турнира, но и недооценил силу советских участников. В 1940 году, когда Эстония "добровольно" вошла в Советский Союз, Керес играл в XII первенстве страны, но смог занять лишь 4-е место, хотя и опередил Ботвинника. И лишь в матч-турнире на звание абсолютного чемпиона СССР он стал вторым, что и определило его позиции как второго шахматиста страны, главного конкурента Ботвинника.

Когда началась война, Эстония была быстро оккупирована немецкими войсками. Будучи шахматным профессионалом, Керес принял участие в нескольких турнирах в фашистской Германии - в 1942 году в Зальцбурге и Мюнхене, и каждый раз занимал второе место позади Алехина; в 1943 году в Зальцбурге разделил первое место с Алехиным, в Праге снова стал вторым позади Алехина, в Познани был первым. В 1944 году, находясь в Швеции, он выиграл матч у мастера Ф. Экстрема. К моменту взятия Таллинна советскими войсками Керес вернул-

---

Юрий Львович Авербах (1922) - международный гроссмейстер (1952). Видный шахматный теоретик. Живет в Москве.

ся из Швеции на родину. Чемпион СССР по прыжкам в воду мастер спорта И. Баркан, во время войны служивший в морской пехоте, еще в 50-е годы рассказал мне, что он входил в состав десанта, высадившегося в Таллинн с моря, и у него был ордер на арест Кереса, но того в городе не оказалось.

Полковник НКВД Б. Вайнштейн, бывший в то время главой Всесоюзной шахматной секции, прибыл в Таллинн по служебным делам на другой день после вступления туда сухопутных войск и имел беседу с начальником эстонского НКВД. В конце беседы тот спросил, не мог ли Вайнштейн как председатель шахсекции решить вопрос об участии Кереса в чемпионате СССР, и добавил, что шахматы для Пауля единственный источник существования. Он предложил Вайнштейну встретиться с Кересом, но тот отказался, объяснив, что взять на себя решение такого вопроса он все равно не может: есть общая установка - тех, кто во время войны находился на оккупированных территориях, в первый послевоенный чемпионат не пускать.

А с Кересом ситуация еще сложнее.

“Сам я отношусь к нему с большой симпатией, - добавил Вайнштейн, - и как к шахматисту, и как к человеку, хотя пока с ним лично и не знаком. Но если по закону, то ему за сотрудничество с немцами надо 25 лет давать, и вы это знаете не хуже меня. Он же в их турнирах играл, с Алехиным яштался...”

Поэтому Керес не участвовал ни в XIV первенстве СССР, ни в матче по радио СССР - США.

Могу добавить: когда в конце 1945 года в Москве проходило первое послевоенное командное первенство профсоюзов, Керес почти каждый день появлялся на турнире, и в руках у него была папочка, в которой, видимо, лежали какие-то документы.

Позиция руководства страны по отношению к лицам, оказавшимся не по своей воле на оккупированных немцами территориях, да к тому же сотрудничавших с немцами, была исключительно жесткой, ее и отразил Б. Вайнштейн. И неизвестно, что произошло бы с Кересом, если бы его не взяло под свою защиту партийное руководство Эстонии и лично первый секретарь ЦК Компартии Эстонии Н. Г. Каротамм.

Видимо, они и подсказали Кересу идею обратиться с покаянным письмом к В.М. Молотову, бывшему тогда первым заместителем председателя Совета Министров СССР. Приведем этот документ:

Тов. В.М. Молотову

Москва. Кремль.

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович!

Оказавшись во время фашистской оккупации во власти

немцев на территории Эстонской ССР, я был оторван от советских шахматистов в течение трех с лишним лет. Не будучи в силах отказаться от шахматной игры, я за это время, при оккупантах, принял участие в пяти турнирах. Повидимому, по этой причине, Всесоюзный Комитет по делам физкультуры и спорта не считает возможным допустить меня к участию в турнире на первенство СССР, хотя я в 1941 году был признан гроссмейстером СССР по шахматам.

Вполне сознавая свою ошибку, прошу все же принять во внимание сложившиеся для меня в годы оккупации исключительно тяжелые обстоятельства.

Мне очень хочется быть восстановленным в правах высококвалифицированного советского шахматиста и показать на деле, что я в состоянии с честью выполнять обязанности, связанные с почетным званием советского гроссмейстера. Со своей стороны хочу приложить все старания к тому, чтобы мое участие в шахматных турнирах СССР шло бы на пользу всему Советскому Союзу. Хочу также посвятить все силы на поднятие уровня шахматной культуры в Эстонской ССР.

Прошу Вас, Вячеслав Михайлович, помочь мне стать опять полноценным членом советской шахматной семьи.

Таллинн, 7 апреля 1945 года.

Пауль Керес.

Много позже Николай Николаевич Романов, уже будучи пенсионером, мне лично рассказывал, что в связи с делом Кереса он был вызван к Молотову. У того в кабинете уже находился В. Абакумов - министр госбезопасности. Романов стал защищать Кереса, особенно нападая на то, что Керес возвратился в Эстонию накануне прихода советских войск, хотя вполне мог остаться в Швеции. Позиция Абакумова была такой же, что и у Вайнштейна.

Выслушав обе стороны, Молотов неожиданно спросил:

- Как вы думаете, если бы Керес остался в Швеции, он бы жил лучше, чем у нас? - Наступила пауза. И тогда, не дожидаясь ответа, резюмировал:

- Все ясно. Вопрос решен. Пусть Керес играет!

В сентябре 1945 года он принял участие в чемпионате Эстонской ССР, в котором вне конкурса играли гроссмейстеры Котов, Флор и Лилиенталь, а также мастер Толуш, и был первым. Затем в марте 1946 года его самого отправили играть вне конкурса в чемпионате Грузинской ССР, где он также вышел победителем. В июне того же года он выступил в составе сборной СССР в радио-матче СССР-Англия. Играя на второй дос-

ке, он набрал полтора очка из двух против мастера Е. Клейна. Тем не менее на крупный международный турнир в Гронингене, состоявшийся в августе 1946 года, несмотря на то, что он имел персональное приглашение, его не послали.

Можно считать, что он был полностью реабилитирован только в 1947 году, когда в феврале принял участие в XV первенстве СССР и занял первое место, на очко опередив И. Болеславского.

Примечание:

Как часто в жизни радостные события перемежаются с печальными. В самом конце апреля 1975 года состоялась торжественная коронация нового чемпиона мира, а в начале июня из Таллинна пришло сообщение о смерти Пауля Кереса.

Он возвращался из поездки в Канаду на международный турнир. Прибыв в Хельсинки, договорился с капитаном эстонского судна, направлявшегося в Таллинн, о том, что ему будет предоставлена каюта. Но его напрасно ждали - в тот же день Пауль Петрович попал в госпиталь, где скоропостижно скончался. Врачи констатировали инфаркт. В цинковом гробу тело выдающегося гроссмейстера было отправлено на Родину.

Я находился в Ростове-на-Дону, открывая детские всесоюзные соревнования “Белая ладья”, когда мне вручили телеграмму из Спорткомитета с сообщением о смерти Кереса и указанием отправиться в Таллинн на его похороны.

Вернувшись в Москву, я немедленно вместе с Батуриным и Спасским вылетел в столицу Эстонии.

На похоронах Кереса я смог убедиться во всенародной любви эстонцев к их знаменитому земляку. Казалось, весь Таллинн вышел на улицу, чтобы проводить его в последний путь. Все были в трауре, все оплакивали его преждевременную кончину...

Пауль Петрович не дожил до шестидесяти лет. Элегантный, всегда подтянутый, он был признанным авторитетом и пользовался всеобщим уважением.

Последние годы Керес часто болел, чувствовал себя неважно. Тем не менее на крупном международном турнире в Будапеште в 1970 году он стал победителем, хотя добрую половину соревнований провел в постели и ряд партий играл у себя в номере гостиницы.

В нашем кругу его звали “везунчиком”. Когда в 1952 году в Вороново команда шахматистов дружно отправилась на рыбную ловлю, только он оказался удачлив, причем подцепил рыбу крючком за жабры. Когда в 1957 году во время чемпионата Европы в Бадене мы посетили местное казино, в выигрыше оказался только Керес. Помню, как однажды в самолете, ког-

да мы летели через океан, стюардесса предложила пассажирам отгадать число спичек в коробке. Победителем, конечно, оказался Пауль Петрович.

А вот в шахматах ему фатально не везло. Как никто другой, Керес заслуживал права сыграть матч на первенство мира, но пробиться через частокол претендентов так и не смог, хотя четыре раза был вторым в матч-турнирах кандидатов на мировое первенство. Каждый раз его опережали представители более молодых поколений - Д. Бронштейн, В. Смыслов, М. Таль и Т. Петросян.

Когда Кереса не стало, Ботвинник признал: “Конечно, Паулю не повезло в его шахматной карьере. В другое время, вероятно, он стал бы чемпионом мира”. Что Михаил Моисеевич подразумевал под “другим временем” остается только догадываться.

P.S. Дорогой Юло!

Я только что сдал в издательство “Рипол-классик” рукопись книги под названием “О чем молчат шахматные фигуры”. О Кересе я рассказываю в двух главах. Оба материала я Вам посылаю.

Для справки: Н.Н. Романов - в 40-50-ые годы - председатель Спорткомитета СССР.

С уважением

Ю. Авербах

Москва - Таллинн (по факсу)

23.01.2006

ЛАРИСА
ВОЛЬПЕРТ
КАК
ТОНКА
БЫЛА
НИТОЧКА

В первую минуту встречи Виктор Корчной подарил мне вышедшую в 2006 году книгу “Шахматы без пощадь. Мемуары шахматиста”, сопроводив дар надписью: “Милой Ларисе, моему учителю словесности, моему наставнику в политике...” Но и я “не лыком шита”, у меня был тоже заготовлен подарок - только что вышедшая монография “Лермонтов и литература Франции (в Царстве Гипотезы)*. Увидев название, гроссмейстер (без запинки!) начал читать “Мцыри” и читал бы долго, если бы я не прервала декламацию своей надписью: “Дорогому Вите, лихо читающему наизусть “Мцыри”, лучшему на земле Капитану Команды, которым я не устаю восхищаться”. Признаться, комплимент *учителя словесности* я мало заслужила (“подправила” пару раз стиль его комментариев), а вот *ментора в политике* может быть и “да”: в молодости он мало интересовался общественными проблемами и явно нуждался в “просвещении”.

Так, получением ценного подарка с лестной надписью почитаемого чемпиона начались для меня дни кересовского Форума, дни праздничного общения и неожиданных встреч, о которых нельзя было и помыслить даже в самых радужных снах. Многих гроссмейстеров (Глигорич, Матанович, Ивков, Олафссон, Унцикер) я не встретила 50 лет, других (Жарпов, Авербах, Сосонко) - 12, от-

---

* Доктор филологических наук, профессор Тартуского университета Лариса Ильинична Вольперт (30 марта 1926) к своему юбилею всем нам преподнесла подарок: в начале года вышел из печати ее фундаментальный труд “Лермонтов и литература Франции” (Таллинн, Фонд эстонского языка). Не менее известна Лариса Вольперт-шахматистка, трижды чемпион СССР среди женщин, участница соревнований на первенство мира, международный гроссмейстер. Поздравляем! Здоровья и творческих побед!

Милой Ларисе
моему утешению
совести, моему
раскаянию, в политике
с котлетами железного
здоровья
Владимир
5.1.06

носительно недавно я видела лишь “ленинградцев” - Корчного и Тайманова. Хотя программа была предельно насыщенной - “крутой” семинарий (12 докладов за один день), приемы в Ратуше (особенно приятно было увидеть там эстонских ведущих шахматистов и тренеров), у Президента (он выступил инициатором создания торжественной медали Кереса для лауреатов разных стран), у министров (самый вкусный обед был у министра Культуры), культпоход в Оперу на “Кармен” (директор театра после спектакля одарил нас интереснейшей экскурсией по зданию), время для воспоминаний, расспросов, рассказов, шуточных и нешуточных историй жизни все же “выкраивалось”, и это было немаловажной и увлекательной особенностью праздника.

Лично для меня одним из самых важных моментов Форума было все то, что касалось двух имен: Кереса и Корчного. Керес для Корчного всегда значил очень много: он восхищался его игрой, неповторимой личностью и глубоко сочувствовал его судьбе. Политическое “прозрение”, может быть, началось для Виктора именно с осознания трагизма судьбы Кереса, с *открытия* трагической и фатальной зависимости гениального художни-

ка от беспощадного Молоха (отсюда и название книги “Шахматы без пощады”). Из выступлений на семинаре я впервые узнала, как близок был к гибели выдающийся эстонский шахматист и как тонка была ниточка, связывающая его с жизнью (замечу в скобках - фактологический материал некоторых докладов был весьма информативен и ценен). Сам Керес, славившийся удивительной скромностью, избегал хоть одним словом упомянуть о себе как о “мученике”. “Он обходил эту проблему полным молчанием”, - подчеркивает Вальтер Хеуэр в недавно вышедшей в русском переводе замечательной книге “Пауль Керес”¹.

Жизнь Корчного в какой-то момент тоже оказалась под угрозой (он убедительно раскрыл в своих “Мемуарах” опасность возведенного над ним *Дамоклова меча*); мне вообще представляется чудом, что ему удалось спастись. Но это все произошло *после* “невозвращения”, а *до того* (после первого матча с Карповым), когда власти подвергли его остракизму и многие от него отступились, именно Керес оказал ему поддержку, пригласил его в Эстонию; примечательно, что только здесь осмелились опубликовать партии травимого гроссмейстера. Корчной “остался” в Европе через год после смерти Кереса, и можно быть уверенным, что последний никогда не подписал бы позорного письма, осуждающего “невозвращенца” (как не подписали его Ботвинник и Гулько), хотя для эстонского гроссмейстера “непослушание”, возможно, было бы чревато более тяжкими последствиями, чем для Бориса Гулько.

В книге Виктора Корчного “Шахматы без пощады”, начинающейся с прекрасного вступительного слова Владимира Войновича, на примере тайных материалов из архивов ЦК раскрываются удивительные вещи: могучий и всевластный орган, управляющий огромной страной, на своих заседаниях всерьез занимался вопросом судьбы семейства Корчных: как побольнее отомстить “сбежавшему” гроссмейстеру, как не выпустить имеющую вызов из Израиля жену Виктора Беллу, как посурнее наказать уклоняющегося от армии сына Игоря Корчного. Автор приводит поразительные документы - протоколы заседаний ЦК. “Как тебе удалось их раздобыть?” - “Очень просто. Мне предложили их купить” - “Сегодня и это продается?” - “Как видишь”.

---

¹ В книге, вышедшей в 2004 г. в издании “Олимпия - Пресс” почему-то не указана (непростительная оплошность!) фамилия переводчицы - Сильви Салупере - вложившей в перевод немалый труд и профессионализм.

История - как “раскручивалось” дело о призыве в армию Игоря - сама по себе характерна и поучительна. Ему пообещали, что если он отчислится из Политеха (там давали отсрочку), ему в институте выдадут необходимые для отъезда в Израиль документы; он подал заявление, и ему тут же прислали повестку о призыве. Понимая, что в случае службы в армии его уже никогда не выпустят (мол, он *знает секреты*), Игорь решил на крайнюю меру - *пустился в бега*.

Осенью 1978 года в нашем доме раздался звонок. “Это я, Белла, можно привезти к вам Игоря?” - “Мой ответ ты знаешь, но надо спросить у Павла... подожди! ... Ты слышишь? ... Приезжайте!” И вот временно у нас началась “новая” жизнь - *втроем*. Игорь прожил у нас первый раз больше месяца, был активен и старался не унывать. Каждый день он бегал по Таллинскому шоссе 10 км (“сбивал жир”), часто ездил к рынку, где нанимали “подрабатывать на картошке” (там не спрашивали паспорт), слушал музыку (он “открыл” нам песни Джо Дассена) и однажды спросил меня: “Можно я буду ходить к Вам на лекции?” - “Игорь, у нас женский монастырь. Мои *пинкертони* в юбках на второй день тебя “вычислят” (в свои 19 лет он был копией отца, только пониже ростом).

В книге “Шахматы без пощады” есть глава “В руках инквизиции”, написанная самим Игорем, в ней небольшой фрагмент посвящен его жизни в нашем доме. Приведу из него абзац.

“Жил я в рабочем кабинете хозяина дома, где все стены заполняли книги - проза, поэзия, история. Протянешь руку - тут тебе и Пастернак и Ахматова. Заодно я еще бессовестно пользовался тем, что хозяин, Павел Семенович Рейфман, был вынужден заходить в свой же кабинет. Слово за слово - и получалась не менее чем часовая беседа (скорее, монолог, так как я, разинув рот, слушал) об истории российского и советского государства, политике, журналистике и цензуре. Лариса Ильинична, заядлая пушкинистка, тоже с удовольствием просвещала заезжего неуча разговорами о Пушкине, Стендале и связях русской и французской литературы”.²

Позже, через несколько месяцев после отъезда, он снова приехал к нам, но, увидев однажды во дворе чер-

---

² Корчной Виктор. Шахматы без пощады. Мемуары шахматиста. Секретные материалы Политбюро, КГБ, Спорткомитета. М., 2006. С. 287. На этой странице помещено примечание В. Корчного: “С Ларисой Вольперт я советовался перед бегством из СССР в 1976 году”.

ную “Волгу” (это была совершенно *искренняя и невинная* машина), в тот же вечер уехал в Москву, где его и “взяли”. А у нас через некоторое время позвонили в дверь. Павел Семенович открыл... стоят двое. - “Игорь Корчной у вас живет?” - “Нет” - “А жил?” - “Жил” - “Сколько времени?” - “Несколько недель” - “Почему?” - “Его мать - подруга моей жены, привезла его к нам подлечить ходьбой от неправильного обмена” - “Жена дома?” - “Нет, она на командном первенстве Эстонии в Пярну” - “А где обитает сейчас Игорь?” - “Не знаем”. Последнее было чистой правдой. Павел Семенович даже не пустил их в дом, да они и не рвались, видно было, что они не очень рьяно настроены, не “их” дело (у них “своих” непроворот); просто, видимо, ленинградские “коллеги” обратились за помощью (Игорь *числился* за ними), и надо было грамотно “отписаться”. На этом “наша” история закончилась, а Игорю предстояли тяжелейшие (тоже навис Дамоклов меч) два с половиной года тюрьмы.

На Форуме мы с Виктором Корчным вспоминали матч “СССР - Югославия” в Киеве (май 1959), где мы трое (Керес, он и я) выступали в составе сборной команды Советского Союза. В тот момент даже в самом фантастическом сне невозможно было предвидеть будущее: Киев... больше не входит в Россию, Корчной - швейцарский подданный, Эстония - свободная страна (я - ее гражданка), а Пауль Керес, такой сильный, спортивный, прекрасный теннисист, от ударов судьбы и пережитых потрясений умрет (сердце не выдержит!) в возрасте пятидесяти девяти лет.

В центре бесед с Корчным была его книга (от меня требовалось ее прочесть за две ночи, увы! - я успела “одолеть” лишь половину). Но было много и других интересных разговоров. Например, Матанович очень живо интересовался философией истории (от Древнего Рима до сегодняшнего дня), каждый день за завтраком мы обсуждали эти проблемы (замечу в скобках, что и он восхитил меня, “с ходу” прочтя наизусть несколько строф из лирики Лермонтова). Спасский был мне интересен своей концепцией личности Ботвинника, в докладе он пронизательно раскрыл ее специфику, соответствующую эпохе, но, как мне кажется, Борис мог бы глубже рассмотреть его сильные стороны (исключительно ответственное отношение к шахматам, полное неприятие всякой “халтуры”, черты истинного *творца*). С Сосонко мы обсуждали тайну происхождения Лермонтова (тра-

гическую историю ранней смерти его матери и причину враждебного отношения бабушки к отцу). Авербах увлекательно рассказывал о своих многочисленных шахматных “разысканиях”. Для меня была крайне интересна и “детская” тема; мне очень хотелось подробнее рассказать молодого папу Марка Тайманова о близнецах, о том, как они с Надей “справляются” и взглянуть на их фото. Эта тема оказалась актуальной и в беседе с Карповым. Надо было видеть, с каким воодушевлением он рассказывал о страстной увлеченности своей маленькой дочке балетом (что подтверждает отличная фотография). Словом, все как бы понимали фантастичность самой идеи встречи тех, кто был лично знаком с Кересом и играл с ним в одних и тех же турнирах, все осознавали невозможность повтора такого события. Оно стало возможным, благодаря любви к Кересу целого народа. Общение было одной из самых больших радостей праздника, и подарила (щедро!) всем эту радость - Э с т о н и я.

***

От редакции:

В книгу выдающегося шахматиста Виктора Львовича Корчного “Шахматы без пощады”, которая уже не раз упоминалась, включена главка “В руках инквизиции”, написанная его сыном Игорем.

О том, что при первой же возможности он не вернется в СССР, Виктор Львович не делился ни с кем, кроме сына. Это случилось в 1976: Корчной улетел на матч, в Амстердам, а после турнира попросил в Голландии “политического убежища” (узнав накануне у партнера, как пишется это выражение). Судьба семьи Корчного тоже повисла на “тонкой ниточке”. В течение трех лет, до ареста весной 1979 года, Игорь Корчной, ожидая разрешения на выезд за границу, к отцу, скрывался от призыва в армию. Вот как он сам рассказывает об этом теперь в отцовской книге “Шахматы без пощады”.

“Многие считали решение отца остаться на Западе вот так, с бухты-барахты, весьма рискованным для семьи. Другие утверждали, что можно было бы уехать тихо, официально, всей семьей - в обмен на отказ от участия в претендентском цикле 1976 - 1978 годов. При подаче документов с нас взяли подписку: мы уведомлены, что при выезде из СССР мы теряем советское гражданство. Подписывая бумажку, мать расплакалась. Выходя из ОВИРа, я ей сказал: “Зря ты так! Не плакать

надо при потере советского гражданства, а радоваться! Сама поймешь, когда будем уезжать!”

Пока суть да дело, начали учить немецкий. Отец остался в Голландии, но потом переехал в Германию - в любом случае, немецкий не помешает.

Пессимисты оказались правы. После нескольких месяцев ожидания пришел вызов в ОВИР. Сидевшие там ответственные товарищи сообщили, что нам в нашей просьбе отказано. “Почему?” “Ваш отъезд нецелесообразен”. “Что же теперь делать с институтом, из которого пришлось уйти? И с армией?” “Пусть сын осудит отца в прессе, откажется от попыток покинуть Советский Союз - и мы с радостью примем его обратно в институт. Иначе - уввы. Ведь желание учиться в системе высшего образования нашей страны несовместимо с желанием ее покинуть”. “А то, что теперь грозит призыв в армию - это совместимо с желанием покинуть страну?” Ответственные товарищи развели руками. Ведь в этом и состоял их замысел. Из института в то время в армию призвать было нельзя. Армия же закрывала путь к отъезду. Было очевидно, что разыгрывалась простенькая комбинация: после армии навесить секретность и надолго закрыть возможность эмиграции. Не подкопаешься: секретность - она и в Африке секретность!

Осенний призыв 1977 года я проскочил. Теперь, когда появилось много свободного времени, начал учить английский. Германия Германией, а ехать надо в Штаты! Стал ходить в группы “погружения”, читать бестселлеры на английском (сначала со словарем, затем довольно быстро - без). К весне 1978 с английским все было в порядке.

В мае 1978 года грянуло: меня вызвали в военкомат и вручили повестку. Оставаться дома было нельзя - а вдруг придут и силой потащат на призывной пункт? За последний год среди наших друзей и знакомых появились отказники, годами ожидающие разрешения на выезд из СССР и знающие все “приколы” властей.

Игра в прятки началась в самом Ленинграде - скрывался я у знакомых сначала в Купчино, потом - на Выборгской стороне. Главное было - не появляться на Васильевском острове, где я жил. Искали меня, похоже, без особого усердия. В июне я даже решил снова навеститься домой. В ту же ночь раздался звонок из Швейцарии. Отец - ну как не поговорить! На всякий случай, сразу после этого я опять ушел из дома. А в пять часов утра, по рассказам матери, в нашей квартире раздался звонок: пришли из военкомата. За домом следили.

Через несколько дней мы с бабушкой уехали в деревушку в Латвии, от греха подальше. В июле 1978 года в Багио начался матч на первенство мира по шахматам, и я по вечерам, выходя на прогулки, слушал сообщения о нем по Би-Би-Си, прижав к уху коротковолновый приемник.

Позже я переехал в Эстонию, в университетский город Тарту. Там я провел месяц с небольшим у наших друзей, преподавателей тартуского университета. Супруга, Лариса Ильинична Вольперт, была трижды чемпионом СССР по шахматам среди женщин, входила в сборную Союза. Когда-то они вместе с отцом играли в одной команде, много общались на шахматной почве, и мать, перебирая возможности спрятать меня, не ошиблась.

<...>

В Тарту я чувствовал себя как бы немного на Западе. Многие говорят не по-русски, да и атмосфера не такая совковая, как в остальной стране.

Наконец, приехала мать, и мы стали собираться в Москву. Павел Семенович посоветовал дать пресс-конференцию для западных СМИ, сообщил адрес своего московского знакомого, Жени Габовича...”

...Никакие ходатайства не помогли. “Воронок”, Кресты, пересыльная тюрьма, уральский лагерь... Освободился Игорь в мае 1982, а в июне им с матерью дали разрешение на выезд. Но до этого был еще один интересный эпизод. В военкомате, куда Игорь пошел за нужной справкой, “на вид приличный мужик” снова вручил ему “повестку в армию на ноябрь месяц”. Объяснил ему Игорь, что уже за отказ отсидел, дважды за одно и то же не судят.

“Мужик, казалось, сильно разнервничался, разорался: “Ах, ты, такой-сякой, не хочешь в армию? Так мы тебя в бараний рог скрутим! Моя бы воля - я бы вообще таких, как ты, расстреливал! А преступление-то уже новое - вот и рецидив!” Поорал, поорал, увидел, что на нас никто не оборачивается, и, перейдя на шепот, сказал: “Я на днях слушал интервью вашего отца по “Голосу Америки”. Надеюсь, скоро вы сможете уехать в США. Желаю удачи”...

Мария Керес, дочь Кадрин и Юрий Львович Авербах.

Бывшие ленинградцы, а ныне граждане трех разных государств Виктор Корчной (Швейцария), Борис Спасский (Франция), Марк Тайманов (Россия).

Символ зимы и чуда - звездой беспризорной в зените.
Город в просвет новогодний снижается боингом круто.
Башни в ознобе - вирус глобального потепления.
Плоского архипелага кашель и всхлип бесполезный.
Белёсую статую - ферзя из уже продутой

шахматной партии - сетью сковали мороси нити.
Добрая четверть века, как Рубикон за спиною.
Колючий изгиб горизонта, прищур жалюзи украдкой.
Капля зрачок расширяет, в гортани першат осадки.
За углом, где мерцает реклама безлюдной киношки,

спускаешься не спеша в уикэнда густую прозу.
Это не родина - здесь не сыщешь латинского Salve
перед порогом. Паркет под ногой беглеца крошится
как ледяная шуга. Витраж югендстильный, лица
клиентов окрасив лиловым и розовым, служит славе

бара. Хрусталь, зеркала, паруса скатертей, бронза,
липовый мрамор. (Как там у поэта?) На ту же
придя Пятьдесят Вторую, сидишь, утрашён, одурманен,
трясёшься над рюмкой, покуда снежинки грязные мягко
метят крестами эру, что к мезозою всё глубже -

глубже, чем погружалась тогда, при поэте, - стремится.
Неописуемый запах смерти стоит, оскорбляя
черный сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь - покамест
хватит - на сотню блоков высясь над месивом камня,
скрученной стали. Прахом стала гордыня былая.

Томас Венцлова - литовский поэт, профессор Йельского университета (США).

**Жара возвращает к истокам. Войны первичнее мира,
воды древнее почвы. Льдов Арктики на поверку
довольно, чтоб море пожрало пусть не материк, но ту же
глыбу Манхэттена. Самую малость бензина нужно
на радужку, мускул, на кожу башни и человека.**

**Где-то в палатке нищенской юноше снятся всё те же
славные игры - пламя и самолёты. В оном
он не повинен - иной судьбы он не ведаёт. Это
мы его сотворили. Настала пора ответа.
По полу в дыму жетон на метро со звоном
скачет в расплав Геркуланума, словно сестерций.**

*Перевел с литовского
Виктор КУЛЛЭ
Москва*

Стихи и прекрасная музыка, изысканность во всем, что его окружает, - таков образ жизни гроссмейстера Виктора Корчного, который проживает сейчас в Швейцарии. Однако столь идиллической жизнь у бывшего “врага народа” была не всегда.

Виктор Корчной, производящий впечатление очень общительного человека, согласился по предварительной договоренности дать интервью только одному изданию, газете Postimees, с разрешения которой оно появляется и в нашем спецномере. Но и это короткое интервью удалось взять лишь в аэропорту, так как 74-летний импозантный господин должен был уехать до окончания турнира, посвященного памяти Пауля Кереса.

Корчной одновременно сдавал багаж, инструктировал по поводу обмена денег свою жену и спокойно отвечал на вопросы Тыну КЕЭСА. Оказалось, что в семье Корчных, как принято было у дворян, супруги обращаются друг к другу на “Вы”.

- Господин Корчной, в своей последней книге, в которой говорится о постыдных моментах в шахматном спорте, вы раскритиковали практически всех звезд того времени, пожалев лишь Пауля Кереса и Фридрика

Виктор Львович Корчной родился 23 марта 1931 года в Ленинграде. Четырехкратный чемпион СССР. К 75-летию одержал еще одну победу: изданы его мемуары о том, как все было...

Олафссона. Отчего такая доброжелательность по отношению к Кересу?

- Наши шахматные отношения были очень хорошими - первую нашу партию я проиграл в пух и прах, после этого мне в течение двадцати лет не удалось сыграть с ним ни разу. В 1966 году в Таллинне Керес вновь выиграл великолепную партию. О личных отношениях можно рассказать так много, что сначала я должен подумать. Когда в 1974 году вся верхушка власти СССР была настроена против меня и обязала всех мастеров помогать Карпову, Керес единственный протянул мне руку помощи. Он прислал телеграмму, в которой предложил сотрудничество. Я мягко отказался, потому что находился под сильным влиянием Кереса как шахматиста. Я боялся, что если так пойдет и дальше, то в финальном матче претендентов на титул играть будет он, а не я. Возможно, я поступил неправильно.

После матча с Карповым в 1974 году власти решили наказать меня. Я не вписывался в рамки поведения советского гражданина ни на родине, ни тем более за границей. Меня прижимали со всех сторон, не давали соревноваться. Повторяю, единственный, кто пытался мне помочь, был Керес. Он и Иво Ней прислали мне в 1975 году приглашение на международный турнир в Таллинн. За этот "промах" им здорово досталось от спортивного комитета СССР, а в Таллинн меня, конечно, не пустили. Я могу привести много таких примеров. В начале 1975 года Керес и Ней издали книгу, в которой опубликовали 25 партий, сыгранных Фишером, Ларсеном, Спасским и Корчным. Это был настоящий подвиг, за который издателя вполне могли посадить. Тогда в Советском Союзе не признавали никого, кроме Карпова.

- Наверное, ваша судьба и судьба Кереса в чем-то схожи - в условиях государственной диктатуры вы оба не получили титула чемпиона мира .

- Я уверен, что если бы в 1944 году Керес прислушался к совету друзей и эмигрировал в Швецию, то он стал бы чемпионом мира. Пару дней назад, на коллоквиуме, посвященном 90-й годовщине со дня рождения Кереса, много говорилось о том, насколько яро он любил шахматы. Но мне кажется, что на самом деле Керес любил родину больше, чем шахматы, в противном случае он стал бы чемпионом.

Примерно то же самое произошло и со мной. В 1965 году на турнире в Германии мне предложили остаться на Западе, пообещали вначале поддержку и так далее. Но,

как и Керес, тогда я еще не созрел для такого решения и дипломатично отказался. В 1976 году я все равно уехал и очень сожалел об этих одиннадцати годах. Я понял, что если бы я уехал раньше, то стал бы чемпионом мира.

- Вашей супруге позволили эмигрировать лишь в 1981 году, сыну перед выездом из СССР пришлось немало испытать. Вы когда-нибудь жалели о том, что не вернулись с амстердамского турнира?

- Нет, это был настолько вынужденный шаг, что невозможно было его не сделать. Как я уже сказал, было бы лучше, если бы я уехал раньше.

- Ваши титульные матчи с Анатолием Карповым в 1978 и 1981 годах стали передовой линией “холодной войны”, где противостояли враг народа Корчной и СССР. Соответствует ли действительности, что победить в напряженной борьбе Карпову помогали колдуны и маги?

- В первую очередь, Карпову помогали партия и правительство, ради его успеха делалось все возможное. Это правда, что Карпов был клиентом находящегося неподалеку от Москвы института парапсихологии. В институте, в котором, помимо прочего, готовили к испытаниям и космонавтов, на стене висел лозунг: “Поможем Карпову стать чемпионом мира!” Но, кстати, и ко мне приходили маги и предлагали свои услуги.

- Ваше противостояние с Карповым было столь велико, что вы остались злейшими врагами в истории шахмат. Вы и теперь ненавидите друг друга или старое позабыто?

- Носить камень за пазухой - это несовместимо с христианской моралью, и я пытаюсь найти в Карпове положительные черты. Но это не так просто. Сейчас, в Таллинне, Юло Туулик спросил, почему мы не можем договориться, ведь оба разговариваем по-русски. Да, разговариваем, но не понимаем друг друга!

- Часто ли вы вспоминаете прошлое и переживаете ли из-за того, что тоталитарный режим не дал вам полностью реализовать себя?

- Нет, я так не думаю. Позднее ругали и Каспарова, однако он вступил в борьбу с Карповым. В титульном матче 1985 года Каспарову пришлось нелегко, когда он проиграл со счетом 0:5. Однако он оказал сопротивление и в конце концов сумел сломать Карпова. Я не был чудо-ребенком, развивался медленно. К тому моменту, когда раскрылся, я уже успел потратить много энергии впустую. А кроме того, у меня есть черты характера, которые не присущи

чемпиону мира. Например, я не слишком усердно записываю партии. Труднее всего бороться с самим собой.

- Как часто вы сейчас играете на турнирах?

- Моя жена на пенсии, и меня тоже вынудили уйти на пенсию. Но я не спешу, продолжаю соревноваться. Меня приглашают на турниры чаще, чем молодых шахматистов, и я все приглашения принимаю с благодарностью. Мне жаль, что сейчас в Таллинне не удалось сыграть. Я сам виноват, так как не заявил об участии заранее.

- Не думали ли вы о возвращении на родину?

В Западной Европе средняя продолжительность жизни на 12 лет больше, чем в России. В России мне даже не с кем было бы поговорить - людей моего поколения там просто больше нет. У меня никогда не было много хороших знакомых. Большая часть из них уехала из СССР...

- Чем, кроме шахмат, вы занимаетесь сейчас?

- В своей автобиографической книге я пишу, что примерно в одно время начал заниматься тремя вещами - игрой на фортепиано, мелодекламацией и шахматами. Для покупки пианино не было денег, да оно бы и не поместилось в маленькую квартиру. А для мелодекламации у меня не очень хорошая дикция, поэтому остались только шахматы. Я знаю на память много стихов, на фортепиано, правда, не играю, но очень люблю музыку. Каждому свое! Например, для моего сына, живущего сейчас в Лозанне, шахматные фигуры остались всего лишь игрушками.

- Оглядываясь назад, считаете ли вы себя счастливым, потому что выбрали тернистый путь шахматиста?

- Недавно в Москве мне задал такой же вопрос один известный тележурналист. Я ответил, что не согласен с таким определением, так как у счастливого человека нет будущего.

ЮЛО
ТУУЛИК
ЖЕРТВА
ПЕШКИ,
или
ИВО НЕЙ С РУССКИМИ
ПРОТИВ
РОБЕРТА ФИШЕРА

Во второй половине прошлого века юный шахматный гений из Америки Роберт Фишер внес своим появлением тревогу и переполох в казавшееся вечным владычество русских в мире шахмат.

Чемпион мира Александр Алехин, чей титул после выигрыша турнира АВРО-1938 получил законное право оспаривать Пауль Керес и с кем на тот же предмет вел тайные переговоры Михаил Ботвинник, покинул сей мир в скромной гостинице заштатного португальского городка Эшторила в конце марта 1946 года.

Пятеро ведущих гроссмейстеров того времени - Ботвинник, Смыслов, Керес, Эйве и Решевский - решили судьбу оставшегося без владельца чемпионского титула в двухкруговом матч-турнире Гаага-Москва 1948, завершившемся увенчанием Михаила Ботвинника лавровым венком нового чемпиона мира.

В дальнейшем матчи на звание чемпиона мира стали внутренним делом русских - так называли на Западе всех живших в Советском Союзе гроссмейстеров независимо от национальности: официальная журналистика социалистического государства шизофренически избегала слова *еврей*, вследствие чего газета "Правда", к примеру, чтобы отметить дружный многонациональный состав советской шахматной сборной, прибегала к таким выражениям: "...эстонец Пауль Керес, армянин Тигран Петросян и рижанин Михаил Таль". Между тем

именно евреи выдвинули подавляющее количество выдающихся шахматистов, и гены этого талантливой и целеустремленного народа определили, видимо, особый дар и Роберта Фишера. Чемпионами мира в послевоенное время (с общим названием “русские”) становились: Ботвинник, Смыслов, Таль, Петросян, Спасский. Эта блестящая плеяда запечатлелась в памяти и многих поколений эстонцев, поскольку в жестокой и равной борьбе именно с ними вошел в историю и Пауль Керес - как Вечно Второй, так и не ставший чемпионом мира...

У социалистической державы в общем-то было не так уж много козырей, чтобы доказывать свое неоспоримое превосходство перед Западом: всеобщая грамотность, бесплатное образование и бесплатная медицинская помощь, всеобщая трудовая занятость, атомное оружие и дружба народов. Плюс титул чемпиона мира в хоккее и шахматах. Редкие неудачи хоккеистов переживали как национальную катастрофу, шахматисты же вообще не подводили никогда. И тут появился Фишер.

Напомним вкратце, что Роберт Фишер (р. 1943) стал чемпионом США в 14 лет, гроссмейстером в 15, а с 16 лет стал профессионально выступать у себя дома и за рубежом. Несколько экстравагантное поведение молодого человека - исходившее из его исключительной преданности шахматам - обеспечило ему долгую и громкую известность.

Этому юноше и суждено было вернуть шахматную гегемонию Соединенным Штатам - Ройбен Файн, разделивший с Паулем Кересом победу на АВРО-турнире 1938 года, отказался от дальнейшей борьбы, а стареющего Сэма Решевского покинуло везение.

Юный американец все успешнее сражался с русскими. А что может быть интереснее для всей мировой общественности, чем крушение мировой гегемонии! Он стал героем масс-медиа и важнейшим козырем в политическом соперничестве двух держав. Надо честно признать, что обе эти роли только раздражали Джеймса Роберта Фишера, - весь его мир ограничивался 64-мя клетками шахматной доски, а все, что не касалось его, было для американца пустым, бессмысленным, несущественным.

Чем выше поднимался этот юноша в шахматной иерархии, чем опаснее становился он во встречах с ведущими советскими гроссмейстерами, тем тенденциознее - в духе того времени! - преподносила советская пресса любителям спорта личность Фишера, делая ос-

новой упор на непредсказуемость его поведения, своеобразие, экстравагантность.

Любителям спорта и шахмат в Эстонской ССР крупно повезло - именно к этой эпохе относятся свободные от ангажированности комментарии и эссе на эстонском языке способного шахматиста, знатока истории шахмат и публициста Вальтера Хеуэра. Он не опустил до того, чтобы делать из Фишера карикатуру. Хеуэр ясно и убежденно фиксировал появление новой звезды на шахматном небосклоне.

В 1971 году Роберт Фишер один за другим выигрывает матчи отборочного цикла у Марка Тайманова (6:0), Бента Ларсена (6:0) и “железного” Тиграна Петросяна (6,5:2,5) и завоевывает право играть матч на звание чемпиона мира с Борисом Спасским.

Первым получил порку за недопустимо слабую игру против Фишера Марк Тайманов. Сам шахматный патриарх Михаил Ботвинник лично и по-отечески руководил подготовкой Тайманова к дуэли, и сухой счет в матче оказался не только позорным провалом последнего в единоборстве, но и удостоился соответствующей официальной оценки со стороны председателя шахматной федерации СССР Д. Постникова: “Счет матча Фишер-Тайманов вызвал всеобщий ажиотаж и огромное недовольство нашей общественности. Такого позора советские шахматисты раньше не знали!” Возвращавшегося с матча гроссмейстера, до тех пор беспрепятственно ездившего за границу, обыскали на советской таможене и изъяли у него письмо Макса Эйве гроссмейстеру Сало Флору, 1100 гульденов, и - надо же! - книгу известного противника режима А. Солженицына. За это Марка Тайманова лишают звания заслуженного мастера спорта, отчисляют из сборной СССР и в течение двух лет не выпускают за границу на турниры.

С крупным счетом 2,5:6,5 проигрывает Фишеру и Тигран Петросян в финальном матче претендентов в Буэнос-Айресе. Экс-чемпион мира смущен, но его прошлые заслуги столь велики, что публичного шельмования он избегает.

Таким образом, симпатичный и элегантный 34-летний Борис Спасский остается последним бастионом и последней надеждой советских шахмат и всей советской системы.

Спасский составляет программу подготовки, которая должна понравиться Шахматной федерации СССР. По совету (или по приказу?) высших спортивных чиновни-

ков он в феврале 1971 года представляет программу на одобрение (утверждение) секретарю ЦК КПСС П. Демичеву, курирующему спорт и культуру. В документах Спасский подчеркивает строгую секретность всего процесса подготовки к матчу. Кроме вопросов чисто шахматной и общефизической подготовки, он просит у партийного босса улучшить ему жилищные условия. Все расходы так или иначе несет государство, но стипендию Спасского увеличивают с 1 сентября 1970 года до 500 рублей в месяц, что сравнимо с окладом министра Российской Федерации.

Консультативный совет таков, что более солидного по тем временам трудно и придумать, - Ботвинник, Смыслов, Петросян, Таль, Авербах, Корчной, Керес, Котов. Пять действующих шахматистов, относящихся к абсолютной мировой верхушке, - Керес, Корчной, Петросян, Смыслов, Таль - по просьбе помощников Спасского пишут свои авторитетные соображения о Фишере как человеке и шахматисте. Гроссмейстеры единодушны в одном - чисто творчески, прежде всего в середине игры - преимущество следует отдать Спасскому, однако в расчете конкретных вариантов Фишер сильнее. "Фишер хороший практик, но не импровизатор", - пишет Смыслов. Говоря задним числом, Спасскому и его тренерам следовало бы прислушаться к самому жесткому анализу, представленному всегда бескомпромиссным Виктором Корчным.

Признано, что долгое время Спасский был едва ли не сильней других в середине игры, в поиске неожиданных решений и жертв, в перехвате инициативы и отыскании неожиданных продолжений, утверждает Корчной, но в то же время знания Спасского в теории дебютов ниже знаний среднего гроссмейстера. Обожаемый широкой публикой, молодой и элегантный, Спасский в ближайшем кругу известен своими смелыми и независимыми мнениями, невзирая на обычаи тоталитарного режима, а с другой стороны, в отличие, скажем, от Петросяна, явно предпочитает удобства упорному труду, надеется на свой природный талант и цветущее здоровье. Министр спорта Сергей Павлов буквально жалуется в своем секретном письме ЦК КПСС 7 июля 1971 года: "...из-за трудного детства и недостатков воспитательной работы он нередко относится некритически к своему поведению, позволяет недопустимые выражения, нарушает спортивный режим, не проявляет здорового усердия".

В последние десять лет Бориса Спасского довольно успешно “держал в узде” гроссмейстер Игорь Бондаревский, шахматист, когда-то занимавший высокое положение в шахматном мире, а затем ставший строгим тренером-администратором. Он, как говорили, пользовался в те годы особым доверием тогдашнего режима. Теперь же мудрый стратег Бондаревский отходит в сторону - этот опытный человек хорошо видит безжалостную мощь Фишера, его превосходство над своим слабохарактерным воспитанником с приятными манерами.

Состав назначенного властями тренерского совета при Борисе Спасском удивляет даже знатоков - это гроссмейстер Ефим Геллер, кандидат психологических наук гроссмейстер Николай Крогиус и международный мастер Иво Ней. Как играющий шахматист, аналитик и теоретик, Ефим Геллер в дополнительных рекомендациях не нуждается, поскольку во всех названных компонентах он на высоте. Существенно было и то, что личный баланс партий с Фишером у Геллера, как и у Таля, был положительным - 5 побед, 3 поражения, 2 ничьих. Гроссмейстер Николай Крогиус был одним из помощников Спасского с 1967 года.

И вот здесь мы дошли до нашего человека. Международный мастер Иво Ней - один из самых успешных профессионалов в шахматной жизни Эстонии за последние полвека. Семнадцатилетним школьником он (вместе с Виктором Корчным) завоевал звание мастера, а затем добился заслуженного признания (в том числе и официального) и удостоен Премии Советской Эстонии. Затем Иво Ней год за годом (или когда захочет) выигрывает звание чемпиона Эстонии. Керес продолжает оставаться в мировой шахматной элите, а Иво Ней, благодаря стабильно успешной игре, остается непререкаемым лидером тогдашнего поколения шахматистов Эстонии (Я. Рандвийр, Г. Ууси, А. Арулайд, Х. Кярнер, В. Хеуэр, У. Микков и др.). Он постоянно в центре внимания еще и потому, что на обложке нескольких книг (и в Эстонии, и за рубежом) его имя соседствует с именем Пауля Кереса, а наступивший век телевидения делает его, как ведущего шахматной телешколы, популярным в каждом эстонском доме, где учится передвигать фигурки подрастающее поколение. Весьма к месту приходится целеустремленность и прагматизм Иво Нея, когда в родном городе Пауля Кереса, Таллинне, открывается и успешно действует шахматная школа.

Наивысших успехов в своей карьере Иво Ней добивается в 1964 году; он на турнире в Бевервейке одновременно выполняет норму международного мастера и гроссмейстера, поделив первое-второе места с Паулем Кересом, оставив позади себя таких выдающихся шахматистов, как гроссмейстеры Портиш, Ларсен и др.

Гроссмейстерскую норму, чтобы ее официально утвердили, нужно было выполнить дважды, и Ней, по многим обстоятельствам, до сих пор добиться этого не смог. Однако в СССР, самой сильной тогда мировой державе, его называют самым сильным международным мастером. В те годы в СССР не было гроссмейстера, против которого Ней не осмелился бы выступить, и опасался он, по собственному признанию, лишь одного мастера Семена Фурмана, когда тот играл белыми, а это был тот человек, который воспитал чемпиона мира Анатолия Карпова.

Популярность Пауля Кереса в течение всей его жизни была непререкаема, продолжительна, легендарна. И вполне естественно, что и на Иво Нея, как на эстонца, тоже падает отсвет этой славы, тем более что и он, подобно многим кумирам, всегда воспитан и вежлив, западному элегантно одет и, более того! - играет в теннис и говорит на хорошем немецком.

Базой подготовки для Бориса Спасского и его команды в подготовительный период становится один из Домов отдыха в Подмосковье. Но готовятся они и в Сочи, в Кисловодске, на Кавказе и в других местах.

Молодой Анатолий Карпов, будущий чемпион мира, приглашается в спарринг-партнеры. Со Спасским он сыграл всего лишь одну партию, поскольку, как заявил Спасский, он и так выиграет и считает, что этим силы свои проверил. Карпов вспоминает: “С удивлением я наблюдал за бездействием Спасского. За завтраком он долго пересказывал древнегреческие мифы, которые прочитал перед сном. Затем играли в теннис. Чем только не занимались, только не шахматами... Теория “ясной головы”!”

Матчу Фишер-Спасский предшествуют несколько драматических коллизий, происшедших из-за несговорчивости Фишера, которые в конце концов находят разрешение благодаря мудрости и терпеливости президента ФИДЕ Макса Эйве и еще тому, что Спасский решил непременно сыграть этот матч. Не обошлось, видимо, и без увещаний госсекретаря Генри Киссинджера - пускай юноша отстаивает честь Америки за ее пределами!

Все возрастающие финансовые требования Фишера щедро удовлетворяет английский банкир Джим Слейтер, пожертвовавший в призовой фонд 125 000 долларов, неслыханные для шахмат по тем временам деньги, так что даже скупой на слова Керес, комментируя этот факт, сказал: “За такие деньги можно и на Северном полюсе сыграть!”

Матч в Рейкьявике начинается 11 июля 1972 года. Если, как теперь известно, шесть лет спустя при схватке за шахматную корону Карпов-Корчной в официальную делегацию Карпова входили высшие спортивные чиновники, телохранители, повара, врачи, переводчики, массажисты и тренеры, то в Рейкьявик русские прибывают в составе всего четырех человек - Борис Спасский и его тренеры Геллер, Крогиус и Ней. Потому как во Всесоюзном Спорткомитете Спасский решительно заявил: “Языки я знаю, врачи в Исландии есть, а руководить сами умеем!”

Ефим Геллер при этом как воды в рот набрал, возможности Крогиуса ограничены, а Спасский владеет английским весьма посредственно. Единственный, кто удовлетворительно изъясняется на чужом языке, - это Иво Ней, у него в запасе еще и немецкий. Сколько грустных, смешных ситуаций в роли говорящего на двух языках до сих пор может вспомнить наш международный мастер...

Матч в Рейкьявике начинается победой Бориса Спасского в первой же партии. На вторую партию Фишер не является и, согласно шахматным правилам, получает второй ноль. Дальнейшее напоминает миллионам любителей шахмат во всем мире страдания попавших под тяжелый пресс, которые испытали на себе Тайманов, Ларсен и Петросян. Фишер, с его безжалостной последовательностью, ведет себя во встрече со Спасским буквально как неведомый монстр со слабым, чувствительным человеком. Спокойному, уравновешенному, доброжелательному Борису Васильевичу нечего противопоставить на шахматной доске противнику, его первобытному стилю и безжалостной ясности, столь ярко сформулированной шахматным кудесником Михаилом Талем: “Ты всё понимаешь, что он хочет с тобой сделать, а выхода нет”. Роберт Фишер выигрывает матч в Рейкьявике со счетом 12,5:8,5 и провозглашается 11-м чемпионом мира.

В более широком смысле - прежде всего для тех, кто в шахматы не играл - было неважно, что один гросс-

мейстер победил другого, а было важно то, что Запад одолел наконец русских. Бобби вернулся в Соединенные Штаты триумфатором, национальным героем. Политическое значение его успеха в этот момент было выше чисто шахматного и отныне, как демонстрация силы, стало хроническим. В России и среди русских началось, как водится, выяснение отношений. Никто не осмелился сказать - будь Спасский и в лучшей форме, все равно не смог бы одолеть Фишера. Природный дар оказался слабее против фанатической преданности шахматам.

Спасский отсылает Иво Нея домой еще до финального банкета. Виноваты, разумеется, все, но Иво Ней в этой цепочке самое слабое звено, не пользующееся ничьей поддержкой, он всего лишь мастер да к тому же еще и беспартийный.

Спасский в Рейкьявике был, как говорят, в отличной физической форме и если бы выиграл матч, то и на долю Нея, его партнера по теннису, пришлось бы немалая доля славословий и денежных вознаграждений. А теперь Ней вынужден отдуваться за то, чем и не должен был заниматься, поскольку за чисто шахматную подготовку Спасского отвечали шахматисты выше званием. Главный тренер Ефим Геллер заявил на обсуждении в Спорткомитете, что главная причина поражения чисто психологическая - им не удалось настроить Спасского на тяжелую, бескомпромиссную борьбу. Николай Крогиус (NB! будущий доктор именно психологических наук!) формулирует причины поражения шестью пунктами, в общем схожими с доводами Геллера, причем пункт пятый звучит так: "Не должен был брать с собой этих". Дело он объясняет просто: "Много вопросов возбудило появление Иво Нея в подготовительной группе. Его позвал Спасский, мотивируя это тем, что ему нужен напарник в общефизической подготовке (под этим подразумевался теннис). Но наряду с этим Ней неизбежно участвовал и в обсуждении вопросов внутреннего распорядка и в секретных шахматных анализах. Спорткомитет выразил непонимание такого поспешного и необдуманного решения со стороны Спасского. Но шаг был сделан".

Особенно плохо, по мнению Крогиуса, было то, что Ней никогда во время тренировок не критиковал позицию Бориса Спасского, а наоборот - всегда его поддерживал: "Борис Васильевич, вы совершенно правы!"

Борис Спасский, прямой и смелый в любой жизненной ситуации, мог бы тогда просто и ясно сказать спортивным функционерам, что в Рейкьявике более сильный характер одержал победу над более слабым. Но и он пытается оправдаться недостаточной психологической подготовкой, отсутствием руководителя делегации (то есть отводит прямые удары от себя) и все-таки, все-таки... видимо, и тем, что взял Иво Нея на матч.

Организационные выводы, разумеется, не заставили себя ждать: Борису Спасскому уменьшают стипендию, Николая Крогиуса не выпускают на турнир в Гастинге, а Иво Нею - отдельным распоряжением министра спорта Сергея Павлова - на два года запрещают выезд за границу.

2004

***Перевел с эстонского
Светлан СЕМЕНЕНКО***

P.S. Автором использованы материалы из книги "Русские против Фишера" (РИППОЛ КЛАССИК, Москва 2004).

ДЕСЯТЫЙ ЧЕМПИОН МИРА

РАДИОРАЗГОВОР

Карэн Агамиров: У нас в гостях десятый чемпион мира по шахматам БОРИС СПАССКИЙ.

Вопросы ему задают журналисты Карстен Пакайзер, немецкое информационное агентство РУФО, и Гагик Карапетян, еженедельник “Новое время”.

И в начале, по традиции, краткие вехи биографии нашего гостя. Он родился в Ленинграде 30 января 1937 года. С шахматами познакомился в пятилетнем возрасте в детском доме, где оказался в числе других детей, вывезенных из блокадного города...

Участник состязаний на первенство мира уже с 18 лет, в 1969 году он уверенно - со счетом 12,5 на 10,5 - побеждает Петросяна и покоряет шахматный олимп. А в 1972 году состоялся знаменитый матч с американцем Робертом Джеймсом Фишером, один из самых захватывающих и в то же время скандальных матчей за всю историю шахмат. Фишер безоговорочно проиграл первую партию, не явился на вторую, и Спасский мог взять и уехать домой, - и кто бы тогда посмел объявить американца, терпящего бедствие со счетом 0:2, чемпионом. Но Спасский остался, выказав себя в который уже раз достойным человеком. И пусть он в итоге проиграл, но это как раз поражение победителя. Я сказал “в который уже раз” неслучайно. Это действительно так. Достоинство, здоровая гордость, независимость в суждениях, не свойственная подавляющему большинству советских людей, отличали Бориса с юности. Спасский никогда не был приспособленцем и никогда, ничего и никого не боял-

---

Запись на радио Свобода 26.01.2006, публикуется в сокращении.

ся. И доказал это в который уже раз, согласившись сыграть в 1992 году еще один матч с Фишером в опальной, обложенной международными санкциями Югославии. Кто-то скажет: да им же обоим заплатили серьезный гонорар. Можно ответить: а вы знаете, как Спасский им распорядился? Нет, он не купил себе свечной заводик в Самаре или домик на Лазурном берегу, а приобрел для своей родни и друзей восемь квартир.

Спасский прилюдно заступился за Фишера, которому, как американскому гражданину, угрожала тюрьма за матч в Белграде, и даже предложил посадить себя вместе с ним в одну камеру, сказав о нем следующее: “Закон есть закон, но случай Фишера - особый. Он честный и добродушный человек, которого нельзя втиснуть в общепринятые рамки, так как он не приспособлен к существующим для всех условиям жизни”.

Мне кажется, что Борис Спасский тоже не из этого приземленного мира.

Борис Спасский: Я всегда был волк-одиночка, у меня никогда не было никаких покровителей. Вы знаете, тут очень простой закон: если вы хотите сказать то, что думаете, никого не бойтесь. А я не был коммунистом, поэтому в общем был неуязвимым в этом смысле.

Карэн Агамиров: Чувствовали, что вы не боитесь?

Борис Спасский: Да, это очень важно. Как только в то время чувствовали, что у человека какой-то страх хотя бы, то вы сразу оказывались под гандикапом, то есть под форой какой-то. Я не считаю, что это было что-то специальное, не в этом дело...

Карэн Агамиров: Но такое мнение было и остается, что советские шахматисты всегда были партийными, обязательно преданными делу партии, их пестовали долго, чтобы они держали марку страны, а вы не вписывались в это понятие.

Борис Спасский: Совершенно верно, не вписывался. Но я вам скажу, что я, как русский человек, всегда чувствовал себя хозяином своей земли, и даже сейчас, в нынешнее трудное время, хотя многое изменилось уже. И поэтому я, в общем-то, жил тысячелетней русской культурой в советское время, и вот это меня очень поддерживало.

Карэн Агамиров: Шахматы другими стали, да, Борис Васильевич, компьютерные сегодня шахматы?

Борис Спасский: Да, шахматы очень изменились. И я думаю, что проблема шахмат в том, что если играют два хороших, сильных шахматиста, ведь они часто начинают

партию уже с какого-то 30-го или 35-го хода. И поэтому все идеи Бобби Фишера, когда он предлагает перемещать задние фигуры, которые стоят за пехотой, это, может быть, не такая глупая идея, потому что она все-таки уничтожает дебютную теорию. Но с другой стороны, нарушается гармония, потому что шахматы как такой удивительный сплав произошли именно за счет соответствия, гармонии, и это как раз то, что многих привлекает. Но сейчас так современный мир устроен, что люди хотят играть и бороться, и от этого никуда не уйдешь. Последний вариант у Бобби был, кажется, “рандомчес” так называемый, когда количество перестановок или сочетаний - это уже математики должны судить - около 900, то есть никакой дебютной теории существовать не может просто. То есть он что-то изобретает новое, но это уже, как говорят в таких случаях, “топ-сикрет”, так что я уже должен молчать на эту тему.

Карэн Агамиров: Это я к тому, что часто задают довольно наивные и даже глупые вопросы: а кто был самый гениальный шахматист? И вам в том числе тоже задавали эти вопросы.

Борис Спасский: Конечно.

Карэн Агамиров: Ну, нельзя же такие вопросы задавать, потому что время было другое, вы ездили с учебниками, с книжками, занимались, а сейчас все - в ноутбук, забита база, и вперед.

Борис Спасский: Вы правы, все зависело от времени. Были коронованные чемпионы, были некоронованные. Вот я теперь из Таллина, где Пауль Петрович Керес начинал свой путь, - какая глыба, надо сказать, и в шахматном отношении, и в человеческом плане!

Карэн Агамиров: Вы это сегодня именно почувствовали?

Борис Спасский: Нет, я знал Пауля Петровича с 1955 года. Это такой отрыв от всех остальных в человеческом смысле!

Карэн Агамиров: Но чемпионом не стал?

Борис Спасский: Официальным не стал, да. Но я думаю, что, может быть, ему и не позволили бы стать официальным чемпионом. Но он уже в возрасте 22 лет стал претендентом на матч с Алехиным, а в июне 1940 года Эстония попала под большевистскую оккупацию, и сразу, он вырос в свободной стране, а после этого все закрылось для него. И, конечно, прежде всего колоссальная личная травма, не говоря уже о трагедии его маленького государства. Эстония была на короткий миг своей истории, в течение 20

лет, свободной страной, где он и образовался, и воспитался как свободный человек. И он попал в новые советские условия, которые были совершенно другими.

Карстен Пакайзер: Вы по-настоящему стали известны, в том числе для людей, которые шахматами не увлекаются, в ходе поединка с Фишером, естественно. И существуют сегодня разные версии, почему, собственно, этот поединок закончился его победой: то ли его поведение вас вывело из себя, то ли поведение советских сопровождающих было не то... Почему тогда ваша встреча закончилась так?

Борис Спасский: Это довольно обширная тема, я постараюсь очень коротко об этом сказать. Мне кажется, что, с точки зрения чисто шахматной, Фишер в то время был сильнее меня, пришло его время. Я был сильнейшим шахматистом мира, мне кажется, с 1965 по 1970 год включительно, а уже в 1971 и в 1972 году, как я где-то об этом упомянул, я царствовал, но уже не властвовал, у меня уже власти шахматной не было. Но в данном случае в нашем матче с Фишером большую роль играл элемент психологии. Я был очень трудным противником для Фишера, перед матчем я уже вел со счетом 3:0. И мне было всегда с ним играть интересно по-настоящему. Я немножко веселился. К сожалению, в 1971 году, то есть когда я еще был чемпионом мира, моя нервная система рухнула. Вы знаете, невозможно играть такой матч на первенство мира, если ваша нервная система в беспорядке, потому что возникают такие моменты... Я в общем-то был “королем критического момента”, но в критический момент ваши нервы должны быть боеспособны, если можно так выразиться. Если вы не выдерживаете напряжение, то вы не можете обуздать этот момент, найти наилучшее решение. И вот у меня во второй половине матча было примерно пять выигранных позиций подряд, и я ни одной не мог выиграть. Я иногда мучился, думал: ну, мне хотя бы на два-три скандала поменьше с Батуринским - я бы набрал побольше очков. Это нервная энергия, которая ничем не компенсируется.

Карстен Пакайзер: А Батуринский - это кто?

Борис Спасский: Батуринский в то время был нашим шахматным фюрером, советским, и я с ним немножко воевал. И воевал со Спорткомитетом, тогда у нас был Сергей Павлович Павлов. Но, как ни странно, я сейчас их совсем не плохо вспоминаю, потому что они были чиновники, они делали свое дело, а я был волк-одиночка, и я должен был делать свое дело.

Карэн Агамиров: А на нервной системе именно эти скандалы с федерацией отразились?

Борис Спасский: Конечно, очень много энергии они забирали. И я отлично понимал ситуацию в тот момент, я хотел иметь своего представителя, который как бы защищал меня и отваживал от этого или какого-то начальника. Но, вы знаете, проблема в том, что в то время трудно было найти такого внутренне свободного человека, все время он тоже ведь находился в зависимости от существующей системы.

Гагик Карапетян: Борис Васильевич, при каких обстоятельствах в начале 90-х годов, по-моему, это было в Пальма-де-Мальорке, на заседании Ассоциации шахматистов-профессионалов вы, как всегда, кинули меткую такую фразу. Вы обозвали Каспарова, сказав после его выступления: “Гарри, вы же настоящий большевик и диктатор”.

Борис Спасский: Да, это было, к сожалению. Но я не придаю большого значения этому факту. Единственное следствие - мы после этого несколько лет не разговаривали. И потом, это было совершенно ненормально, я немножко, может быть, погорячился, потому что Гарри вел собрание неуважительно по отношению к коллегам. Скажем, Пауль Петрович Керес обладал поразительным качеством - коллегиальностью, он... Но в данном случае эта история имеет хеппи-энд, потому что мы с ним в Париже встретились, и он пригласил меня в ресторан. Мне было очень приятно, я познакомился с его женой, была и моя жена. Я противник таких вот стычек между чемпионами мира, ничего хорошего в этом нет.

Карэн Агамиров: Говоря о матче с Ларсеном, вы подчеркнули: “Ларсен играл как любитель, а получал как профессионал, а я играл как профессионал, а получал как любитель”, имея в виду гонорар. Вы всегда, наверное, осознавали, что шахматный гений должен зарабатывать. Вы сказали: “Фишер - наш профсоюз”. По-моему, это ваша знаменитая фраза.

Борис Спасский: Да, “наш главный профсоюзный начальник” - я так сказал.

Карэн Агамиров: В итоге это все привело к тому, что вас начали не то что преследовать, но и со Спорткомитетом, с Батуриным начались разногласия, и вы покинули Советский Союз. Истоки здесь лежали в том, что вы хотели нормально получать, нормально жить, в соответствии с тем высоким званием, со своими способностями, которые у вас были?

Борис Спасский: Не совсем так. Вы знаете, в конце 60-х годов просто шахматы стали профессионализироваться, поэтому у нас здесь была даже создана комиссия гроссмейстеров, куда вошел и Ботвинник, и Пауль Петрович Керес, Смыслов и я. И Абрамов, который в то время был секретарем Шахматной федерации, он даже начал готовить такие специальные предложения, в частности, был затронут вопрос, с какого времени профессиональный шахматист может получать пенсию. Потому что до сих пор этот вопрос так и не решен, по-моему. Так что это только одна сторона была - профессионализация.

А что касается моего отъезда, то я могу вам примерно так сказать. Я был достаточно независимым и достаточно хорошо обеспеченным, но когда вы живете в богатом доме и вдруг почувствовали, что нечем дышать, - и тогда вы открываете дверь, и даже можете нагишом выйти из дома, чтобы уже никогда не войти туда обратно.

Карэн Агамиров: Атмосфера вас угнетала в СССР?

Борис Спасский: Да. Даже больше того, я скажу, что когда в 1976 году я оказался во Франции (моя жена - француженка, мы уже 30 лет живем вместе), я почувствовал неизъяснимое счастье. Я мог поехать на любой турнир. Причем, денег у меня не было, я с нуля все начинал, но дело совершенно не в деньгах было, я с голоду все равно никогда бы не умер, и потом, я никогда не боялся быть без денег. Но возможность выезжать на турниры, играть, общаться с людьми, вот это чувство творческой свободы - это важно. Политическая свобода - это уже другой вопрос. То есть то, что когда-то в России было, до нашествия большевиков, вот это давало невероятное, неизъяснимое совершенно счастье. Это я остро почувствовал. И это было главным, деньги не играли для меня роли в тот момент. Жена у меня из русской семьи, будучи француженкой; и у русских людей, особенно в эмиграции, всегда было другое отношение к деньгам, чем, скажем, у западных людей. Заработали - потратили. Скажем, в семье моей жены очень большое внимание уделяли тому, как воспитывать детей, последние деньги тратили на то, чтобы дети ходили в театр, поехали в Англию. Жена моя ухаживала, когда была девочкой, за малышами, и таким образом она английский язык выучила. И потом Юрий Николаевич Щербачев, это по линии генерала Щербачева, он вывозил своих детей в Швейцарию, он, может быть, был даже первым, кто занимался туризмом. Ходили по концертам, он и сам играл, хороший музыкант был. Была высокая русская культура у первой эмиграции.

Карстен Пакайзер: У вас сегодня есть проблемы с взаимопониманием тех людей, которые живут здесь, в России?

Борис Спасский: Конечно, есть. У меня складывается впечатление, что люди могут легко поменять одежду, лозунги, может быть, еще кое-что, но свою голову человек не может поменять, она остается на плечах до конца жизни, а это большая проблема...

Карэн Агамиров: Гению шахматному сегодня трудно прорваться без денег, как вы считаете?

Борис Спасский: Шахматный гений обычно прорывается. Бывают какие-то особые обстоятельства в жизни, специальные, вот как у Пауля Петровича Кереса, например (я только что приехал из Таллина). Гениальный шахматист был, в 22 года уже стал претендентом на звание чемпиона мира, и начинаются совершенно трагические события, которые не имеют никакого отношения к его шахматному гению, - оккупация Эстонии в 1940 году. Все рушится на глазах, такой удар для молодого человека.

Карэн Агамиров: Да, трагедия, действительно, и личная, и трагедия страны.

Борис Спасский: Трагедия общественная, государственная...

Карэн Агамиров: Я к тому это спрашиваю, что раньше была система первенств мира довольно определенная. Да, пусть и раз в три года. Вы же в последних выступлениях говорите, что можно уже каждый год проводить турниры на первенство мира, но образовалась какая-то верхушка, которая определяет все, топ-гроссмейстеры их называют, топ-элита. Потом вдруг появляется какой-то молодой парень, он попадает на турниры, он обыгрывает их, они оказываются где-то сзади. Но они - вы говорили об этом в одном из интервью - как бы вытесняют других.

Борис Спасский: Нет, мне это представляется не совсем так. Скажем, в наше время существовало ФИДЕ, и почему я мирился с ФИДЕ - это была определенная система. Существовала система розыгрыша, в течение трех лет, никто не говорил, что она идеальная, но все-таки, как говорил Пауль Петрович Керес, лучше иметь плохой порядок, чем никакого. Он уже это прошел в своей жизни. Сейчас у нас такой, я бы сказал, беспорядок в шахматном мире, потому что стройной, единой системы нет. Я даже боюсь, что ее и не может быть, потому что не все хотят быть зависимыми от ФИДЕ. Вы знаете, существовала ассоциация профессиональных гроссмейстеров, то есть она и су-

ществует, недавно еще во главе ее был Жоэль Лотье. Я даже не знаю, кто сейчас во главе, но неважно. Потом, есть сильные гроссмейстеры, которые как-то где-то могут со стороны иногда добывать деньги. Так что тут, действительно, такой сейчас идет беспорядок. Это примерно, может быть, как в профессиональном боксе, когда несколько ассоциаций, и каждый, как раньше говорили, “лебедь, рак да щука”, все тянут каждый в свою сторону.

Карэн Агамиров: Много чемпионов по разным версиям.

Борис Спасский: И в детском нашем движении, которым я занимаюсь. Проводятся сейчас чемпионаты, есть чемпион мира до 8 лет, чемпион мира до 10 лет, до 12 лет, до 14 лет, до 16. В определенном смысле это оправдано, потому что дети должны искать своих попечителей, спонсоров, по-современному, но это тоже может травмировать ребенка. Вдруг он становится чемпионом мира - и он считает, что уже всё!

Карэн Агамиров: Вы когда стали чемпионом мира среди юношей, вас это не травмировало?

Борис Спасский: Нет, у меня даже неприятности были. Я спросил у своего комиссара, правда ли, что товарищ Ленин был болен сифилисом? Для 1955 года это был ужас один!

Карэн Агамиров: А с какой стати вы вдруг спросили?

Борис Спасский: По-моему, из любопытства. Но любопытство могло бы для меня очень плохо кончиться, если бы я спросил на два-три года раньше. Так что уже моя карьера коммуниста после этого навсегда была закрыта...

Карэн Агамиров: Вы сказали, что уехали в том числе и потому, что почувствовали, как тяжело дышать.

Борис Спасский: Дышать просто нечем было, да.

Карэн Агамиров: Это больше политическая атмосфера или материальная тоже?

Борис Спасский: Нет, материальная меня меньше беспокоила. Я уехал - и все оставил здесь...

Карэн Агамиров: А вы прошли по вокзалу, когда приехали к нам сейчас, и видели все это - нищих, бомжей...

Борис Спасский: Конечно. Я ведь очень много продолжаю ездить по стране, у меня детская школа на Урале, в Сатке. До этого я уже объездил страну, я был и во Владивостоке, и в Хабаровске, и в Салехарде, и в Красноярске, и потом по Уралу хорошо поездил, просто по многим городам. Конечно, очень грустно. Есть какие-то отдельные предприятия, которые удачно ведут свои дела, скажем,

одно предприятие, но 8-9 просто закрыты. Я вообще радуюсь, когда какие-то предприимчивые люди имеют хорошие гостиницы, и видно, что они вкладывают душу, там и цены более-менее доступные (ну, а обычно малодоступные цены), - это меня радует. Но основная масса людей... конечно, проблема безработицы большая. И конечно, проблема детей важна. Вот когда я был на Урале, меня просто поразило то, что девочки пижут на столбах, что они готовы обслуживать мужчин. Вы знаете, это так больно. И церковь просит, чтобы малыши эти надписи срывали, приносили к ним, и они за это платят, какие-то 10 рублей. Раньше в стране такое просто немыслимо было...

Карэн Агамиров: Борис Васильевич, нам надо завершать передачу, но не хотелось бы на этой ноте.

Борис Спасский: Я вам скажу, что мне радостно здесь. Я часто довольно бываю, и мне радостно, когда, например, я прохожу паспортный контроль, уже пограничники улыбаются. У молодых людей лица лучше. Но самая большая радость у меня от того, что я видел во многих деревнях, где церковь ожила, люди хотят идти в церковь. Это еще вовсе не значит, что они церковные, но они хотят. И они как-то обустроиваются, эти церкви, и молодежь, довольно хороший процент молодежи, тоже туда идет. Я как-то недавно был на Валааме, это Онежское озеро, и мне там очень понравилось. Огромные экскурсии, и видно, что люди любят святы места навещать. Вообще в любое российское лихолетье церковь только защищала интересы, это была и крепость, и войны там были. Иван Грозный даже держал российский банк в Кирилло-Белозерском монастыре, за 700 километров от Москвы. Значит, все-таки Иван Грозный был совсем не дурак, он знал, где надо деньги держать.

Карэн Агамиров: То есть духовность все-таки подбивает клинья под деньги и власть....

Борис Спасский: Да, вы знаете, русские люди ведь не деньгами жили исторически.

Карэн Агамиров: И мы подводим итоги беседы с десятым чемпионом мира Борисом Спасским. Карстен Пакайзер, пожалуйста.

Карстен Пакайзер: Я, во-первых, убедился в том, что сегодня мы встретились с достаточно неординарным человеком с достаточно неординарными взглядами. Единственное, что я так и не понял, но что все-таки немного, видимо, изменило мои представления о том, каким был советский строй, который я толком не застал, потому что я достаточно молодой. Меня удивляет,

что талантливые люди все-таки смогли в советские времена достичь таких высот, к счастью, их “не отрубили” по дороге.

Гагик Карапетян: Борис Васильевич всегда отличался и в темные, и в светлые годы этой страны в высшей степени интеллигентностью. Но еще я хотел бы подчеркнуть одну вещь, что Борис Васильевич, хотя не родился и не был воспитан на Кавказе, очень уважает своих учителей. И как бы продолжая их дело, он словно возвращает долг и проводит сейчас огромное количество детских турниров, детских школ, помогает детям. Мое мнение, что такие люди, как Борис Васильевич Спасский, очень большой дефицит для России, и они должны быть востребованы в этой стране.

LATVIJAS PSR CENTRĀLAIS ŠAHA KLUBS

8° nabhmas

Partija spēlēta « 18. » 04. 1965 g.

Baltie P. KERES Melnie B. SPASSKI

Rezultāts 11 : 5 Rezultāts 0

Apdomāš. laiks 11 : 53 st. m. Apdomāš. laiks 2 st. 10 m.

Gāj. №№	Baltie	Melnie	Gāj. №№	Baltie	Melnie
1	d2 - d4	Rg8 - f6	21	e4 - e5	Rf6 - h5
2	c2 - c4	e4 - e6	22	Kh1 - g1	g7 - g6
3	Rb1 - c3	Op8 - b4	23	Ng2 - g4	Ng8 - d8
4	e2 - e3	b7 - b6	24	Oe2 - d3	Nd8 - g8
5	Of1 - d3	Oc8 - b7	25	Nf1 - f2	alotko
6	Rg1 - f3	Rf6 - e4	26		1-0
7	0 - 0	Ob4 : c3	27		
8	b2 : c3	Re4 : c3	28	Melnj	Spasski
9	Ld1 - c2	Ob7 : f3	29		
10	g2 : f3	Ld8 - g5+	30		
11	Rg1 - h1	Lg5 - h5	31		
12	Nf1 - g1	Lh5 : f3+	32		
13	Rg1 - g2	f7 - f5	33		
14	Oc1 - a3	Re3 - e4	34		
15	Nd1 - f1	Nh1 - g8	35		
16	Odb - e2	Lf3 - h3	36		
17	f2 - f3	Re4 - f4	37		

Протокол шахматной партии четвертьфинального матча претендентов на звание чемпиона мира Пауля Кереса и Бориса Спасского в Риге в апреле 1965 года. Запись П.К.

ВЫИГРАТЬ - ИЛИ ПРОИГРАТЬ!

В шахматной истории Керес выделяется как один из великих комбинационных гениев. В отличие от Алехина, на которого он равнялся поначалу, комбинации Кереса, казалось бы, возникают скорее не из глубокой позиционной игры, а практически из ничего. В действительности его стиль в определенном отношении ближе всего ни к чему иному, как к стилю Адольфа Андерсена. Почти единственным из гроссмейстеров периода после Первой мировой войны, Керес применял в серьезных партиях гамбиты, в которые он сумел привнести много ценных новшеств.

Пауль Керес родился в 1916 году в Нарве, маленьком городке в Эстонии. Из его автобиографии известно, что играть в шахматы он научился в четырехлетнем возрасте, наблюдая за тем, как играл его отец - т.е. так же, как и Капабланка.

Его главным соперником в те времена был родной брат, старше на три года: они играли по придуманным ими же самими правилам, заметно отличавшимся от настоящих правил шахматной игры. В маленьком городке, где он жил, шахматная литература практически отсутствовала. Но он с энтузиазмом переписывал любую партию, попадавшуюся ему на глаза, в итоге собрав до 800 переписанных партий, каждую из которых он переиграл как минимум дважды.

Ройбен Файн (1914 - 1993), американский гроссмейстер, один из претендентов на мировое первенство в середине 1930-х - 40-х гг. Доктор психологических наук, шахматный литератор. В 1938 году разделил с Паулем Кересом первое место в знаменитом АВРО-турнире. В 1948 из-за работы над докторской диссертацией сенсационно отказался от участия в матч-турнире на первенство мира Гаага-Москва: титул чемпиона мира с отрывом в 3 очка завоевал Михаил Ботвинник, сумевший обыграть Пауля Кереса с неожиданным счетом 4:1.

Его первым соревнованием стал десятисекундный шахматный турнир* в Пярну в 1929 году. Сначала ему отказали в участии - слишком молод, однако после того, как он в двух тут же сыгранных партиях не уступил чемпиону Пярну, его допустили к турниру, и Пауль поразил всех присутствовавших победой со стопроцентным результатом. В 1930-м в Таллине он завоевал первый приз в студенческом первенстве страны и уже тогда получил признание в качестве одного из ведущих эстонских шахматистов.

Так как возможности в Эстонии были весьма ограничены, Керес обратился к игре по переписке. И хотя турниры были достаточно сильными - в действительности соответствуя примерно гроссмейстерскому уровню - он, несмотря на свой исключительно рискованный стиль игры, достиг здесь выдающихся результатов. Он испытывал всевозможные гамбиты: одну из своих партий начал даже ходом 1.g2 - g4! И победил... К 1934 году первый - и в то время единственный эстонский гроссмейстер - настолько окреп, что сумел выиграть чемпионат Эстонии.

В следующем, 1935 году, на командных соревнованиях в Варшаве,** Керес впервые получил возможность сыграть на международном уровне. И сразу же оказался одной из главных сенсаций турнира, набрав на первой доске 67% очков во встречах с лучшими шахматистами мира. Его изумительно эффективные победы сосредоточили на Кересе внимание шахматных экспертов.

В 1936-м он принял участие в нескольких международных индивидуальных турнирах и продемонстрировал не только свое огромное дарование, но и свою заметную нестабильность - эти качества с тех пор стали его характерными чертами. В том году в Бад-Наугейме он разделил первое место с Алехиным; вскоре после этого в Дрездене, при более слабом составе - дележ лишь восьмого места при десяти участниках...

Предыдущая нестабильность была сглажена в 1937-м, когда он одержал блестящую серию побед, кульминацией которых стал первый приз на турнире в Земмеринг-Бадене, впереди Файна, Решевского, Флора и Капабланки. Эти победы выдвинули его в класс игроков той элиты, которую он затем обыграл в следующем году на АВРО-турнире в Голландии.

---

* В те времена шахматные часы были достаточно большой редкостью, поэтому в блиц-турнирах ход осуществлялся по команде судьи, подававшей (иногда с помощью гонга) каждые пять, десять или пятнадцать секунд - в зависимости от установленного регламента. (Примечание переводчика)

** Речь идет о 6-й Всемирной шахматной Олимпиаде. (Примечание переводчика)

Как бы ни звучала формальная цель АВРО-турнира, в действительности это было соревнование на первенство мира, так как все понимали, что на данный момент восемь его участников наголову превосходят всех остальных. Керес разделил первое место с Файном. Естественно, Алехин уклонился от матча с Кересом.

Керес и Файн должны были быть провозглашены сочемпионами на промежуточный период с 1946 по 1948 годы.

После войны Керес оказался, посредством инкорпорации, советским гражданином, так как Балтийские страны были возвращены СССР. То, что он заклятый враг коммунизма, не являлось секретом; неоднократно указывалось, что в кровавой чистке, организованной сталинским режимом его соотечественникам, он уцелел лишь благодаря своему шахматному мастерству. Когда я вновь лично встретился с ним в Москве в 1946 году, он навел меня в моем гостиничном номере (что в те времена опасались делать другие советские мастера) и немилосердно критиковал режим. Не подлежит сомнению, что именно из-за его политических симпатий советская власть годами выжидала, прежде чем позволить ему съездить за границу - причем и это со строжайшими предписаниями относительно маршрута его следования.

После войны Керес оставался в числе лучших игроков планеты, но так никогда и не стал чемпионом мира. Временами его застарелая нестабильность возвращалась; так, вскоре после победы в "АВРО" он финишировал двенадцатым при восемнадцати участниках в турнире Ленинград-Москва. Пять раз он финишировал вторым в различных турнирах претендентов на первенство мира - и ни разу первым, упустив таким образом шанс сыграть официальный матч с Ботвинником. Неофициально Керес - в связи с его великолепными достижениями - должен был бы получить такую возможность, но политические соображения имели приоритет перед интересами шахмат. Возможно, что его на удивление плохой счет личных встреч с Ботвинником был частично обусловлен его антикоммунистической социальной установкой, заставлявшей его особенно нервничать в их междоусобных поединках.

Сам Керес дал следующее описание своего стиля: "Обычно мой стиль рассматривают как стиль, стремящийся к комбинационным осложнениям. Это было несомненно так в период 1935-1937 годов. Играя по переписке, я стремился усложнить позиции насколько это было возможно, даже в дебютной стадии, так как боялся, что позиционная борьба может оказаться скучной. Я придерживался такой же политики в моих ранних турнирах, однако после нескольких ужас-

ных опытов был вынужден изменить свои взгляды. Впервые я применил более благоразумный стиль на турнире в Земмеринге и добился отличных результатов. Поэтому в 1938-м моей главной задачей стало освоение этого нового стиля, отдающего предпочтение более прочным и позиционным аспектам игры. Мой опыт научил меня, что это и есть тот стиль, который наиболее подходит для встреч с равными по силе противниками. В результате я стал приверженцем надежных дебютов и в миттельшпиле предпринимаю рискованные атаки лишь если шансы на моей стороне. Теперь я склонен к накоплению мелких преимуществ, хотя превратить их в победу труднее, чем выиграть - или проиграть! - посредством прямой атаки".

Никто не является самому себе достаточно объективным судьей, и написанное Кересом было в большей мере его желанием, чем реальностью. Его сильной стороной остается область неожиданной непредвиденной атаки; что касается накопления мелких преимуществ, то здесь он часто действует не слишком удачно. Но очевидно, что в нем идет внутренняя борьба - атаковать или не атаковать - и эта борьба должна вносить свой вклад в демонстрируемую им иногда нестабильность.

Как человек Керес также являет собой противоположность того, каким можно было бы представить себе гения атаки. Он тих и скромн, вплоть до замкнутости. Однажды в молодые годы, когда компания мастеров направилась в ночной клуб снять девиц, он рано ушел, заявив, что на следующий день у него запланирован поход в зоопарк.

Какое-то время он был студентом-математиком, однако война прервала его планы. Он остался профессиональным игроком, полностью отдававшим все свои силы шахматам, вплоть до своей безвременной кончины в 1975 году. В поздние годы он начал писать и значительно обогатил шахматную литературу. Наиболее значительной его работой является книга по теории дебютов.

*Перевел с английского
Александр ВЕЙНГОЛЬД*

Перевод из книги:
The World's Great Chess Games,
edited by Reuben Fine,
Dover Publications, Inc , New York, 1983, pp. 232-234.

Александр Вейнгольд (1953), международный мастер по шахматам, доктор философских наук. В настоящее время работает завучем таллинской Шахматной Академии "Vabaettur".

ВОЛЬФГАНГ
УНЦИКЕР
ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ
АРИСТОКРАТА

Когда Керес умирал, я лежал в больнице. Моя жена сообщила мне о его кончине, что было для меня совершенной неожиданностью. Я знал, что он страдает от подагры, но не представлял, что это угрожает его жизни. К сожалению, я сам болел, иначе, вероятно, поехал бы на похороны в Таллинн.

Его вдова - Мария Керес - рассказала мне, что незадолго до смерти Керес давал на турнире в Ванкувере за один день два сеанса одновременной игры. Я был поражен. Я мог бы в тридцать пять себе такое позволить, однако если тебе за пятьдесят и к тому же имеются проблемы с сердцем, это уже просто неосторожно.

Вскоре после его смерти я позвонил Алоису Наглеру - очень близкому другу Кереса - в Швейцарию, и он мне сказал, что со здоровьем у Кереса давно было не все в порядке. В 1961 году во время турнира в Цюрихе ему надо было принимать лекарства по поводу кровообращения, и врачи уже несколько лет настойчиво требовали покончить с шахматными турнирами. Во время нашей последней встречи в Ницце в 1974 году он произвел на меня хорошее впечатление. Но он никогда не говорил о личных проблемах, несмотря на то, что в остальном очень откровенно высказывал свое мнение.

Характер

Керес был дружелюбным, но в то же время не с каждым сразу сближался. Это было такое дистанцированное дружелюбие, доброжелательность аристократа. Его выс-

---

Вольфганг Унцикер (1925) - юрист, шахматист, международный гроссмейстер, по словам Карпова, "чемпион мира среди непрофессионалов", выступал на 12 шахматных олимпиадах, а всего за команду Германии рекордное число - 386 раз!

тупление всегда несло в себе чувство какого-то достоинства. Примечательно, что он был лишь с немногими шахматистами - например, с Эйве, Штальбергом или со Смысловым - на "ты". У нас были с ним очень близкие, теплые отношения, но мы оставались с ним на "вы". Керес был осторожен, если он кого-то хорошо не знал. В узком кругу он не скрывал своего мнения, иногда высказывал свою точку зрения и публично, в то же время не переступая определенных границ.

В обществе он не стремился быть в центре внимания, однако всегда принимал участие в общении и не оставался в долгу. Как-то Эйве рассказал о своей знаменитой партии с Алехиным на турнире в Цюрихе в 1934 году, в которой он поставил ловушку, собираясь пожертвовать коня. По рассказу Эйве, Алехин после жертвы снял пиджак. Керес сказал: "Если бы ты пожертвовал ферзя, он бы, вероятно, снял и штаны". У Кереса было чувство юмора. Однажды он пожаловался, что несколько раздражен из-за вчерашнего проигрыша, и попросил рассказать ему несколько анекдотов.

Он мог быть ироничным, иногда относился к более слабым игрокам несколько пренебрежительно. Я этого не чувствовал по отношению к себе, но один мой друг считал, что Керес делает разницу между хорошими и плохими мастерами. Беседы о шахматной жизни, конечно, велись спонтанно. Так, он говорил мне как-то между делом о своей победе над Алехиным в Маргете в 1937 году. Последний ход в партии - жертва ферзя с немедленным матом - еще не был совершен, но когда Керес взялся за слона противника, чтобы побить его ферзем, Алехин безмолвно покинул столик. Через 20 минут он неожиданно вернулся и с увлечением проанализировал партию.

В другой раз я спросил о его второй партии с Алехиным на АВРО-турнире, которую он мог в эндшпиле выиграть. Керес ответил, что в тот вечер, когда он должен был анализировать партию, прибыла группа друзей из Эстонии, которые хотели провести с ним вечер. Он отнесся к делу слишком поверхностно, просмотрел эндшпиль, и партия окончилась вничью.

Стиль игры

Керес играл чудовищно сильно, когда владел инициативой. Он обладал удивительным комбинационным талантом, при этом его редко покидало позиционное чутье. Его игра в открытых позициях была безукоризненной, и он обладал блестящей техникой эндшпиля. Ему удава-

лось так связывать свою комбинационную игру с эндшпилем, как редко какому-либо другому игроку в истории шахмат. В защите он был не так силен, как в атаке, и к силе защиты Ласкера не смог даже приблизиться. И в жесткости и способности оказывать сопротивление, как это было характерно для Корчного, Алехина, Спасского или Ботвинника, он оставался позади них. Были у Кереса и другие слабости, например, - предпочтение устаревших дебютов.

Он играл закрытые дебюты не так блестяще, как открытые. Ботвинник, который умел хорошо замечать слабые стороны своих конкурентов, считал, что у Кереса зачастую в решающие моменты не хватает необходимой решительности и ему могут отказывать нервы. Кроме того, он нередко делал относительно грубые ошибки. Например, - на первенстве СССР 1955 года он совершил в партии со Смысловым грубый просмотр, однако продолжал игру в безнадежной позиции, так как был раздражен самим собой.

Несмотря на это у него были хорошие шансы стать чемпионом мира, если бы не вмешалась война. Не следует удивляться, что советская оккупация его родины оставила следы в чувствительной душе.

Некоторые игроки в истории шахмат поднимались на уровень чемпионов мира, а само это звание оставалось для них недостижимым. Наряду с Кересом мне хотелось бы назвать Цукерторта или Рубинштейна, хотя тот был в состоянии сохранять силу чемпиона мира на протяжении относительно короткого промежутка времени. Позднее - Бронштейн и Керес. Керес доказывал силу чемпиона неоднократно; в то же время чемпионы вроде Эйве и Петросяна - будем здесь по возможности сдержанными - были не сильнее его. О сегодняшних илюмжиновских чемпионах мне даже говорить не хочется.

У Кереса классика господствовала над модерном. Он оставался более на линии Ласкера, Тарраша, Капабланки, менее - на линии Нимцовича. Как раз против тех игроков, которые вводили модные системы в практику, он был очень устойчив. Болеславский, например, проделал своими удивительными дебютно-теоретическими открытиями в староиндийской или сицилианской защите более значительную работу первопроходца нежели Керес, однако в личных встречах с ним редко добивался успеха. В борьбе против такого молодого, самобытного, атакующего шахматиста, как Геллер, Керес тоже добивался очень хороших результатов.

Когда Керес сознавал, что и он мог быть побежден, то и поражения воспринимал равнодушнее. В 1956 году на турнире памяти Алехина в Москве я выиграл у него, и все же мне не казалось, что он был этим слишком подавлен.

В ходе анализа можно было заметить, насколько самостоятельно он оценивал позицию. Удивляло многообразие возможностей, которые он показывал в анализе. Его предложения были при этом кристально ясными, а оценки позиции - точны. По его *Избранным партиям* лучше всего следовать искусству анализа; по моему мнению, эта книга превосходит по точности и глубине все другие сборники партий, включая Алехина и Ботвинника, не говоря уже о Капабланке. И до того, как я с ним познакомился, Керес был для меня своего рода идолом. В 12 или 13 лет я переигрывал его партии. Непосредственно он на меня не воздействовал, но его слово всегда имело для меня большой вес.

Ботвинник

Взаимоотношения между Ботвинником и Кересом были напряженными. В конце концов они же были конкурентами. Смыслов утверждал, что плохие результаты имели психологические основания. По-видимому, Керес на протяжении долгого времени просто видеть не мог Ботвинника. Антипатия вначале была очень стойкой, отношения нормализовались медленно. Ботвинник позже писал, что взаимное неприятие с годами перешло в дружбу. Когда я позже говорил об этом Холмову, известному скептику, он ответил - "глупости!"

Допускаю, что роль играли и другие вещи. Все считали, что Ботвинник придерживался твердой линии и, без сомнения, стремился при помощи даже внешехватных средств возможно дольше оставаться чемпионом мира. Коллеги его недолюбливали. Ходили слухи, что он пытался помешать участию Кереса в матч-турнире Гаага-Москва (1948) на первенство мира, интриговал против него. Противоположное мнение - якобы Ботвинник поддерживал Кереса с тем, чтобы тот мог играть - Мария Керес решительно отвергла. Она предполагала, что могло быть только наоборот. Со мной Керес на этот счет никогда не откровенничал, в том числе и в положительном смысле. В 1957 году я спросил у него, можно ли Ботвиннику доверять, на что Керес ответил, что он в этом не уверен.

Упрямо сохраняется и слух о том, что Ботвинник проиграл пятую - последнюю - партию Кересу на турнире Гаага-Москва в 1948 году умышленно, чтобы оттолкнуть Решевского. Керес же рассказал мне в ответ анекдот, опровергающий это. Ботвинник уже на пятом ходу предложил ему ничью. Керес ее отклонил. На десятом ходу Ботвинник повторил предложение, на что Керес ответил грубым русским ругательством. Ботвинник покраснел. "Возможно, это было несколько непорядочно", сказал Керес мне. Хотя он достаточно хорошо понимал русскую речь, но разговором владел недостаточно. Поэтому иногда употреблял вульгарные выражения. Я думаю, что Керес не совсем ясно представлял себе, что он тогда сказал.

Относительно своего плохого результата на турнире на первенство мира в 1948 году Керес предположил, что слишком долго продолжал бороться за первое место. Второе место он мог занять легко.

Гамбургский матч

Идея моего матча с Кересом исходила от моего гамбургского шахматного приятеля Курта Ратмана. Он съездил в качестве зрителя в 1955 году в Гётеборг, где мы с Кересом играли в межзональном турнире. Гамбургский клуб Бармбэк отмечал юбилей и хотел провести нечто особенное. Ратман выдвинул идею провести небольшое соревнование. Я немедленно с этим согласился, так как это предоставило мне возможность пополнить свой опыт. Керес тоже согласился сразу - при условии, что ему разрешат поездку. При Сталине подобное было бы невысказано. Лишь начавшаяся либерализация после XX съезда партии, на котором Хрущев разделался со Сталиным, сделало это соревнование реальным.

Наш матч 1956 года носил исключительно частный и дружественный характер. Мы еще, правда, не были друзьями. Впервые я познакомился с ним, когда Ботвинник после одной из партий захотел проанализировать ее со мной. В то время я не говорил по-русски, и потому Ботвинник попросил Кереса переводить. Через три месяца на гастингском рождественском конгрессе 1954/55 года мои контакты с Кересом стали теснее, а ближе мы сошлись во время нашего матча. Характерна пятая партия матча. Я пожертвовал фигуру и стоял на выигрыш. После партии Керес сказал, что можно было легко выиграть. Но он играл великолепно и после того, как я совершил

свой 39 ход, сказал мне: “Господин Унцикер, мне очень жаль, но Вы просрочили время”. Конечная позиция была все равно проиграна, но было видно, что это высказывание далось ему с трудом.

*Перевел с немецкого
Евгений КАЛЬЮНДИ*

Журнал “KARL” № 2 2004.

Евгений Кальюнди (1931, Тарту) закончил (с отличием) нынешний Таллинский политехникум, учился заочно в Ленинградском институте связи им. Бонч-Бруевича, в Ленинградском Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина (специалист в области реставрации памятников архитектуры). Член Союза художников Эстонии, академического общества военной истории. Три десятилетия работал (по совместительству) шахматным тренером: пять его учеников входили в олимпийскую сборную Эстонии. Переводит практически с двух десятков языков.

Светозар Глигорич и Мария Керес на приеме в Ратуше во время Дней Кереса в Таллинне (5-8.02.2006).

Посол России в Эстонии Константин Провалов, экс-чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов и один из руководителей Шахматной Федерации России Александр Бах (справа) на приеме у Президента Арнольда Рюйтеля.

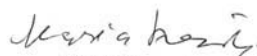
Lugupeetud rahvusvahelise kollokviumi „Paul Keres 90“

korraldava toimkonna liikmed!

Enda ja oma laste nimel tahaksin teid kõiki südamest tänada õnnestunud
ürituse korraldamise eest. Minu mäletamist mööda pole maletajaid kusagil
nii suurejooneliselt vastu võetud.

Palju tänu meile saadetud ilusate fotode eest.

5.veebruar 2006

M.Keres

Уважаемые члены оргкомитета Международного коллоквиума
“Паулю Кересу 90”!

От себя лично и от имени моих детей мне хотелось бы сердеч-
но поблагодарить вас за столь удачную организацию этого меро-
приятия. На моей памяти еще нигде не принимали шахматистов так
поистине грандиозно.

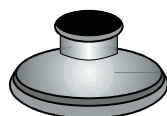
Большое спасибо также за присланные нам прекрасные фото.

М. Керес

5 февраля 2006

ШАХМАТЫ
•
ЖИЗНЬ
•
ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ...

*Памяти Пауля Петровича Кереса,
автора "Ста партий".*

Немного лет назад в шахматном еженедельнике "64" было опубликовано интервью, данное М.М. Ботвинником представителю голландского журнала "Шах-эхо". Интервью, пожалуй, так и осталось бы достоянием читательской массы с явно выраженным аналитическим складом ума, если бы затрагивало вопросы, не выходящие за пределы шестидесяти четырех квадратов черно-белого поля упомянутого еженедельника. Однако оно в некоторой части перерастает узко-спортивные рамки печатного издания и претендует на социально-проблемное звучание.

Все дело сводилось к тому, что не так давно машины научились играть в шахматы. Это были не просто машины, а кибернетические комбайны, которые назывались четко и внятно: электронно-вычислительные устройства. А вскоре шахматные машины были уже до того напичканы информацией, что стали играть матчи между собой, как внутри отдельных технически развитых стран, так и в международных

В архиве русского прозаика Бориса Крячко (1930-1998), четверть века прожившего в Эстонии, в Таллинне и Пярну, мы обнаружили не датированный машинописный текст "Шахматы, жизнь, здравый смысл..." Судя по посвящению - "Памяти Пауля Петровича Кереса, автора "Ста партий" - рассказ написан не ранее 1976 года (летом 75-го Кереса уже не стало, а 7 января 1976 года ему бы исполнилось 60 лет).

соревнованиях. О таком матче между СССР и США в свое время сообщала даже центральная пресса, чем повергла в ажиотаж публику весьма далекую от шахмат и по роду деятельности и по личной предрасположенности. Машина играла с машиной - вот что подогревало всеобщий интерес и вгоняло в читателя то любопытство, которое последний раз наблюдали прошлым столетием в глазах у папуаса, держащего осколок разбитой бутылки.

Само существо металлических баталий, с лязгом и скрежетом происходивших на клетчатом ристалище, осталось для большинства втуне. Только меньшая часть шахматно грамотного населения отметила, что у каждой машины обнаружился свой нрав. Одна пара машин играла "Защиту двух коней", другая избрала многотрудную "Защиту Нимцовича" и т.д. Вместе с тем живой наблюдатель не без удовлетворения отметил, что устройства допускали элементарные промахи, "зевки" фигур и вообще мыслили не далее третьеразрядного игрока. Словом, машины были еще далеки от совершенства.

Доктор технических наук М.М. Ботвинник работает в области именно таких счетно-вычислительных устройств. Задача в том, чтобы электронный мозг машины был в состоянии удерживать умопомрачительно сложные программы шахматных начал, находить лучшие ответы на каверзные ходы и рациональные решения всех возникающих проблем. Надо так сделать, чтобы чрево агрегата в два счета перемололо тысячи всевозможных ходов и сотни ответвлений с вариантами и ловушками и выдало единственный краткий и сухой, как щелчок компостера, ответ.

Как же далеко подвинулось развитие шахматно-электронной мысли? Судя по обнадеживающему интервью, подвинулось и весьма.

БОТВИННИК: Я работаю еще и над проблемой игры в шахматы на вычислительной машине...

ВОПРОС: Есть ли прогресс с этой работой?

БОТВИННИК: Можете мне поверить - настанет день, когда машина победит и чемпиона мира.

ВОПРОС: Профессор Эйве, кажется, не разделяет это мнение?

БОТВИННИК: ...Наши успехи больше, чем принято считать. Вы достаточно хорошо знаете меня, чтобы понять: ни йоты своего времени я не потрачу на дело, о котором заранее известно, что оно невыполнимо...

Вот, оказывается, каковы обстоятельства, и если их принимать всерьез, то нельзя не испытать горького чувства

обиды и сожаления. Жаль человечество, которому уготована будущность с таким прискорбным исходом. Жаль шахматы - прекрасную выдумку, на какую только оказались способны все цивилизации вместе взятые. И, конечно, жаль гроссмейстера Ботвинника, одаренного талантом человека, цвет знамени отечественной шахматной школы. Но поскольку общеизвестно, что истина дороже Платона, то счет надо вести от того самого человечества, которое нуждается в защите.

С тех пор, как человек утвердился на земле в качестве *homo sapiens*, он сразу же заметил, что природа и общество, где ему приходилось жить-быть, находятся в состоянии универсального динамического равновесия. Усвоить это человеку не составляло труда, тем паче, что его персональное существование тоже взвешивалось на весах желания между тем и другим. Когда человек повзрослел, поумнел и накопил опыт, он сделал важнейшие открытия в виде законов сохранения веса веществ, материи, движения, энергии, периодической системы элементов и т.п., словно все это естественно проистекало из его внутренней сути - сохранения рационального и эмоционального начал в состоянии единства и соответствия.

Так продолжалось до двадцатого столетия, когда чересчур бурное развитие науки и техники нарушило сакраментальное "мене, такел, фарес"* и человечество дало большой дифферент в сторону эмпиризма и практики. С некоторых пор, а точнее, с начала послевоенного периода общественная жизнь означилась новым противоречием. Поколебленное равновесие приобрело достаточную ясность и формулировку, которая тут же поделила белый свет на две части громадной баррикадой из папье-маше.

Отношения между теми и другими решительно испортились и стали напоминать полный драматизма конфликт между есенинскими криушанами и радовцами, принципиально пытавшимися доказать друг другу, кто дальше плюнет. На беду рычаг так крепко повело, что чаша весов с пустотелыми лириками взметнулась в голубую высь и их легкомысленные протесты едва достигали земли. Но не успели реалисты-физики как следует осознать огромность своей победы над романтиками-лириками, а уже кое-кому из них показалось невыносимо скучно жить. Как не припомнить, что

Если б не были другие дураками,
То дураками быть пришлось бы нам самим.

Стали доноситься трезвые голоса. Альберт Эйнштейн

---

* Это ветхозаветное изречение "Мене, мене, текел, упарсин" (Дан 5: 25-28) в данном случае означает, что все предельно исчислено, взвешено и разделено.

уже ссылаясь на Достоевского больше, чем на Гаусса; Макс Планк раздраженно остерегал человечество от чрезмерной поступательности технического движения; Нильс Бор ратовал за восстановление духовного “статус-кво”, которое помешало бы в дальнейшем превращению человека в технолога-убийцу природы и себе подобных. Их призывы были исполнены доброжелательной тревоги за судьбы людей, печали о людях и любви к ним; они выгодно отличались негромкой убедительной искренностью от бодряческих и хорошо поставленных голосов ультраоптимистов, которые призывали род людской бездумно и безостановочно двигаться по пути технического прогресса невзирая ни на что.

Произошло несколько ожесточенных драк. Люди чрезмерной практической сноровки уже перевыполняли план лесозаготовок с опережением графика лет на двадцать и грозились перевести всех волков до единого. Нашлись, однако, рекруты и волонтеры дремучего леса и живых волков, которые воспротивились и стали противоборствовать. Тогда тайные приверженцы программы французского короля Людовика Пятнадцатого, где, кажется, впервые была так свежо и мило выражена идея о всемирном потопе, договорились возводить промышленные комплексы на Каспии, Байкале и Балхаше, чтобы, по малости, хоть на рыбе взять верх. Им вновь противостояли. Технологи попытались было проверить мероприятие в свете прекрасного будущего, но философы им уже не верили.

Тогда один из славного племени физиков вознамерился породить машину умнее человека. Не составляет труда догадаться, какими категориями машина будет мыслить. Если же хоть на минуту представить себе такой успех науки осуществимым, то определенно испытаешь чувство жути, которая отличается от страха более древним происхождением и необъяснимостью причин. Ну, ладно, для начала машина докажет свое превосходство над человеком в шахматах и в прочих отраслях науки, хозяйства, культуры, а что потом? Разве не случилось однажды нечто похожее в городе Глупове по свидетельству Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина?

Хорошо, что это невозможно. Человек в силах создать работа, который в идеальном случае чем-то повторит творца, но никогда не превзойдет его. В том и резон, что шахматы, наука, искусство, материя, атом - все неисчерпаемо, как человек, а не наоборот и не более. В наших школах на уроках математики учеников знакомят с величинами, имеющими своим пределом другие величины, больше которых они стать не могут, как бы к тому ни стремились. Так, вписанный в окружность многоугольник при неограниченном до беско-

нечности удвоении числа его сторон имеет своим пределом ту самую окружность, которая его немилосердно опоясывает, и быть больше нее ему при всем желании никак нельзя. Вряд ли поэтому есть причины для беспокойства всем будущим шахматным чемпионам в отдельности и человечеству вообще, ибо никогда машина не сможет навязать человеку свой “ум и волю”.

Нет надобности искать другую аллегория, с такой точностью и полнотой передающую смысл нашего бытия, как шахматы. В них и теория познания, и подлинная красота, и постоянная жестокая борьба до конца или до победы. На этих трех китах и зиждутся великие шахматы. Что касается принадлежности шахмат к спорту, то это, бесспорно, очень существенная их характеристика и родство первой степени, потому что именно спорт вливает в них новую кровь.

Теперь они уже вполне стали формой общественного сознания на правах, которые им дала *ex officio* шахматная литература. В самом деле, читателя давно перестали удовлетворять записные анекдоты о странностях выдающихся маэстро и публикации об их несчастной или счастливой жизни, если эти публикации не сопровождаются диаграммами и шахматной нотацией. “Повесть о Морфи” Е. Загорянского, “Белые и черные” А. Котова, “Рыцарь бедный” В. Панова могли бы значительно выиграть у нынешнего читателя, если бы подкрепляли определенные моменты жизни Морфи, Алехина и Чигорина их шахматным творчеством. Но, к сожалению, они до поры остаются лекциями о музыке без музыкального сопровождения, беседами об искусстве без художественных экспозиций и наименее интересными купюрами из жизни и творчества выдающихся мастеров шахмат.

А между тем, в собственно произведениях Морфи, Чигорина и Алехина читатель находит течения и школы, как в литературе, жанры и формы, как в литературе, глубокую мысль, страстность, лиризм, иронию и всё то же, что и в литературе. Шахматные романтики, классики и реалисты уже создали великолепные произведения из волнующего движения фигур, остроумных перекрытий и связок, акробатических прогулок по лезвию ножа, серий быстрых и сверкающих, как рапира, выпадов и “тихий” ходов страшной разрушительной силы. Такие повести, новеллы и эпопеи полны необычайных приключений и сопутствуются рейдами вороных и белых мустангов по глубоким тылам, мимолетными похождениями ферзей, кинжальными наискось ударами разноцветных слонов, гаубичными канонадами ладей, сдвоенных по вертикалям и горизонталям, и честолобивыми устремлениями проходных пешек. Читать их - огромное наслаждение.

В последнее десятилетие выдвинулся целый ряд шахматных писателей, среди которых заметен Д. Бронштейн - отличный стилист, талантливый шахматист и мастер короткого рассказа. Но подлинным событием явилась книга П. Кереса "Сто партий". Будь книга просто сборником шахматных новелл и эссе - остросюжетных, глубоких и художественных - она и тогда снискала бы автору всеобщую признательность. Но она и в ряду лучших книжек выделяется чеховски сдержанным языком, прозрачной и доступной мыслью, оригинальностью замысла и таким изяществом рисунка на доске, каким противник должен был очароваться прежде читателя. Каждая партия дает знать, что перед нами не рвущийся напролом спортсмен, а человек, задавшийся целью не столько выигрывать, сколько творить, влиять, воздействовать. В этих качествах мастера, художника и философа Керес триедин и гениален. Любая партия сборника настолько автобиографична, что книга воспринимается целиком и как роман со многими действующими лицами, и как свод человеческих принципов, которыми автор руководствуется: не бить лежачего, возобладать над силой умом, победить неохотно и без торжества, как подобает мудрому. *Sa Majesté La Chance** не имеет над ним власти, а характер, вытекающий из партий, начисто исключает в нем счастливого игрока с манией мирового престолонаследия. Это удивительно. До такой степени то есть удивительно, что Керес выходит из шахмат, как Моцарт из звуков, и вторгается в жизнь, помогая увидеть в ней прекрасное.

Мы говорим о шахматах и о людях с такими подробностями затем, чтобы поставить ловушку и сразу же спросить: А сможет ли счетно-решающее устройство создать красивую партию? Будет ли в машине холодная рассудочность бороться с гамбитными соблазнами, романтическими порывами и смелыми идеями, которые надо тотчас проверить? Предложит ли она что-нибудь новое? Будет ли машина обладать обаянием игры П. Кереса, В. Корчного, М. Таля, Р. Фишера, А. Карпова? Если нет, то кого заинтересует такая шахматная партия? И кому доставит радость победа машины над человеком? Правда, до сих пор еще не случилось, чтобы машина создавала шедевры. Надо думать, что так будет и впредь.

В какой-то фантастической повести рассказывалось, как один ученый сделал робота. Он наделил его всеми признаками гениальности так, что тот мог заменить целый научно-исследовательский институт. Более того, робот обладал

---

*(Фр.) - Власть успеха.

всеми физиологическими функциями человека. Вскоре, например, он полюбил и женился. Вначале отношения робота с людьми были нормальными, а потом стали быстро портиться. Друзья с ним рассорились, жена стала его сторониться. Причина состояла в том, что робот мыслил электрически прямолинейно и не мог иначе. Людей он делил на умных и глупых, а люди не желали терпеть голый примитивизм и сочли его пошляком. Он не отличал добро от зла. Он не понимал, что значит подлость, обман, коварство, горе, но он не представлял также шутку, иронию, мечту, радость, потому что был не от мира сего. В конце концов робот покончил самоубийством, и его жена с облегчением вздохнула, увидев дома на полу кучу гаек, болтов, шайб и тому подобных бронзULEТОК - всё, что осталось от электрического мужа. Таков конец идеального счетного устройства, какой могла породить человеческая фантазия. Что касается шахмат, то на них этот случай никак не отразился.

Очевидно, интервью голландскому журналу давал не гроссмейстер и не доктор наук, а экс-чемпион мира, который обращался от имени тургеневских отцов к нынешним детям с отчаянной надеждой, что его поймут и разделят нигилистический вздор. Стоит вспомнить, что в такой же третьей позиции к шахматам стоял и Капабланка, твердивший после матча с Алехиным, будто шахматы исчерпаны и нуждаются в усовершенствовании.

Михаил Моисеевич пытается вывести вписанный многоугольник за пределы круга. Нет, неожиданности не произойдет. Такая марсиански чудовищная штука не обыграет ни П. Кереса, ни даже М. Ботвинника, если только он не станет играть с машиной в поддавки. Помимо всего, подобное устройство никогда не будет смонтировано. "И слава Богу!" - наложил однажды резолюцию российский император на одной из бумаг. Да не упрекнут меня за это в пристрастии к афоризмам.

**восемь
фрагментов**

берёза
под окном
развилкою
гнездо
к прутку пруток
птенец к птенцу
природа

и человек
то дерево
спилил
кричали птицы
он гнездо спалил
и сам исчез
и век
такого рода
.....
.....
высасывает
микрофон
слова

стеклянные зрочки
вращает слава
как телевизионная
сова

---

* Нил Нерлин - член Союза российских писателей (Москва). Постоянный автор журнала. Живет в Таллинне с 1980 года.

к засвеченным
соваться
горе с вами
.....
.....
свет
нечто призрачное

чёрно-белый
мир
исповадался
перед самим собой

боль
сердца горлом
знает кто герой
прибойным шорохом
рифмуя
para bellum*

.....
.....
ковались кадры **первых**
овладеть
легко
одной мыслишкой
что всё ясно
кто созидает что
с кем выгоднее впредь
существовать и верить всё прекрасно
раз всех сильнее кому в окопах преть
а почему систему съест маразм
рассудит ловкой похвалой Эразм

и сверзится

как правил тьму ни взвесь
фигурками
гурман голодных выгод
их враз изменят если *Конный Ферзь*
Петром Великим перекроет выход
и плачет Спасский и шумит Корчной
и скачет Всадник пустоты ночной

.....
.....

* *готовься к войне (лат.)*

я помню снимок с гробом похорон
дрянной бумаги ли слепая проза
прожгла меня прозреньем боже ОН
возможно **убран**... даже нет вопроса
надуть противника (прими Харон)
у власти “славы”
свой расчёт
чей ход
верней за кем открыт сезон охот

.....

.....

как мир подземок сплющена толпа
кумир сапог сияет медью лба
ловцами душ забыв Дитя дыханья
свинцовых труб **гулаги и дахау**

.....

.....

тропою
к подорожникам
к пыльце
ромашек робких

к мухам на лице
оградкою
доступной
повиликам

к своим
рыданьям
тайным
по великом

он был кто есть
кто между нами стал
не Чемпионом а самим Собою
боюсь чем выше зыбкий пьедестал
тем холодней сезонною судьбою

.....

.....

спи сын Пеэтера
эпохи ледника
нем камень твой
не видно
“двойника”
нам днём с огнём
на ядерном одре
вселенною Воды
вверх дном
в одном ведре

1984

Проза

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ. Наследник из Туруханска. Рассказ. I-II, 130.

БОРИС ЕГОРОВ. Запахи. Продолжение повести "Далекое-близкое детство". V-VI, 111.

ЯАН КАПЛИНСКИЙ. Янтарная сосна. Рассказ. Перевел с эстонского СВЕТЛАН СЕМЕНЕНКО. V-VI, 122.

МАРТ КИВАСТИК. Nokia 31100. Рассказ. Перевела с эстонского МАРИЯ МАРТИНСОН. I-III, 168.

МИХАИЛ ПЛАСТОВ. Оптимист. 15 миниатюр. V-VI, 76.

Стихи

Варшавские верлибры. МАРЕК ВАВЖКЕВИЧ. КШИШТОФ ГОНСЕРОВСКИЙ. АЛЕКСАНДР НАВРОЦКИЙ. ЗБИГНЕВ ЕЖИНА. ЗБИГНЕВ МИЛЕВСКИЙ. Перевел с польского ВИКТОР МАКСИМОВ. V-VI, 66.

ЕЛЕНА ЕЛАГИНА. Кардиограмма желаний. V-VI, 148.

РИММА КАЗАКОВА. Невеста. Баллады Отечественной войны. V-VI, 33.

ЯАН КАПЛИНСКИЙ. Другая боль в твоём сне... Перевела с эстонского ТАТЬЯНА ТРЕТЬЯКОВА. I-II, 53.

ЯАН КРОСС. Ни слова. Перевела с эстонского Л.Г. I-II, 6.

НИЛ НЕРЛИН. Здесь. I-II, 136. Бедное небо. III-IV, 248. Домой. V-VI, 196.

ТАТЬЯНА ШАПИРО. Смехолёт. Стихи для детей. V-VI, 106.

МИХАИЛ ЮПП. Серебристая живопись. Латвийский цикл. V-VI, 123.

Наследие

АННА АХМАТОВА. Памяти друга. Стихи. I-II, 105.

“...против Эстляндии не пойду”. Переписка генерала Юденича и генерала Лайдонера (1919). Публикация ВИКТОРА БОЙКОВА. I-II, 12.

Е.А. РООС-БАЗИЛЕВСКАЯ, Е.А. БАЗИЛЕВСКАЯ, И.В. БАЗИЛЕВСКИЙ, Б.Х. ТАГГО-НОВОСАДОВ, И.К. БОРМАН (ИрБор). Стихи. Публикация СЕРГЕЯ ИСАКОВА. Приложение к очерку - Сквозь “гибель жизней и надежд”. О возвращенном из Германии в Эстонию архиве К.К. Гершельмана. V-VI, 36.

БОРИС КРЯЧКО. Диверсанты. Неоконченная повесть и черновики. I-II, 72. Бухара. Минарет Калян. Среднеазиатский эпос. III-IV, 139. Сурик. Письмо в журнал “Грани” и стихотворение в семь канцон. III-IV, 186.

ЮРИЙ ЛОТМАН. Лучшее лекарство от страха. Фронтовые странички из “Не-мемуаров”. I-II, 60.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ. Враги сожгли родную хату... Стихи. I-II, 96.

АЛЕКСАНДР МЕНЬ. Счастье - внутри. Из подготовленной к 15 годовщине убийства пастыря книги “О себе”. III-IV, 7. Ты говоришь, что волей рока... Стихи. 1951. Отроческий альбом. III-IV, 93. Неведомое естество. Почему нам трудно поверить в Бога? Беседа за круглым столом. 1979-80(?). III-IV, 94. Голос отца Александра. Публикации журнала “Вышгород”. III-IV, 129.

КАРЛ РИСТИКИВИ. Двойная игра. Главы из романа. Перевела с эстонского ЛЮДМИЛА СИМАГИНА. V-VI, 5.

Исследования, публицистика, сообщения

ВАДИМ БАРАНОВ. Горький в роли Казановы? Документальное расследование. V-VI, 150.

БОРИС БЕРНШТЕЙН. Иконоборческие спазмы. Из цикла публикаций о христианской изобразительной практике. III-IV, 230.

Л.Г. Искитея и Солдат. По армейским рассказам Александра Солженицына. I-II, 98. События. Пастырь 15 лет спустя. V-VI, 176. Что дороже “тьмы низких истин”. Международная конференция “Литература и война: борьба с устаревшими мифами”. Варшава, июль 2005. V-VI, 179.

РЕЙН ВЕЙДЕМАНН. Человек из Генуи. О поэзии Яана Кросса. Эссе. I-II, 8. Могучая традиция “Эдды”. V-VI, 30. Перевела с эстонского ТАТЬЯНА ТЕППЕ.

ЛЮДМИЛА ГЛУШКОВСКАЯ. На кухне Юрия Друж-

никова. V-VI, 99. Дорогим ирокезам. О новой прозе ГАЛИНЫ ЩЕРБАКОВОЙ. Реванш. О книге-эссе РЕНЭ ГЕРРА “Они унесли с собой Россию... Несгораемый стол и не последняя буква в алфавите. О повестях АЛЕКСАНДРА ПОТЕМКИНА. V-VI, 165.

АЛЕКСАНДР ГОГУН. Из огня да в полымя. Страницы украинского партизанского движения. I-II, 106.

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ. Катриона Келли, Павлик Морозов и Лубянка. Об одном дерзком плагиате. V-VI, 85.

ЛОЛА ЗВОНАРЕВА, ЛИДИЯ КУДРЯВЦЕВА. Господин профессор и рыцарь. К 200-летию Ханса Кристиана Андерсена. V-VI, 55.

ЛАРИСА ИВАНОВА. “...уплачу Вам свой должок”. Письмо Игоря Северянина В.Е. Гуцику. V-VI, 50.

СЕРГЕЙ ИСАКОВ. Сквозь “гибель жизней и надежд”. О возвращенном из Германии в Эстонию архиве К.К. Гершельмана. V-VI, 36.

ОЛЕГ КОСТАНДИ. Книги предвидения. К проблеме источников повести Михаила Булгакова “Роковые яйца”. III-IV, 216.

АЛЕКСАНДР КРЯЧКО. “Андрес Койт по соображениям безопасности...” Письмо-послесловие. III-IV, 190.

ВЛАДИМИР КРЯЧКО. Отцовские тетради. Письмо-предисловие. III-IV, 135.

ЕВГЕНИЙ РАШКОВСКИЙ. Библейский мыслитель. Заметки к 70-летию протоиерея Александра Меня. III-IV, 211.

ЮХАН СИЛЛАСТЕ. Детектив с “нацистским” акцентом. V-VI, 129.

ВИКТОР СУВОРОВ. Держи фальсификаторов! V-VI, 139.

ЛЮЦИАН СУХАНЕК. Женщины и ангелы у Юрия Дружникова. Авторский перевод с польского. I-II, 181.

ЮЛО ТУУЛИК. Выше собственного страдания. Лекция о творчестве Яана Кросса. Авторский (устный) перевод с эстонского. I-II, 55. Опасный подарок. Александр Солженицын, “Архипелаг ГУЛАГ”. III-IV, 242.

АЛЕКСАНДР ЩУПЛОВ. Форс-мажорные обстоятельства. О современной песенной поп-поэзии. V-VI, 160.

ТАТЬЯНА ЯСИНСКАЯ. Свидание с неизбежным. I-II, 141.

Мир искусства

ЮРИ АРРАК. Допустимо ли убийство ради искусства? Речь на эстонской конференции по вопросам культуры. О дерьме, et cetera. Перевела с английского (сверяя с эстонским) ОЛЬГА ГРЕЧИШКИНА. I-II, 157.

МАЙ ЛЕВИН. Идеал и реальность. Карл фон Гершельман - художник-поэт. I-II, 43.

Цветные иллюстрации на обложках

КАРЛ ФОН ГЕРШЕЛЬМАН. Костюм. Тушь, акварель. Частное собрание. Германия. Фокусник. Акварель. Собрание Лобановых-Ростовских. Лондон. I-II.

БОРИС ДИОДОРОВ. Иллюстрации к сказкам Ханса Кристиана Андерсена "Русалочка" и "Снежная королева". V-VI.

Пророк Иезекииль. Картина АЛЕКСАНДРА МЕНЯ. 1950. Частное собрание Софии Руковой. Москва. III-IV.

RESÜMEE

Number on pühendatud Paul Keresele (1916-1975).

GENS UNA SUMUS – Eesti vabariigi Riigikogu esimehe Ene Ergma tervituskõne rahvusvahelisel kollokviumil „Paul Keres 90“ 6. jaanuaril 2006 Tallinnas.

„Isa, käi hobusega!“ algab Valtrer Heueri raamat „Meie Keres“, mis on 30 aastat pärast eestikeelset esmatrükki ilmnus ka vene keeles aastal 2004 Moskvast.

13-s maailmameister males Garri Kasparov on oma kapitaalses mitmekõitelises male-ajaloos pühendanud peatüki Paul Keresele.

Miks Igavene Teine? Seda analüüsime Paul Keresele pühendatud kollokviumi peakorraldaja kirjanik Ülo Tuulikuga, kellelt on ka essee „Etturi ohverdamine ehk Iivo Nei koos venelastega Robert Fischeri vastu“.

Eksmaailmameister Vassili Smõslov sedastab, et male oli Keresele ennekõike kunst.

Oma mälestusi ja mõtlemisi Paul Keresest jagavad larissa Volpert, Juri Averbahh, Viktor Kortšnoi, Wolfgang Unzicker, Paavo Kivine.

Ilmub Boriss Spasski raadio-intervjuu tekst. Suurmeister Reuben Fine nimetab Paul Kerest planeedi parimaks maletajaks. Malest kui Suurest Mängust kirjutasid Boriss Krjatško, Tomas Venclova ja Nil Nerlin.

Numbri materjalid on tõlkinud Svetlan Semenenko, Jevgeni Kaljundi, Aleksander Veingold, Viktor Kulle.

Numbris on kasutatud dokumentaalmaterjale isiklikest arhiividest.

SUMMARY

The issue marks Paul Keres's (1916 - 1975) 90th birthday.

GENS UNA SUMUS is Estonian Parliament speaker Enne Ergma's greeting to the Jan. 6 colloquium "Paul Keres 90" (Tallinn, 2006).

Dad, Move the Knight!- so runs the front-page headline of Valter Heuer's book "Our Keres". It took a good 30 years to see it's Russian version.

Friend Paul is a chapter of Garry Kasparov's three-volume book about his great predecessors and their most brilliant encounters.

Eternal Second. It's the enigma which a writer and the organizer of P. Keres's Days in Estonia Ülo Tuulik is trying to understand. His essay and interview (with questions from Ljudmila Glushkovskaya) are about it. The 7th World champion Vasily Smyslov claims that chess was above all the artistry for Keres.

In their memoirs Larissa Volpert, Juri Averbach, Viktor Korchnoy, Paavo Kivine, Wolfgang Unzicker shed new light on Keres as a tragic personality in the chess history.

Being a guest of the radio Svoboda the 10th World champion Boris Spassky named Keres the only Estonian chess player to enter the World intellectual elite.

American Reubon Fine ranked Paul Keres the game's great of the world.

A story by Boris Kriachko is about chess, life, common sense...

...likewise the poems by Tomas Venclova and Nil Nerlin.

Translations from Estonian, German, English, Lithuanian are made by Svetlan Semenenko, Ljudmila Glushkovskaya, Evgeny Kaljundi, Alexander Veingold, Viktor Kulle.

Manuscripts, photoes, autographs are from the private archives.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭНЕ ЭРГМА.

GENS UNA SUMUS.

Перевод с эстонского.

5

ВАЛЬТЕР ХЕУЭР.

Папа, ходи конём!

Главы биографии.

11

ГАРРИ КАСПАРОВ.

“Друг Пауль”.

53

ВЕЧНО ВТОРОЙ. ПОЧЕМУ? ЗАГАДКА.

Юло Туулик отвечает на вопросы Людмилы Глушковской.

66

ВАСИЛИЙ СМЫСЛОВ.

Прежде всего - искусство.

80

ПААВО КИВИНЕ.

Народный Мастер и Воланд.

Перевела с эстонского ЛЮДМИЛА ГЛУШКОВСКАЯ.

85

ЮРИЙ АВЕРБАХ.

Реабилитация.

90

ЛАРИСА ВОЛЬПЕРТ.

Как тонка была ниточка.

95

ТОМАС ВЕНЦЛОВА.

ANNO DOMINI 2002.

Стихи.

Перевел с литовского ВИКТОР КУЛЛЭ.

104

ВИКТОР КОРЧНОЙ.

И ко мне приходили маги.

106

ЮЛО ТУУЛИК.

Жертва пешки, или Иво Ней с русскими
против Роберта Фишера.

Перевел с эстонского СВЕТЛАН СЕМЕНЕНКО.

110

ДЕСЯТЫЙ ЧЕМПИОН МИРА.

Радиоразговор с Борисом Спасским.

119

РОЙБЕН ФАЙН.

Выиграть - или проиграть!

Перевел с английского АЛЕКСАНДР ВЕЙНГОЛЬД.

130

ВОЛЬФГАНГ УНЦИКЕР.

Доброжелательность аристократа.

Перевел с немецкого ЕВГЕНИЙ КАЛЬЮНДИ.

134

БОРИС КРЯЧКО.

Шахматы - жизнь - здравый смысл... Отповедь любителя.

Рассказ.

142

НИЛ НЕРЛИН.

Эндшпиль.

Восемь фрагментов.

149

Содержание журнала “Вышгород” за 2005 год.

152

Resümee. Summary.

156

В номере использованы снимки, автографы и рукописи
из домашних архивов.

На Днях Кереса фотографировал Ээрик ПЕЙНАР.

На обложке:

Экскурсия. Башня в Кийу - по пути в Пальмсе.

Фото Ээрика Пейнара.

Протокол Шахматной партии четвертьфинального матча
претендентов на звание чемпиона мира

Пауля Кереса и Бориса Спасского в

Риге в апреле 1965 года.

Запись Б.С.

Мы признательны газете “Молодежь Эстонии” за помощь при
подготовке к печати иллюстраций для этого спецвыпуска.

см. также:

www.veneportaal.ee/vyshgorod

НАД
НОМЕРОМ
РАБОТАЛИ

Людмила Глушковская

главный редактор

Юрий Зотов

зам. гл. редактора

Владислав Станишевский

художник

Олег Костанди

технический редактор

Алла Маловерьян

корректор

ЭСТОНСКИЙ
КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
•РУССКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ•

АДРЕС

а/я 1016, "Вышгород", 10302, Таллинн

ТЕЛЕФОН

6 403 945

Е-МАИЛ

Nil.Vysgorod@mail.ee

Напечатано в Таллиннской книжной типографии